Грозное небо Москвы

Николай Николаевич Штучкин

SHOUT
SHARE
IT

- Штучкин Николай Николаевич

Штучкин Николай Николаевич
Грозное небо Москвы

Штучкин Николай Николаевич
Грозное небо Москвы
Содержание
О боях, товарищах и о себе. Предисловие
Первые испытания
Гул в ночи
Горький урок
На ошибках учимся
Скорость - это еще не всё
Под городом Белым
"Мессер" идет к земле
Сердце в горе и гневе
Последний "эрэс"
Экзамен на зрелость
Клинская эпопея
"Отступать больше не будем..."
Тактика жизни
Дни огневые
Мы наступаем
Клятва Отчизне

О боях, товарищах и о себе

Автор повествует о грозном для Родины времени - о начале Великой Отечественной войны, о боях за нашу славную столицу - город-герой Москву.

Хорошо, когда о летчиках и их боевых товарищах - техниках, механиках, младших авиационных специалистах - пишет летчик, сам участник воздушных боев и штурмовых атак фашистских танков и пехоты. Опираясь на боевые эпизоды, знания службы и жизни военных летчиков, давая всему объективную оценку, Николай Николаевич Штучкин непринужденно рассказывает, как авиаторы 120-го истребительного полка (впоследствии 12-го гвардейского) учились воевать и побеждать вероломного врага. Повествование ведется взволнованно, раздумчиво, с хорошей наблюдательностью, с размышлениями над событиями тех лет, о себе, о своих боевых товарищах. Глубокое понимание событий и духовного состояния советских воинов, никогда не терявших веры в народ и партию, в победу над врагом - главное достоинство книги, ценность труда автора, сумевшего рассказать об увиденном и пережитом, о коммунистах и комсомольцах, о

совершенном ими подвиге.

Достоинство книги и в том, что автору удалось воссоздать живые и зримые черты своих командиров, начальников, показать их ведущую роль не только на земле, но и в воздушных боях. Особенно убедительно и ярко показан образ командира истребительского авиационного полка А. С. Писанко, участника боев с японцами в небе дружественной Монголии, кавалера двух орденов Красного Знамени.

Талантливый, мыслящий командир, коммунист Писанко, говоря авиационным языком, подан под разными ракурсами Мы видим и в минуты раздумий, и в гневе, и в те часы, когда летчики размышляют над судьбами Родины, с душевной болью говорят об угрозе, нависшей над Москвой, за которую каждый готов отдать жизнь.

Удались образы командиров эскадрилий Е. Боровского, В. Томилина, М. Кулака, летчиков Н. Стунжаса, А. Шевчука, Г. Хозяинова, И. Бочарова, В. Косарькова... Мы представляем их лица, характеры, слышим их речь, смеемся и замираем в волнении, когда они вступают в схватку с врагом. Каждый из них показан в действии, поэтому легко запоминается. Достаточно вспомнить обстановку воздушного боя, когда звено наших истребителей во главе с лейтенантом Томилиным, вылетев на разведку, вступает в бой с фашистскими истребителями, и сразу же перед глазами возникает образ безгранично преданного Советской Родине, умелого летчика и командира Виктора Томилина.

Книга читается с большим интересом, она весьма полезна. Прочитав ее, многое переживет и поймет не только молодой, но и поживший читатель. А для молодежи, которой предстоит служба в армии или уже надевшей армейскую форму, откроется в этой книге много поучительного и в другом смысле - она увидит, как рождается армейская дружба, как закаляются воля и характер, как приобретается нелегкое воинское мастерство.

Автор поучительно рассказывает об ошибках и промахах, связанных и с непредвиденными обстоятельствами и случайностями. В книге ярко раскрыты мужество, отвага, патриотизм советского человека, который воевал не ради славы, а для того, чтобы отстоять свою Родину - Советский Союз, разгромить фашистских захватчиков, освободить народы Европы от коричневой чумы - фашизма.

Н. Сбытов,

генерал-лейтенант авиации,

бывший командующий Военно-Воздушными Силами Московской зоны обороны.

Посвящается моим боевым друзьям-летчикам, техникам, механикам, младшим авиационным специалистам 12-го гвардейского истребительного авиационного полка - защитникам Москвы.

Автор

Первые испытания

Гроза, охватив Подмосковье, бушевала всю ночь. Утихнув только под утро, ворча, покатилась на запад, потащила рваные тучи, и небо, распахнув синеву, засверкало. Косые лучи восходящего солнца, упав на стоянку наших машин, загорелись на крыльях, расцветили влажный кустарник, траву, и все сразу ожило, зазвенело, запело.

- Сказка! - говорит восхищенно Шевчук. Володя Леонов завороженно молчит, улыбается своими большими голубыми глазами.

Сказка даже для городских: Володя - москвич, Толя - из Харькова. А что вижу и чувствую я, если каждый куст у заросшего пруда, каждая крыша избы, звон ведра у колодца напоминают до боли родные места и душа переполнена воспоминаниями.

Слева и справа, насколько хватает глаз, вперемежку луга, рощи, поля. Небольшие деревушки и села утопают в садах, виднеются только крыши - белые, зеленые, красные. Сзади нашей стоянки - деревня Алферьево, небольшая, дворов на пятьдесят, с садами, огородами, неотъемлемой частью деревенской красы георгинами, золотыми шарами у каждого дома.

Перед нами лужок, небольшой, затерявшийся среди лесов и полей Подмосковья, впервые разбуженный ревом моторов 22 июня; теперь это наше летное поле. Вполне вероятно, сюда никогда бы не сел ни один самолет, если бы не война, и никто не топтал бы эту большую, по пояс траву, не обжигал бы ее бензином, не губил отработанным маслом. Никто бы не рыл здесь землянок, траншей и окопов.

На той стороне аэродрома, на северной, - стоянки двух эскадрилий, второй и третьей. Там же КП - командный пункт нашей части. Но их отсюда не видно, они в низине. Оттуда, будто из-под земли, высится красная кирпичная церковь, но она значительно дальше, у шоссейной дороги, идущей к Волоколамску. И город, и церковь - ориентиры, по которым мы находим свою полевую площадку.

Завтра, по указанию командира полка, траву на площадке скосят, но скосят не начисто: через каждые десять-двенадцать метров оставят небольшие кусты, и летное поле, если смотреть с высоты, будет похоже на заболоченный луг; летчики соседних

полков, прилетая на нашу точку, не с первого захода будут верить посадочным знакам.

Грунт летного поля, поросший густой травой, - достоинство нашей точки: какой бы дождь ни прошел, глядишь, через час уже сухо, летай, работай в полную силу.

Младшие лейтенанты Анатолий Шевчук, Владимир Леонов и я - боевое звено, и хоть воинские звания у всех одинаковые, Шевчук - командир, мы - подчиненные. Толя окончил военную школу на целых два года раньше меня и Володи. Он уже был командиром звена, а теперь адъютант эскадрильи. Так называется должность по штату, а по сути - начальник штаба. Это, конечно, величина, и другой бы на месте Толи держал себя с молодыми соответственно должности, он же прост и приветлив, и мы уважаем его как командира, как человека.

Но мы перед Толей юнцы. За эти два года он стрелял по воздушным и наземным мишеням, ходил по маршрутам, не раз побеждал в учебных воздушных боях, а нам все это еще предстояло. Однако дело не только в налете, главное - в зрелости мысли.

.. Я вспоминаю спокойное, тихое, необыкновенно мирное утро в Клину. В тени под разлапистым деревом, около самолетной стоянки, мы ждали командира полка, ждали отбоя тревоги. Подполковник Девотченко, суровый, сосредоточенный, вернувшись из штаба, сказал: "Отбоя тревоги не будет. Война".

Война... Мы слышали о боях и победах советских пилотов в небе Испании, Китая, Монголии. Слышали раньше, до 22 июня. А в тот первый военный день, собравшись у машины Шевчука, мы бурно восторгались их героизмом и были полны решимости драться с врагом, совершать подвиги. Мы уже видели себя в ореоле славы и почета, мы где-то парили, позабыв, что многим из нас даже в учебных целях не доводилось нажимать на гашетку. И только Шевчук, с доброй усмешкой старшего, вернул нас на грешную землю:

- Плохо, хлопцы, если сразу пойдем на фронт. Полетать бы немного, потренироваться...

И мы убедились, что Толя был прав. Убедились в самое ближайшее время - 25 июля 1941 года, на четвертый день после первого ночного налета фашистов на нашу столицу. Этот день - наша беда у наука, но рассказ о нем впереди. А сейчас, дружно повернувшись на рокот мотора, молча глядим на восток. Самолет приближается. Его можно уже различить; это двухместный УТИ-4, учебный вариант истребителя И-16. Самолет проходит над стартом, делает круг, идет на посадку.

- Начальство, - говорит Анатолий, - новый командир полка

майор Александр Степанович Писанко.

- Слышал о нем? Видел? - сразу загорается Володя Леонов.

Нетерпеливый, подвижный, очень веселый Володя любит цыганские песни. И не меньше, чем песни, - всякие новости. Чтобы первым узнать, первым рассказать о них летчикам эскадрильи. Шевчук улыбается. Зная невинную Володину слабость, отвечает коротко, ясно:

- Не слышал. Не видел.

Володя разочарован и, вижу, не верит. Но спрашивать бесполезно, если Шевчук не хочет сказать - не скажет. Повернувшись, глядим на дорогу, в дальний конец деревни. Оттуда, поднимая серую пыль, несется полуторка. Шевчук глядит на часы.

- Завтрак везут. Пошли потихоньку. После завтрака собираемся неподалеку от стоянки, в автобусе, старом, большом, перекрашенном в какой-то немыслимый серо-зелено-коричневый цвет. Теперь это цвет маскировки. Эскадрильский автобус-это и штаб, и штаб-квартира, в нем живут командир нашей эскадрильи Глебов и комиссар Акимцев. Мы, летчики, живем около своих самолетов, в самодельных фанерных домиках, а сюда собираемся, чтобы узнать последние новости, получить боевую задачу. Впрочем, задача одна и та же на каждый день: боевое дежурство. Мы несем боевое Дежурство или, сидя в кабинах, - готовность номер один, или около самолетов, под плоскостью - готовность номер два. года после войны и я узнаю о том, что сотворил он однажды, в сорок третьем. Этот удивительный случай будет еще одним подтверждением, что летчик без неба не может жить, что ради сохранения "своих крыльев" он может пойти на все.

...После одного из воздушных боев под Днепропетровском Меншутин садился на незнакомом аэродроме. При посадке тормоза отказали - воздушную систему повредил фашистский снаряд. На большой скорости самолет выскочил за пределы посадочной полосы, попал в воронку от бомбы, перевернулся. Получив сотрясение мозга, Меншутин ослеп.

Три месяца бились над ним врачи, на четвертый зрение восстановилось. Не полностью, частично. Прочитав заключение медицинской комиссии, Меншутин вернулся в полк, доложил: "Все в порядке. Здоров", - первый раз в жизни обманув своего командира.

Снова начал летать, сбил несколько самолетов противника, а через три месяца в полк пришло заключение медицинской комиссии: "К летной работе не годен..."

До конца войны Меншутин совершил 427 боевых вылетов, лично сбил 18 вражеских самолетов, за что удостоен звания Героя

Советского Союза. Подлечившись, летал и после войны, и только в 1959 году был списан в запас с реактивных.

Итак, Писанко задал вопрос: "Летаете?". Отвечаем все сразу, жалуемся:

- Редко... Мало...

- Как это мало? Ну вот у тебя, - командир глядит на Леонова, - на "Чайке" какой налет?

- Три полета по кругу, один полет в зону и перелет сюда, - в голосе Володи обида. - И здесь: полет по кругу и полет в зону.

- А у тебя? - обращается командир к другому летчику.

У всех молодых летчиков налет оказался примерно таким же.

- С вами много не навоюешь, - хмурится Писанко. Что верно, то верно. Год учебы в аэроклубе - сорок часов налета на самолете ПО-2. Около года в военной школе: полеты по кругу на самолете Ут-2, полеты по кругу и в зону на И-16. Такова программа скороспелого истребителя. С такой подготовкой из Борисоглебской авиашколы пришли 43 человека. Выпускники других школ, более двадцати человек, до прибытия в Клин месяца три летали в резервных полках.

Но это еще полбеды, что в школе летали немного, беда в другом: 120-й истребительный полк, стоявший на обороне Москвы и сформированный полгода назад, получил на вооружение не И-16, на которых летали, а И-153 ("Чайка"). Предстояло переучиться, а это непросто, особенно в зимнее время. Многие стали летать на "Чайках" буквально за несколько дней до начала войны.

- Все ясно, - говорит командир, - но сокрушаться не время. Будем летать. Прежде всего - в пилотажную зону. Главное для истребителя - уметь пилотировать, в совершенстве владеть самолетом. Пилотаж придает летчику смелость, уверенность, летчик обретает чувство машины.

В автобусе жарко. Командир снимает летную куртку. На груди два ордена Красного Знамени. Не ожидали - уж очень не похож на героя. Перехватив наши взгляды, Писанко улыбнулся просто, открыто.

- Расскажите, - попросил Карасев.

Мы поддержали.

Оказалось, что в 1937 году Писанко был в Китае, сражался с японцами. Там получил первый орден. В 1939 году сражался с японцами на Халхин-Голе. Там получил второй.

- Помню воздушный бой, - начал рассказывать Писанко, - двадцать девятого апреля тридцать девятого года. В день рождения своего микадо японцы решили разбить Ханькоу. Восемь девяток бомбардировщиков приближались в плотном строю.

Истребителей прикрытия почему-то не было. Мы сбили тогда двадцать один самолет. Из Москвы пришла телеграмма: нарком обороны поздравил пилотов с победой.

Семь месяцев пробыл там Писанко. Были победы, были и поражения - война есть война. Уходил молодым лейтенантом, пилотом, вернулся капитаном, опытным летчиком.

- Японцы дрались неплохо, - говорит командир, - но в бой вступали при явном численном превосходстве, преимуществе в высоте. Тактика немцев аналогична. Разница только в одном: самураи дрались до последнего, фашисты затяжные бои не любят. Ударят - ив сторону.

Быть или не быть, так поставлен вопрос. Жить или не жить: мне, моим друзьям, Родине. Всему нашему народу. Дело наше правое, значит, придет она, наша победа. Придет! Мы сейчас же возьмемся за дело. С утра и до вечера будем летать, готовиться. Через месяц, уже подготовленных, нас перебросят на запад. Не только наш полк, но и другие. Мы надежно прикроем войска, и враг остановится... Таковы мои думы.

...Идет митинг. Люди выступают один за другим. Летчики, техники, механики. Негодуют. Изливают свое возмущение, свою боль: по ту сторону фронта у многих остались родные и близкие. Говорят о наших задачах. Надо больше летать. Как можно больше летать. Пилотировать в зоне. Стрелять. Надо в совершенстве владеть самолетом. Встреча с воздушным противником не за горами.

- Будем зорко охранять Москву от фашистской авиации! Вот наша задача в ответ на призыв партии, - подводит итог выступлений комиссар эскадрильи Василий Васильевич Акимцев.

Мы искренне удивились потом, когда узнали, что Писанко только двадцать шесть лет. Так здраво и зрело он оценил обстановку, наши возможности, так здорово взялся за дело. Над аэродромом закипели "бои", стрельбы по шар-пилотам. Конечно, очередь дошла не до всех. Но обстановка изменилась в корне. Все как-то сразу поняли, что дело боеготовности - дело не только общее, но и каждого в частности.

Началась борьба за боеготовность. Главной проблемой оказался запуск моторов. Техник стоял у крыла, подавая сигналы водителю автостартера. Тот осторожно подъезжал к самолету, целясь трубой со специальным захватом (храповиком) во втулку винта. Не доехав сантиметров пятнадцать-двадцать, останавливался. Техник прыгал на буфер, сцеплял захват со втулкой винта, водитель включал автостартер и раскручивал винт. Потом, когда мотор запускался, подавал машину назад.

Командир оказался не только человеком неуемное энергии,

но и творческим, постоянно искал что-то новое.

Он сразу же вывез на спарке и выпустил ночью на боевом самолете командиров эскадрилий, их заместителей и даже часть командиров звеньев, подготовил их к ночному дежурству.

Мы стали знать о делах наших соседей, общую обстановку на фронтах. В полк прилетел кто-то из штаба авиакорпуса, через час после его отлета начальник штаба пришел к нам в эскадрилью, собрал на беседу летчиков.

- Серьезные события назревают, товарищи, - сурово сказал Яков Петрович. Противник начал вести разведку аэродромов, железнодорожных узлов, перевозок. Первого июля разведчик появился над Вязьмой, второго - над Ржевом, четвертого и пятого побывал у самой Москвы. Активность противника, к сожалению, возрастает.

- Кому-нибудь доводилось встретить разведчика, подраться, сбить? интересуется Стунжас. - Какова обстановка с точки зрения тактики?

Николай Ульянович Стунжас особый у нас человек и летчик. Он тоже из молодых, но ему уже двадцать шесть. Однако дело не в возрасте. Он единственный в нашем полку человек с высшим образованием. До авиашколы был начальником цеха завода. По прибытии в полк его сразу назначили на должность командира звена и временна замполитом нашей эскадрильи. И он неплохо справлялся. Уже давно на эту должность приехал Акимцев, а мы по-прежнему, в силу привычки, а вернее, из уважения называем Стунжаса только по имени-отчеству и обращаемся как к старшему.

- Доводилось, - отвечает Топтыгин, - правда, не каждый раз удавалось сбивать, но летчики дерутся неплохо. Один совершил воздушный таран. ФамилияИмя.. Сейчас скажу, - застеснявшись, что забыл имя такого героя, Яков Петрович торопливо шарит в карманах, достает записную книжку, читает: Лейтенант Степан Гошко, с аэродрома Великие Луки. Таранил в районе Ржева. Разведчик шел на Москву. У Гошко отказало оружие...

Это был первый таран в период обороны столицы.

Фронтовая газета "За храбрость" несколько позже напишет: "Летчик Гошко вступил в воздушный бой с Хе-111, пилотируемым германским полковником. Поставив своей целью ни в коем случае не упустить врага, тов. Гошко самоотверженно бросился на него и протаранил". Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 1941 года Степан Гошко был награжден орденом Ленина.

Через какое-то время газета снова напомнит о нем, о его боевых делах, о победах. И еще один раз. И будет молчать целых двадцать два года. Потому что Гошко уйдет из системы обороны

Москвы, боевая судьба будет бросать его по полкам, по фронтам Великой Отечественной, но я не буду об этом знать и только буду помнить эту фамилию. А через двадцать два года, когда газеты будут писать о героях обороны Москвы, я буду собирать материал о Гошко, но мало чего найду, и чтобы хоть как-то понять душевный порыв героя, мысленно представлю себя в кабине "яка", на месте Степана Гошко, и напишу о нем заметку. И все время буду думать о том, куда же он все-таки делся, жив ли?

Пройдет еще восемь лет, и я его встречу. Мы будем бродить по осенним дождливым улицам небольшого подмосковного города, над которым когда-то летали и дрались, и майор запаса Степан Семенович Гошко, высокий седой мужчина с обгоревшим в воздушном бою лицом, как старому фронтовому товарищу, будет рассказывать мне о крутых поворотах своей судьбы и в течение целого вечера мы будем "летать" с ним "крыло к крылу" в районе Москвы и Демянска, над Ельцом и Ленинградом, над Псковом и Тарту...

Он расскажет, как падал в болото после воздушного боя и как выбирался оттуда с разбитыми плечом, рукой, головой. Как лечился и беспокоился, что небо ему закроют, И как воевал потом и снова лечился. Как в одном из воздушных боев восьми наших истребителей против восьми гитлеровцев летчики группы, которую он возглавлял, сбили семь "фокке-вульфов", а сами не получили ни единой царапины. Как перехитрил он однажды фашистского аса, а спустя какое-то время горел, хоронился от немцев в лесу, выбирался на свою территорию и не выбрался: ослеп, заблудился и, скитаясь, случайно вышел на хутор, занятый врагом, и попал в лагерь для русских военнопленных. Как потом освободили их наши танкисты. И как закончил войну, сделав последний полет в район Кенигсберга 9 мая, в день великой Победы.

Вспоминая, он будет называть имена боевых друзей, живых и погибших, вздрогнет и не сразу поверит, что один из погибших его товарищей - Володя Лапочкин - жив и здоров, ныне полковник запаса. И долго будет о нем расспрашивать. И только тогда мне станет известно, что Гошко, Титенков, Лапочкин - герои одного и того же полка, стоявшего в Кубинке.

Все это будет потом, а сейчас, вытянув длинную шею, начальник штаба с минуту молча глядит на нас, будто стараясь проникнуть в душу, и повторяет:

- В бою отказало оружие, и он, представьте, пошел на таран. Молодец, ничего не скажешь. Герой!

Шумим, восторгаемся подвигом. Кто-то предлагает слетать в Великие Луки, поговорить со Степаном Гошко и другими

пилотами о воздушных боях, о тактике немецких разведчиков.

- Одну минуту, товарищи! - восклицает начальник штаба. - О тактике тоже скажу... При встрече с истребителями разведчик, как правило, старается уйти в облака. Если такой возможности нет, пикирует, пытается "затеряться" на фоне земли. Если истребитель преследует - несется по верхушкам деревьев, под хвост не пускает...

Начальник штаба ставит нам боевую задачу: одиночными экипажами прикрыть железнодорожные перевозки на участке Волоколамск - Ржев. Нам, молодым. "Командиры будут дежурить ночью", - говорит капитан Топтыгин. "Ну и отлично, думаю я, - пусть на здоровье дежурят, а мы полетаем".

Неясен вопрос: как прикрывать? Длина участка - добрые сто километров. Противник появится где-то на середине участка, а я нахожусь в начале. Он же не будет меня дожидаться. Намереваюсь задать вопрос, но меня перебивает Хозяинов: интересуется тем же

- Нельзя понимать так примитивно, - сердится Яков Петрович, - я думал, что вы догадаетесь сами. Надо найти эшелон и над ним патрулировать.

- А если их два, три? И все в разных местах? Начальник штаба с минуту молчит, удивленно глядя на летчиков.

- Вообще-то вы правы, товарищи. Соображаете, значит. Стратеги! Будете летать по маршруту Волоколамск - Ржев и обратно. По времени это составит сорок минут. Над Волоколамском - смена дежурства. Информацию о воздушной обстановке будете получать с, командного пункта полка и действовать в соответствии с обстановкой. Все. Вот это по существу.

Первое боевое задание... Взлетаю. С набором высоты и с курсом на юг выхожу на "железку". Разворот вправо. Иду в сторону Ржева. На карте проложен маршрут. Отмечены опорные пункты: Шаховская, Княжьи горы, Погорелое Городище, Зубцов. Указано время полета между ними. Командир полка приказал одновременно с выполнением боевой задачи изучать район, сочетая компасную навигацию с визуальной ориентировкой.

Откровенно говоря, мне сейчас не до этого. Меня распирает чувство свободы - впервые лечу по маршруту один. Испытываю необыкновенную гордость - впервые выполняю боевое задание, охраняю дорогу, по которой идут эшелоны. У меня в руках боевое оружие: два пулемета "ШКАС" и крупнокалиберный "БС". Стоит только нажать на гашетку... Правда, мне не приходилось еще нажимать, не было подходящего случая. А сегодня он может быть.

Внизу идет эшелон. Бросаю "Чайку" к земле, мне хочется

пронестись на уровне открытых дверей вагонов, качнуть крылом, приветствуя людей, спешащих на запад, перевести самолет в набор высоты, громыхнуть залпом.

Но здравая мысль заставляет прижать самолет к горизонту, снова уйти на заданную командиром полка высоту - 3000 метров. Что бы я делал на бреющем, если бы выше меня появились фашисты? Мог ли отразить налет? Нет. Самолет - не снаряд, вертикально вверх не летает. Пока наберешь высоту, немцы разобьют эшелон. От одной этой мысли сразу бросает в жар.

Смотрю на часы: пора возвращаться домой. Иду вдоль железной дороги до поворотного пункта, затем беру курс на Алферьево. По пути захожу в пилотажную зону, выполняю несколько комплексов: переворот, боевой разворот. Так приказал командир.

Дорогу прикрываем несколько дней подряд, а вражеских самолетов будто и нет вообще. Ганя недовольно ворчит:

- Люди воюют, самолеты сбивают, а мы горючее жжем, воздух утюжим... Где справедливость?

Гул в ночи

Двадцать первое! Жаркий июльский день на исходе. Поужинав, не спеша идем по стоянке - Шевчук, Бочаров, Хозяинов и я.

- Месяц прошел с начала войны, - говорив Бочаров. Но мы все молчим. Что говорить, немцы рвутся на восток. Стоим у машины Шевчука. Прогазовали моторы в звене ночников невдалеке от нашей стоянки. Кругом тишина. Но вот послышался звук. Едва уловимый, он приближается с запада, постепенно наливается силой, наконец переходит в гул - надсадный, тяжелый, завывающий. Проходят минуты, и он заполняет все небо.

- Немцы! - выдохнул Ганя Хозяинов.

Я уже понял, что это не наши, но мне как-то не верилось. Весь этот месяц казалось, что война еще далеко, что она никогда не придет в Подмосковье. А если даже придет, думалось мне, то это не значит, что немцы будут бомбить Москву.

Но вот война пришла в Подмосковье. Задрав головы, слушаем небо. Оно стало зловещим.

- Такое впечатление, - говорит Анатолий Шевчук, - будто вижу кресты.

У меня неприятно засосало под ложечкой, я хотел что-то сказать, но в это время послышался шум. В дежурном звене зарычали моторы, и "Чайки", плеская синим огнем из выхлопных патрубков, порулили на старт. Взлетели. Через минуту рокот растаял в завывающем гуле чужих машин.

Быстро идем к телефону. Шевчук позвонил на КП, спросил, кто и куда улетел. Положив трубку, сказал:

"Федотов и Глебов пошли на Истру".

Не прошло и пяти минут, как послышались выстрелы: в небе над Волоколамском сверкнули багровые, в искрах, разрывы снарядов зениток, а в дежурном звене снова зарокотали моторы и взлетели еще две "Чайки".

- Кулак и Кохан. Туда же, - сказал Анатолий. Спустя около часа возвратился Федотов.

- Где остальные? - забеспокоился Писанко.

- Не знаю, - растерянно ответил летчик. - А разве они не вернулись?

Раскусив тактику немцев, мы встречаем их на всех вероятных маршрутах полета. Дежурим с рассвета до темноты, часами не покидаем кабины.

В ночь на 25 июля немцы снова пытались прорваться к Москве, но налет был отражен. Потом 26 июля. Еще и еще. Полки, стоявшие на аэродромах вокруг Москвы, успешно отражали налеты. Уже загремела слава героев первых боев: Катрич, Матаков, Александров, Платов, Шумилов, Голубин... О них говорят, пишут в газетах. И только мы все никак не проявим себя. Заместитель командира второй эскадрильи Федотов встретил противника, гнался за ним, а когда убедился, что догнать не сумеет, не выдержал, нажал на гашетки. И зря, без пользы себя демаскировал. "ШКАСы" не достали бомбардировщик, а фашистский стрелок, располагая более мощным оружием, в темноте ударил по всплескам огня на "Чайке", и Федотову пришлось покинуть ее, спасаясь на парашюте.

В тот день, когда Кохан вернулся в часть на попутной машине, оставив разбитую "Чайку" где-то на поле, Писанко пригласили в Волоколамский райком партии. Он не услышал и слова упрека. Ему только сказали, что хотели бы поздравить кого-нибудь из его пилотов, одержавших победу в бою...

- Посудите сами, товарищи, - говорил Писанко, - скорость нашей машины меньше, чем скорость немецких. Летчики злые, как черти, что не могут догнать. А хотят. Очень хотят.

И рассказал о случае с Коханом.

Патрулируя в зоне, Тимофей увидел проходящий над ним бомбовоз. На фоне неба был заметен его силуэт, особенно хорошо - выхлопные огни. Сблизившись метров на триста, летчик открыл огонь. Трудно сказать, попал или нет, но немец перевел машину в пике и понесся, пытаясь скрыться на фоне земли. Но Кохан держался ниже и все время наблюдал за ним. Так они пронеслись над Истрой, развернулись на Клин, опять развернулись. Не

отрывая взгляда от фашиста, Кохан мельком увидел Сенежское озеро, потом, глянув на компас, прикинул, что где-то по курсу - Волоколамск. "Тем лучше, - подумал он, - ближе к дому. Собью и сразу пойду на посадку".

Приблизиться на дальность хорошего, точного залпа он просто не мог, не хватало мощности мотора, а понапрасну огонь не вел, не хотел себя демаскировать. Он считал, что немец его не видит, а носится просто на всякий случай, чтобы уйти от погони, если она еще существует. И ждал, когда он наконец, успокоится и выйдет в горизонтальный полет.

Так оно и случилось. Когда сзади остался Волоколамск, Кохан подошел к бомбовозу так близко, что можно было стрелять без прицела. Он нажал на обе гашетки, и четыре "ШКАСа" с треском изрыгнули огонь. Бомбардировщик сунулся вниз, и Кохан, боясь его потерять, сразу пошел за ним. Он думал, что земля еще далеко...

Кто-то из слушавших Писанко ахнул:

- Погиб?

Нет, Тимофей не погиб: случай спас. Зацепив верхушку высокого дерева, он почти инстинктивно рванул на себя ручку управления, пытаясь уйти от земли, но "Чайка" просела, ударилась нижней частью мотора о свеженарытый бугор земли, разворотила его и поползла, разрушаясь, по ровному месту. Бугор и спас нашего Кохана.

Очнувшись после удара, он с рассветом вышел к дороге и на попутной машине приехал в часть. На вопрос командира: "А что с фашистом?" Кохан скрипнул зубами и, скривившись от боли, зло процедил: "Ушел фашист".

А через два дня на место падения "Чайки" приехали техники. Они нашли там груду обломков, не пригодных даже на запасные части. Но привезли оттуда то, что явилось лучшим лекарством для Кохана - деталь от сбитого им фашистского самолета. Он валялся в ближайшем лесу, в километре от места падения "Чайки".

- Где он сейчас, Кохан? - спросили командира полка.

- В нашей санчасти, в госпиталь ехать отказался.

- Передайте ему привет, пожелайте дальнейших успехов.

Вскоре после этого командир эскадрильи Боровский, барражируя ночью в районе Истры, внезапно увидел фашистский бомбардировщик. Шаря по небу, его зацепил прожекторный луч. Враг заметался и вырвался было из цепких объятий лучей, но прожектор пошарил и снова его отыскал. К нему присоединился второй, третий. Лучи скрестились, и "дорнье" засверкал синим фосфорическим светом. Боровский приблизился метров на сто

пятьдесят и ударил из всех пулеметов. Бомбовоз загорелся, но для верности летчик дал еще одну очередь. Бомбардировщик упал и взорвался южнее Истры.

Утром вместе с командиром полка Боровский приехал к нам в эскадрилью и рассказал о поединке с фашистом. Человек удивительной скромности, немолодой капитан и командир эскадрильи, он не восторгался победой, он рассказал обо всем спокойно, по-деловому, будто проводил занятие. Но я понял, что у него на душе. Понял, что перед нами герой, такой же, как Писанко, как подполковник Девотченко.

И словно в подтверждение этого вскоре Боровский сбил еще одного бомбера. И тоже в ночном бою. "Юнкере" упал в районе Звенигорода. О подвиге писали газеты, в том числе и наша "За храбрость".

В одну из этих ночей одержал победу в бою лейтенант Александр Яуров, бывший командир звена в эскадрилье Боровского. До начала войны он служил в нашем 120-м полку. В июле полк разделился на два, и Яуров ушел в другой, 121-й авиаполк. Победа Яурова не удивила меня: он уже был признанным мастером боя.

По прибытии в полк он как-то сразу бросился мне в глаза. Смуглый, суровый на вид. Наверное, татарин, подумалось мне. Я невольно с любопытством стал за ним наблюдать. Энергичный, независимый, он уважал своего командира капитана Боровского, но дружбы с ним не добивался - это было заметно даже со стороны. Подчиненных пилотов учил с душой, требовал жестко, и летчики, хотя и сердились порой на него, но уважали. Помню, кто-то из них, кажется Володя Гнатенко, даже жаловался начальству на грубость Яурова, но когда Боровский предложил молодому пилоту перейти в другое звено, тот отказался.

Когда наш полк разделился на два и Яуров от нас ушел, я подумал, что он станет там замкомэска. Однако ошибся: он шагнул через должность и сразу стал командиром.

Когда немцы начали совершать налеты на нашу столицу, я вспомнил Яурова и подумал, что он отличится, покажет себя в боях. И точно: он сбил два самолета днем - об этом рассказали товарищи, а теперь о нем написали в газете уничтожил фашиста ночью.

Горький урок

25 июля. Прямо у самолета Шевчук ставит задачу:

- Взлетаем звеном. Ты, - кивок в мою сторону, - слева. Ты, - пальцем Леонову в грудь, - справа. Будем патрулировать над Теряево.

Шевчук отступает на два шага, смотрит на нас. Что бы еще сказать? Грозит кулаком.

- Смотри мне!

Все ясно: надо быть повнимательнее. Первый раз взлетаем в составе звена. Особенно сложно мне: при взлете надо смотреть направо, а это непривычно. Но я доволен. Главное - научиться трудному: летать левым ведомым, выполнять правые развороты, правые фигуры пилотажа.

Взлетаем. Делаем круг, берем курс на Теряево. Высота две тысячи метров. Под крылом живописнейшая картина. Зеркальная гладь озера рассечена узкой полоской аллеи. На берегу - монастырь, огромный, торжественный, белоснежно-сверкающий. Вокруг него - стена с башнями и, очевидно, с бойницами. Шесть или семь башен. Ярко-зеленая крыша.

Был бы один - полюбовался бы вволю. Сейчас не могу: все внимание только ведущему, вернее, хвосту его самолета. "В хвост надо вцепиться зубами", сказал командир звена, и мы поняли это как надо.

- Тот, кто умеет держаться в строю, тот летчик, - еще вчера, готовя нас к групповому полету, говорил командир звена. - Кто не умеет, - он выдержал секундную паузу, стараясь сказать такое, что дошло бы до наших умов, - тот просто... мишень.

Понятно. Мишень для "мессершмиттов-109".

А Шевчук продолжал:

- Какой бы маневр я ни сделал, вы должны держаться в строю. Понятно? - Мы согласно кивнули. - Я - в вираж, вы - рядом. Я - в боевой разворот, вы рядом. Я - в пикирование, вы - рядом.

Ведущий качнул крылом: сигнал "Подтянись. Начинаем...". Подходим к нему поближе. Выполняем левый вираж с небольшим креном. Надо удержать свой самолет в одной плоскости с самолетом ведущего. В этом случае крылья наших машин должны составить прямую линию. Это красиво и грамотно. Вижу: вполне получается. Правда, мне сейчас нелегко, потому что нахожусь внутри виража. Зато на правом вираже отдыхаю.

- Переходим в пике! - командует нам ведущий.

Пикируем плотным строем... Можно подумать, что плотным - труднее. На самом же деле проще, легче замечаешь, когда отстаешь от ведущего, когда нагоняешь его.

Полеты в боевом строю - на разомкнутых интервалах и дистанциях - у нас еще впереди. Мы придем к ним не сразу и не по собственной воле: жизнь заставит, боевые дела.

Пикируем. Иду с небольшим принижением сзади, наблюдаю ведущего через крыло. Краем глаза смотрю на озеро. Вода у берега будто темно-зеленый бархат. Вероятно, это осока. Нет,

осока светлее. Тростник! Как все-таки здесь красиво, спокойно! Даже не верится, что идет война, а мы не просто летаем строем, а патрулируем, поджидаем врага.

До земли остается метров семьсот. Шевчук тянет самолет к горизонту, переводит в угол набора. Земля быстро уходит вниз. Держусь нормально. Сейчас ведущий должен пойти в левый боевой разворот.

Но что это? Он резко бросает машину вправо и, обдав мой самолет черным дымком обогащенной смеси, уходит в сторону солнца. Первая мысль: не отстать от него, не потерять из виду. И вторая: наш командир неправильно поступил, развернувшись в сторону солнца. Но мое ли дело обсуждать его действия? Моя снятая обязанность - быть рядом с ним в любую минуту, в любой обстановке. Что Девотченко говорил?

На какую-то долю секунды, будто видение: Клин, 22 июня, мы сидим под разлапистым деревом, около самолетной стоянки. Перед нами - Девотченко. Он говорит: "Главное в боевой обстановке: держись своей группы. Отстал, оказался один, считай, погиб". Я понял: это закон. Понял еще тогда, 22 июня, а сейчас это чувствую остро, до боли в груди. Вот уж действительно, небо в овчинку. А солнце... Оно жжет, ослепляет.

Куда же все-таки делся Шевчук? Ладонь козырьком ко лбу. Смотрю, ищу. Бесполезно. Взгляд на землю - пусть отдохнут глаза. Секунду, не больше. Снова - вперед. И вдруг - о радость! - вижу. Он впереди и выше. Небо сразу стало другим: своим и уютным. И солнце стало иным: теплым и ласковым. Много ли человеку надо, особенно летчику - увидеть ведущего...

Теперь надо догнать его, занять свое место в строю. Однако он уходит все дальше и дальше. И выше. Нас разделяют триста, семьсот, тысяча метров. Покричать бы ему по радио, попросить уменьшить обороты мотора, подождать, пока не пристроюсь, но на машинах ведомых пилотов пока еще нет передатчиков, мы работаем лишь на прием. Однако почему ведущий молчит? Выключил рацию? Вполне вероятно. Визги и шумы в наушниках заглушают даже работу мотора. За отключение радиостанции нас пока не ругают. Но будут. Обязательно будут. И заставят настраивать ее перед вылетом, о шумах и визгах записывать в специальный журнал, сообщать инженеру, говорить на комсомольских собраниях. Даже вылетать запретят, когда неисправна радиостанция. Это будет, будет скоро. Но сейчас, упорно храня молчание, мой ведущий постепенно уходит все дальше и выше. Как бы не потерять его окончательно.

А где же Леонов? Впереди не видно. Быстро смотрю назад. Вижу: он сзади справа. А Шевчук все удаляется. Напряженно

следя за ним, я ни разу не глянул в кабину, на приборную доску. Какая у меня высота?

О боже! Четыре тысячи метров! Даже несколько больше. А на двух тысячах семьсот надо было включить вторую скорость нагнетателя. Так вот почему я так быстро отстал от ведущего. Включаю...

"Чайка" рванулась вперед. Вижу, как отстает Леонов. Неужели не догадается глянуть в кабину, на прибор высоты. Нет, не догадался. И вскоре отстал, потерялся из виду.

Зато я быстро нагоняю командира звена. Очевидно, на моем самолете очень сильный мотор - так заметно сближаюсь с ведущим. Теперь-то он от меня не уйдет! Но мне надо быть похитрее: если я настигну его очень быстро, не видать мне моего самолета. Отберет да еще отругает. Не уважаешь, скажет, своего командира, на хорошую машину сел и молчишь. А я лично мыслю иначе: командира и надо сажать на плохую, на старую, чтобы не бросал своих подчиненных. Но почему он идет по прямой? Пора бы уже назад - километров шестьдесят поди отмахали от зоны. Неожиданно вижу: с разворота влево Шевчук по кому-то ведет огонь. В дымных лентах мелькают зеленые искры. Опускаю нос самолета... и не верю своим глазам: прямо передо мной - бомбовозы, четыре Хе-111. Огромные, неповоротливые, серовато-желтого цвета, вроде нашего штабного автобуса.

Кажется, я нахожусь в положении, явно невыгодном, Для победы надо иметь превосходство и прежде всего тактическое. А его-то и нет. Скорости "Чайки" и "хейнкеля" почти одинаковы, а высотой для свободы маневра я запастись не успел. Лезу прямо в строй бомбовозов, и мой самолет - отличная цель сразу для всех фашистских стрелков. Они уже бьют. Дымные трассы, будто живые, тянутся к моему самолету. Я слышу удары, чувствую их: "Чайка" принимает в себя раскаленный металл.

Быстро включаю оружие, не целясь, жму на гашетки! Промахнуться почти невозможно - так самолеты близко. Мелькает мысль: как быть дальше? Бить сразу по всем, неприцельно, это, конечно, не дело. Решаю: надо отойти вправо и, прикрываясь солнцем, ударить крайнего. Бой будет результативнее. Но как отойдешь, если я сблизился до предела? Стоит только свернуть, подставить незащищенный живот самолета, как сразу подобьют. Пронестись. над строем фашистов? Нельзя, мала скорость. Пока над ними будешь идти, расстреляют. Бросить машину вниз? Тоже не выход из положения. Есть только один и, пожалуй, единственно правильный выход: прикрываясь мотором, будто щитом, сделать скольжение вправо и вниз. Так я и делаю.

Условия изменились: по мне бьют не четыре фашистских

стрелка, а только один. "Если атаковать вдвоем, одновременно слева и справа, - думаю я, - то фашисты рассредоточат огонь..." Но где он, Шевчук? Быстро осматриваюсь. Нет, не вижу. Может, он тоже справа? Накреняю машину вправо... Подо мной, едва не задев за крыло, проносится огненный шнур - это стреляет Шевчук. Бросаюсь вверх почти инстинктивно. Мгновение - и ниже меня пулей проносится "Чайка".

Только и не хватало, чтобы мы, боевая пара, столкнулись на глазах у фашистов.

Доворот влево, машина врага в прицеле, жму на гашетку. Дымные трассы впиваются в огромное тело правофланговой машины, гаснут, будто попав в холодную воду. Это я вижу Отчетливо. Мне даже кажется, что огненный смерч, рвущийся из моих пулеметов, разрежет фашиста надвое, превратит его в пылающий факел, но... бомбардировщик упрямо идет вперед, как ни в чем не бывало. На секунду даю отдохнуть пулеметам, чтобы не расплавить стволы. И вдруг замечаю: "хейнкель" кренится влево...

Неужели победа? Воображение рисует картину: перевернувшись, бомбардировщик неуклюже пойдет к земле, распуская хвост черного дыма, в какой-то момент растворится на фоне темного леса, потом полыхнет взрыв, поднимется столб черного дыма.

Нет, "хейнкель" не падает, по-прежнему идет, накренившись. Меня же почему-то выносит влево, в хвост вражеской группы. Внезапно осеняет догадка: фашисты поворачивают назад. И верно: они в развороте. Они уже не дойдут до Москвы. Мы заставили их повернуть.

Чувствую, как прибавляются силы, уверенность. Вот если бы завалить одного!

Отхожу вправо. "Хейнкели" уже развернулись, но держатся в плотном строю. Где же Шевчук? Быстро осматриваюсь. Нет, не вижу. Кручу головой, перекладываю самолет с крыла на крыло. Не вижу. Неужели сбили? И это предположение на какое-то время озадачивает меня.

Где справедливость, думаю я, где человечность? Как это можно, надеясь на силу оружия, прилететь в другую страну, чтобы разбить, уничтожить какой-то город, потому что город чужой, не немецкий. Уничтожить людей этого города, потому что они чужие, не немцы. Сбить русского летчика, потому что он, русский, встал на пути агрессора...

Такие мысли бродили в моей голове. Такие чувства охватили меня. Я понимаю, что это наивно, так мыслить, так чувствовать. Наивно, неправильно. И верно, пройдет какое-то время, и мне

стыдно будет об этом вспоминать. Стыдно перед собственной совестью, потому что в самое ближайшее время я услышу о зверствах фашистов на нашей земле. Увижу очерк в газете - крик души советских людей, очевидцев мученической смерти "Тани" - Зои Космодемьянской. И увижу ее на снимке: в снегу, полуобнаженную, с веревкой на шее. Увижу и сразу пойму, что понятия "справедливость" и "фашистский солдат" - антиподы, несовместимые по природе своей, по сущности. Пройдет еще какое-то время, и я, летая на штурмовку вражеских войск, увижу, как будут метаться фашисты под огнем моих пулеметов, реактивных снарядов, пытаясь укрыться, спастись. А я буду их бить, бить... И мысль, что я уничтожаю их, ни разу не потревожит меня.

Решив, что Толя погиб, со злостью бросаюсь в атаку. - И чувствую, что мне почему-то жарко. И душно. Впрочем, чему удивляться? Июль. День солнечный, теплый. Пока догонял Шевчука, мотор перегрелся. В этом, очевидно, все дело.

Сближаюсь, но медленно. Такое впечатление, будто не тянет мотор. Впрочем, и это не удивительно, не так уж велико преимущество "Чайки" над Хе-111. Не отстать бы и то хорошо. Вижу, как немцы ведут огонь. Стрелок правофланговой машины бьет короткими очередями. Между нами - дымная цепь: десять-двенадцать быстротающих светлых дымков и разрыв - отдых для пулеметов. Снова десять-двенадцать, опять - разрыв...

Пора открывать огонь. Далековато, конечно, но терпения больше нет. Бью по правой, ближайшей ко мне машине. В кабине душно и жарко. Запах гари ударяет в лицо, но "хейнкель" не падает. Идет, как ни в чем не бывало. Надо подойти еще ближе, однако сектор газе давно уже подвинут до упора вперед.

Внезапно мотор начинает давать перебои. Секунды - и машина как в лихорадке. Что это? Справа по боковому капоту мотора летят какие-то хлопья. Передняя половина капота вместо зеленой почему-то становится черной. Чернота быстро бежит прямо к кабине, черные хлопья летят в лицо. Понял наконец: это сгорает краска. В ту же секунду из-под приборной доски вырвались искры, пламя лизнуло колени, правую руку. Горю! А враг уходит. В бессильной злобе жму на гашетки. Пулеметы ревут, исходят огнем. Что толку? Фашисты уже далеко...

Вижу: справа курсом, перпендикулярным полету бомбардировщиков, летят шесть краснозвездных истребителей. Необычные, еще неизвестные мне самолеты: остроносые, длинные. Они налетают, как смерч. Смотрю и завидую летчикам. Уверен: из боя, который они сейчас затевают, фашисты не уйдут безнаказанно.

Так окончилась первая встреча с врагом. Машина горит. Бросаю последний взгляд в сторону уходящих бомбардировщиков и... вижу "Чайку" в километре левее строя фашистов. Очевидно, пилот наблюдает атаку скоростных истребителей. Кто это, Шевчук, которого я поторопился похоронить, или Володя Леонов, догадавшийся наконец включить вторую скорость нагнетателя?

Однако гадать уже некогда, огонь подобрался ко мне вплотную, я задыхаюсь. Надо немедленно прыгать, но торопиться не следует, иначе можно что-то забыть, впопыхах перепутать. Отсоединяю радиошнур. Раскрываю замок привязных ремней. Кажется, все. Последний взгляд на прибор высоты: пять километров. Последняя мысль: все ли я сделал, чтобы спасти самолет? Может, скользнуть на крыло, сбить пламя? Нет, бесполезно. Если бы горело крыло или хвост, дело другое, а то ведь мотор, пламя рвется из-под приборной доски. Я только теряю время, бензиновый бак может взорваться в любую секунду.

Легким движением ручки поднимаю нос самолета, резко его опускаю. Сила инерции легко отрывает меня от сиденья, плавно бросает вверх. Считаю секунды надо сделать затяжку. Падаю вниз головой и вижу свой самолет. С разворотом влево "Чайка" стремительно уходит к земле. Дергаю вытяжное кольцо, слышу шуршание шелка, мотнувшись в сильном рывке, повисаю на стропах.

Все. Бой закончен.

Первый неудачный бой, первый удачный прыжок с парашютом. Впрочем, удачен ли он, говорить, наверное, рано. Клин почти подо мной; отсюда я вижу Истру, зеркальную гладь водохранилища, северо-запад Москвы и Московское море, ровную ленту канала и Дмитров. Я вижу всю красоту Подмосковья, но это меня не радует. Я теперь понимаю: прыжок, как и бой, неудачен. Кто же раскрывает парашют на такой высоте? Случись это около линии фронта, где шныряют Ме-109, они бы изрешетили меня.

Постепенно снижаюсь. Подо мной - лесок, рядом - деревня и колхозное поле. Я думал, что самое страшное - первый прыжок с парашютом - уже позади. Однако это не так. К месту, куда я должен приземлиться, отовсюду сбегаются люди. С граблями и вилами - июль, время уборки хлебов. Недавно в газете видел рисунок: фашист-диверсант опускается прямо на вилы. Вполне представляю, как это может быть. Надо ускорить снижение, надо успеть приземлиться раньше, чем прибегут люди. Хватаю сразу несколько строп, тяну что есть силы. Купол ложится набок, ветер свистит в ушах, земля несется навстречу. Успею!..

На ошибках учимся

С утра день был жарким, горячим. И солнце палило нещадно, и много летали. Во второй половине дня небо нахмурилось, ветер принес низкие тучи и полеты пришлось прекратить. В такую погоду мы обычно проводим совещания или занятия. Проводим там, где и работаем, где живем - у самолетов.

Заседание комсомольского бюро эскадрильи открывает младший лейтенант Михаил Питолин. Насупив белесые брови, комсорг объявляет повестку дня: бой звена Шевчука с группой фашистских бомбардировщиков. И уточняет: не бой сам по себе, а действия летчиков.

Миша не назвал наших фамилий, ни моей, ни Леонова, но на душе у меня творится такое, что не выскажешь никакими словами. Лучше, если бы меня отчитал командир эскадрильи или сам Писанко. Однако ни тот, ни другой не обронили ни слова. Больше того, Глебов сказал: "Летай на здоровье, за одного битого двух небитых дают". "Я теперь боевой, обстрелянный летчик", - подумалось мне. И вдруг это бюро. А в составе бюро мои же товарищи - летчики и техник самолета Георгий Анисин.

Замечаю, что Миша чувствует себя неуверенно. Это понятно - непросто разбирать поступки людей, говорить об их поведении при встрече с врагом, если сам еще не встречался. Он, очевидно, предполагает, что кто-то из нас может подумать: а что бы ты делал, Миша, на нашем месте? Как бы ты действовал, Миша, если немцы стреляют? Не просто ведь так стреляют, не ради того, чтобы тебя попугать, а чтобы убить. Все бы ты правильно делал, Миша?

Но я не думаю так. Я понимаю, для чего нужно это бюро: чтобы другие не повторили наших ошибок. Будем до конца справедливы: не так-то уж здорово мы показали себя в бою. И что бы ни сказали члены бюро, какую бы оценку ни дали нам как бойцам, все будет правильно, справедливо. И нечего комсоргу стесняться. Пусть заставит нас оценить свои действия, пусть спросит, укажет.

Миша коротко вводит членов бюро в обстановку, говорит о результатах встречи с воздушным противником. Это давно всем известно, но ему нужен моральный плацдарм: с чего-то же надо начать.

- Будем говорить по душам, - предлагает комсорг, - откровенно. Согласны?

Все соглашаются. А он, набирая уверенность, продолжает:

- Начистоту. И тот, кто виноват, пусть отвечает. По законам совести. - И вдруг неожиданно, будто пошел в лобовую атаку, спросил: - Как могло случиться, комсомолец Леонов, что ты не поддержал товарищей в этом бою?

Леонов пришел на посадку первым. Шевчук, возвратившись вторым, сразу спросил у него: "Где Штучкин?" Взглянув на избитый самолет командира звена, Леонов сразу все понял и сразу почувствовал себя виноватым. Факт остается фактом: в бой не вступал. Докажи, что не трус, что не бросил в тяжелый момент командира и товарища.

Какое-то время Леонов ждал, что я вот-вот приду на посадку, потом перестал. С приближением вечера все больше и больше росло его беспокойство. Он часто звонил на командный пункт и все время слышал один и тот же ответ: "Пока ничего не известно".

Вечером Володя пришел к самолету, не раздеваясь, лег на чехол. Гнетущие мысли не давали заснуть. "Трус... Бросил в бою товарищей", - так ему могут сказать. Страшнее нет слов, страшнее нет обвинения! Что теперь делать? Что говорить в свое оправдание? Нечего. С трусом никто не захочет летать. Никто не возьмет в звено, если Шевчук от него откажется.

Так, не сомкнув глаз, Володя промучился ночь. И весь следующий день не находил себе места. А я в это время ехал домой. Сначала на деревенской повозке добрался до станции Ново-Петровское, оттуда поездом до Волоколамска, затем на попутной машине. До части добрался лишь ночью.

Отдохнув немного с дороги, я пошел к самолету Леонова. Володя спал, бледный, усталый. Видимо, уснул недавно, перед самым рассветом, когда потянуло прохладой. Он лежал на спине в синей, застегнутой до подбородка шинели, зябко подобрав под себя ноги. Почувствовав мой взгляд, Володя открыл глаза, с минуту смотрел, очевидно не веря, потом вскочил, бросился мне на шею и зарыдал.

И вот мы снова все вместе: Шевчук, Леонов и я - наше звено. Мы - на комсомольском бюро, и Володе задан первый вопрос. Смутившись, Леонов с минуту молчит, собирается с мыслями, наконец отвечает:

- Как же я мог поддержать, если отстал от товарищей? Я же их потерял.

- А почему отстал?

- Теперь-то я знаю, - отвечает Леонов, глядя на членов бюро искренними до отчаяния глазами, и начинает рассказывать.

При развороте на солнце он потерял ведущего. Вскоре нашел, но на большом удалении. Боясь потерять его снова, не спускал с него глаз. Так, поднимаясь все выше и выше, он проскочил высоту, на которой надо было включить вторую скорость нагнетателя. Заметив, что ведущий продолжает от него удаляться, он страшно обеспокоился, следил за ним до боли в глазах, но бесполезно - самолет растаял на фоне синего неба.

- Оказалось, - вздыхает Леонов, - что я гнался за Штучкиным, а ведущего даже не видел.

- Соображать надо было и видеть, - сердито сказал Шевчук.

Сказал, может, и грубо. Вижу, как нахмурились члены бюро: Бочаров, Анисин. А Миша вдруг улыбнулся. Понимаю: доволен реакцией членов бюро на реплику командира звена. Мише, рядовому пилоту, трудно было спросить с Шевчука. Трудно, пока тот держался корректно. Но теперь у комсорга развязаны руки, теперь он спросит, не взирая на должность.

- Объясните собравшимся, товарищ Шевчук, как именно должен был соображать ваш ведомый и кого именно видеть?

Анатолий понял свой промах, но отступать уже поздно, надо давать ответ.

- Ведомый должен быть смелым, находчивым, - поясняет Шевчук, - в любой обстановке держаться крыла своего командира, идти с ним в бой.

- Все верно, - соглашается Питолин, - таким и должен быть каждый ведомый. Но почему же оба ваших ведомых оказались вдруг не такими? Не держались крыла своего командира и в бой вместе с ним не пошли.

- Почему же оба? - кипятится Шевчук. - Один...

- В том и беда, что все вы оказались по одному, - перебивает Питолин. - А можно было бы в паре. и даже втроем.

Шевчук возмущен.

- Уж не хочешь ли ты сказать, что я бросил своих ведомых?

Не вопрос - провокация. Но Миша не растерялся. Помолчал, подумал. Отвечает, чуть усмехнувшись:

- Не горячитесь, Шевчук, не бросайтесь словами. Понятие "бросил" относится к другой обстановке.

- К какой же?

- Вы экзамен мне не устраивайте, - хмурится Миша, - но я, так и быть, отвечу. Например, на ваше звено напали шесть "мессеров". Вам тяжело, туго, а к месту боя подходит еще одна группа вражеских истребителей. Удачным маневром командир звена уходит из боя. Один, без ведомых.

Выдержав короткую паузу, комсорг обращается сразу ко всем:

- Что бы сказали мы командиру звена?

- Бросил! - отвечают члены бюро. А комсорг продолжает:

- Вы не бросили своих подчиненных, товарищ Шевчук, вы просто о них забыли.

Такова обстановка на бюро. Шевчук виноват, но упорно стоит на своем, и это не нравится никому. Мне тоже. Я бы сказал об этом, но не могу. Меня пригласили сюда не затем, чтобы я осуждал действия командира, а затем, чтобы держать ответ.

- Товарищи, - обращается комсорг к членам бюро. - Кто хочет сказать, предложить?

Слово берет Георгий Анисин, рассудительный парень, хороший техник. Недавно его приняли в члены партии.

- Вначале скажу о Леонове, - начинает он не спеша. - Я далек от мысли обвинить его в преднамеренном уклонении от встречи с противником. Это несвойственно нашим летчикам, особенно молодым. Необдуманный риск, бесшабашная удаль, безграмотность - я имею в виду незнание техники - этого у иных хватает. Претензия к комсомольцу Леонову - плохая подготовка к полету, незнание правил эксплуатации мотора. Летчик обязан знать, на какой высоте и что он должен включать. Обязан, наконец, догадаться. Когда ведущий включает вторую скорость, самолет уходит рывком. Этого нельзя не заметить...

Силен Анисин. А ведь он мой подчиненный и, согласно уставу, я должен его воспитывать. Но он сам годится в воспитатели. У такого надо учиться.

- Я так считаю, товарищи, - продолжает Георгий, - что с летчиками надо заниматься систематически. Эксплуатацию самолета, мотора, оружия, оборудования кабины каждый должен знать в совершенстве. Вспомните, как было до двадцать второго июня. Чтобы выполнить полет по кругу, летчик готовился целый день. Причем подготовкой руководил сам командир эскадрильи. А сейчас, когда каждый вылет может стать боевым и кончиться встречей с противником, дело подготовки запущено.

Все верно, думаю, и вспоминаю 26 июля. Я ехал по лесной живописной дороге к станции Ново-Петровское. Ехал долго, чуть ли не целый день. Возница оказался неразговорчивым, лошаденка - нерезвой. Лежа на мягком душистом сене, я думал, думал... Перед мысленным взором одно за другим возникали события воздушного боя. Удивительно много подробностей, несмотря на его скоротечность. Бомбардировщики предстали предо мной так отчетливо, будто я видел их каждый день. Массивные, желтовато-грязного цвета. Разводы камуфляжа на крыльях, на корпусе. Черные, в белой окантовке кресты. А главное - цепочка серых дымков, от которых так и веяло смертью.

Чем дольше я раздумывал над этим фактом, тем менее доблестным представлялось мне мое поведение.

Как можно пронестись шестьдесят километров вслед за ведущим, так и не догадавшись, что он может спешить не без дела, что может за кем-то гнаться. А что он действительно гнался, я понял только тогда, когда увидел противника. Что мне мешало думать, соображать? Боязнь потерять ведущего, остаться в одиночестве. Не потому, что "отстал от группы - считай погиб", а

потому, что боялся потерять ориентировку.

Да, дело именно в этом. Я видел Истринское водохранилище, но найду ли Волоколамск, от которого всегда выходил на свою точку, не был уверен. И это страшило меня, напоминало о том, что итогом потери ориентировки всегда бывает посадка где-то на поле, поломка машины. А что такое поломка машины в военное время? Это потеря оружия...

Прав Георгий Анисин, все упиралось в мою слабость, неподготовленность. Я бы даже сказал беспомощность. Чтобы стать настоящим воздушным бойцом, надо очень много трудиться, учиться. Навык, уверенность, летное мастерство приходят не сразу, не сами собой, они приобретаются опытом.

Выступает лейтенант Илья Бочаров, командир звена, добродушный, выше среднего роста блондин. Тронув рукой красивые светлые волосы, говорит:

- Особой доблести не проявил никто: ни Леонов, ни Штучкин, ни ты, Анатолий. Но главный виновник - ты. Нельзя уходить от ведомых. Тем более, что в момент обнаружения группы противника, вы были все вместе, в компактном строю. Далее. О том, что видишь противника, ты никому не сказал, ни подчиненным, ни командному пункту. А ведь в это время в воздухе было еще одно наше звено, оно могло бы прийти вам на помощь. И вот результат неправильных действий: одна машина потеряна, другая до предела избита. На твоей, как известно, пришлось заменить мотор, ряд агрегатов, поставить новые плоскости. Она, по сути дела, собрана заново. Это потери материальные. А моральные еще больше - звено, хоть и выполнило боевую задачу, оказалось битым. И кем? Бомбовозами! Какие же мы истребители?

Бочаров помедлил, откашлялся и, как бы собравшись с мыслями, продолжал:

- Что я еще скажу? Что гордыня тебе не к лицу, Анатолий. Мы тебя знали другим. Простым, скромным. Неужели ошиблись? Ведешь себя вызывающе, критику признавать не намерен. Как тебя понимать? Считаешь что действовал правильно? Значит, в подобной обстановке и впредь поступишь так же?

Бочаров посмотрел на часы и сказал, что время дорого, а разговор затянулся, что совсем ни к чему, когда целый коллектив убеждает одного человека, который хотя и не прав, однако ничего не хочет понимать. Шевчук должен выступить, принципиально оценить свои действия в этом полете, должен признав что подготовка подчиненных ему пилотов как воздушных бойцов поставлена плохо и что мириться с, этим нельзя. В противном случае он, Бочаров, предлагает возбудить персональное дело - не

время показывать свой характер, когда разговор идет о защите Москвы.

Илья нанес настоящий удар. Прямой, неотразимый. Фронт - над родным Подмосковьем, защита столицы - общее дело полка и личное дело каждого воина. Воевать не умеешь - учись. Научился - другим расскажи. Виноват - отвечай в персональном порядке.

Выступает Шевчук. Да, Толя уже не тот. Куда все девалось - и тон и поза. Наблюдая за ним, я видел, как он менялся в лице, переживал, когда говорили товарищи. Теперь он со всеми согласен и считает критику справедливой. Сам мыслил так же, как и товарищи, и вывод сделал из ошибок, и пережил еще до бюро, но в этом трудно было признаться... при подчиненных. Хотя и вполне понимает, что ведомые летчики - это прежде всего друзья, боевые товарищи.

Хорошо Анатолий сказал, правильно. Пока говорил, Миша согласно кивал головой. Приятно ему, что так хорошо разрешился в общем-то очень сложный вопрос.

А я еще раз убедился в том, что мой командир звена - и летчик хороший, и человек справедливый. А больше всего приятно, вероятно, самому Шевчуку видит, что люди разобрались во всем и по-прежнему будут уважать его, видеть в нем друга, боевого товарища.

- А ничего ведь особого в этом нет, что ошибся, - говорит комсорг, первый воздушный бой, каждому ясно, не шутка Героями не рождаются, ими становятся.

Скорость - это еще не всё

Комиссар эскадрильи Акимцев ежедневно, приходя на стоянку, собирает на построение летчиков, техников, механиков, младших авиационных специалистов, рассказывает о положении наших войск на фронтах. Оно не радует. Войска отходят, оставляя города Украины, Белоруссии, Прибалтики. Мы знаем о тяжелом положении Ленинграда, под Тихвином, на Кубани .

Сегодня комиссар пришел на стоянку в приподнятом настроении, построил эскадрилью и объявил:

- Приятная новость, друзья! Получаем самолеты МиГ-3. - Акимцев умолк, улыбаясь, подождал, пока стихнет буря оваций, и продолжал: - Наша задача освоить их в самый короткий срок.

Мы уже слышали, что скоро получим новую технику, ждали ее со дня на день и вот наконец дождались Во второй половине дня в небе послышался гул, и девятка длинноносых машин, звено за звеном, бреющим прошла над стартом. Я сразу узнал их Это они 25 июля пришли нам на помощь, когда мы вели бой с "хейнкелями". Тонкие, длинные, с непривычным шумом моторов

"миги" взмыли вверх, затем один за другим зашли на посадку Планируют, выпускают щитки-закрылки, садятся. И вот они уже на стоянке, большие, отливающие зеркальной полировкой машины, с гордыми, благородными формами

- Ничего не скажешь, во! - говорит Шевчук и обращается к летчику, только что вылезшему из кабины: - А как они в воздухе? В сравнении с "Чайкой", И-16?

- Никакого сравнения, - отвечает пилот, - аппарат сильный Большая высотность, огромная скорость. Хорош для боя с бомбардировщиками: достанет и догонит. Но есть недостаток - тяжел на малых высотах. Не мешало бы и оружие иметь помощнее: "ВС" и два "ШКАСа", конечно, не гром и молния.

Старательно изучаем МиГ-3. Преподаватель свой - техник звена Иван Иванович Ермошин. Он только что возвратился с завода, где изучал новую технику. Машина, несомненно, сложная. Но какова она в пилотаже? Строгая? Для летчика это один из важнейших вопросов.

Когда говорят, что самолет очень строгий, не прощает ошибок, это значит, что он, независимо от желания летчика, при его малейшей ошибке, легко срывается в штопор. А штопор опасен, особенно на малых высотах. Но если машина, вращаясь в бешеном ритме, сразу по воле пилота выходит из штопора, она прекрасна. В такой машине пилоты не чают души. За это летчики любят самолет И-16, несмотря на то, что он строг и капризен. Любят и "Чайку". Она проста и послушна, прощает ошибки, а в штопор ее, как говорят, не загонишь. Каков же МиГ-3?

- Идите сюда! - зовет нас Ганя Хозяинов. Встали на плоскость, смотрим в кабину. На приборной доске укреплена памятка летчику для вывода самолета из штопора. Все вроде обычно. "Определить направление штопора. Против вращения ногу. Вслед за ногой - вперед до отказа ручку..." Но последний абзац настораживает: "Если до высоты 2000 метров самолет не вышел из штопора, летчик обязан его покинуть".

- Миша, можем поменяться, - смеется Хозяинов, - ты оставайся в первой, а я уйду во вторую эскадрилью, к Максиму Максимовичу Кулаку.

Ганя смеется, а в глазах печаль: друга его, Мишу Питолина, переводят во вторую эскадрилью. И моего друга - Карасева Федю. Убитый горем, рядом стоит Володя Леонов - его переводят в другую часть. Ничего не поделаешь - служба. В эскадрилью дали только девять "МиГ-3", а пилотов у нас больше. Многие поэтому оказались лишними.

- Не бойся, Ганя, - шутя, успокаивает друга Питолин, - в штопор не упадешь. Для таких вот, как ты, толстокожих,

предкрылки придумали. Вот он, спаситель твой. - Миша покачал и ласково погладил предкрылок на левой плоскости "мига". - Верь в него, Ганя, не подведет, предупредит о том, что в штопор срывается.

Шутка шуткой, но "Памятка летчику" нас, конечно, насторожила. Осторожничали. В первом самостоятельном вылете Иван Малолетко, опасаясь глубоких кренов, только с четвертого раза зашел на посадку. Но сел хорошо. И вообще, все вылетали неплохо, несмотря на то, что контрольные полеты получили на самолете Ути-4, учебном варианте истребителя И-16. А что общего между И-16 и "мигом"? Ничего.

В чем же тут дело? В опыте. К началу полетов на "мигах" мы немало полетали на "Чайках", а от этого только польза. Контрольные полеты по кругу каждому дал лейтенант Томилин. Взлет, построение маршрута, расчет на посадку он показал приближенно к полету на новой машине, хотя сам на ней еще не летал и ее пилотажные свойства и особенности знал только теоретически. Для Опытного инструктора этого, очевидно, достаточно. После полета, не вылезая из задней кабины, Томилин каждому из нас говорил: "Отлично, можешь лететь на "миге". Так он выпустил всех, потом вылетел сам и, как это ни странно, при посадке всех удивил: дал такого "козла", что Писанко, находящийся здесь же, на старте, присел, вскочил и, потрясая кулаком в сторону прыгающего самолета, громовым голосом прокричал:

- Вам бы на телеге ездить!

И добавил что-то еще не особо разборчиво, но не менее громко. Повернувшись к группе стоявших пилотов, спросил:

- Кто это там?

- Томилин... - ответил Шевчук, Писанко на секунду смутился; в присутствии подчиненных обругал командира. Но, освоившись, спросил:

- Ну как самолет, хорош?

- Самостоятельный, товарищ майор, - сказал Ганя Хозяинов.

- То есть?

Не моргнув глазом, Ганя пояснил:

- Не считается с рангами.

Все рассмеялись.

Через несколько дней МиГ-3 был испытан в бою с "мессерами". Неожиданно и совершенно случайно.

День стоял яркий, солнечный. Наша эскадрилья летала по кругу для отработки взлета, расчета, посадки. Ходили и в зону - на пилотаж. Чтобы не демаскировать аэродром, в воздух одновременно поднимали не более двух самолетов.

Примерно часов в двенадцать с курсом на запад над нами прошел Пе-2.

- Разведчик, - догадался Томилин.

Минут через пятнадцать, когда мы уже забыли о нем, с запада, со стороны Яропольца, неожиданно послышались гул моторов, стрельба, и на "точку" выскочили бомбардировщик и два истребителя.

- Смотрите! "Миги" гонят Ме-110, - закричал кто-то из летчиков.

Экипаж "мессершмитта" попал в тяжелое положение. Истребитель, зайдя в хвост бомбардировщику, работал будто на полигоне. Второй его прикрывал. Картина наблюдалась в профиль. Самолеты бреющим неслись над северной стоянкой и деревней Суворове.

Меня поразила легкость, с какой маневрировал истребитель около цели. Неглубокий крен в левую сторону, резкий бросок машины вправо и вверх, доворот в сторону цели, короткая, гулкая очередь. И так же опять. И опять.

- Вот как надо летать! - возбужденно крикнул Акимцев, хлопнув меня по плечу. - Но ты не завидуй Научишься! Не боги горшки обжигают...

Между тем, гремящий, стреляющий смерч унесся от нашей "точки" километра на три-четыре, и там, распуская шлейф черного дыма, бомбардировщик метнулся вверх. И сразу на фоне синего неба заколыхались три парашюта. Кто-то радостно закричал:

- Сбили! Сбили! Ура... а-а!

Все захлопали в ладоши, приветствуя победителей.

- Товарищи! - перекрывая всех, начал Акимцев. - Мы были свидетелями мастерства наших пилотов.

- Митингуете? - послышался бас командира полка. В пылу восторга мы не заметили, как он подъехал, остановился сзади нас. - По какому поводу, спрашиваю? Врагу рукоплещете?

Наступила жуткая тишина. Мы поняли. И кому кричали и чьим мастерством восторгались. Выждав, командир негромко сказал:

- "Мессершмитты" сбили Пе-2.

Однако на этом дело не кончилось. Сделав круг над местом упавшей "пешки", "мессершмитты" полезли вверх, в зону, где лейтенант Илья Бочаров осторожно прощупывал новую технику. Что и говорить, для фашистских асов это была находка. Конечно, они не знали, что лейтенант Бочаров еще ни разу не пилотировал на новой машине, но могли догадаться: опытному летчику незачем выполнять мелкие виражи. И еще, что больше всего

соблазняло фашистов, советский самолет был один и расправиться с ним не составляло большого труда.

Но Бочарову на этот раз повезло. Да и сам он не оплошал. Увидев пару Ме-109, Илья начал выписывать такие фигуры, на которые в другой обстановке вряд ли отважился. И этим, безусловно, сорвал фашистам план молниеносной победы. Помогло ему и еще одно немаловажное обстоятельство.

"Клюнув" на Бочарова, гитлеровцы не заметили, что на тысячу метров выше и чуть в стороне находился еще один наш самолет - "Чайка", барражирующая над Волоколамском. Ее пилотировал командир звена второй эскадрильи лейтенант Петр Александров - смелый и опытный летчик, бывший инструктор Борисоглебской авиашколы, хороший товарищ Томилина.

Петр Иванович спикировал и дал залп сразу двумя эресами. Снаряды разорвались невдалеке от закрутившейся карусели, и этого было достаточно: фашисты моментально оставили поле боя. Мы не на шутку перепугались, увидев явно неравный Бочарова с парой Ме-109. Успокоились только когда Миг-3 зашел на посадку Красный, будто вышел из бани, Илья с минуту молча сидел в кабине. Потом вылез, с трудом стащил одну за другой промокшие от пота перчатки, перевел дух. Теплый сентябрьский ветер, будто успокаивая, ласково теребил его светлые волнистые волосы.

- Ну как, Илья Иванович? - спросил Максимов.

- Вы же видели, - устало ответил Илья. - О чем еще рассказывать.

Он молча шагнул вперед. Мы расступились. Бочаров отошел в сторонку, сел на траву, достал из кармана блокнот, карандаш, посмотрел в нашу сторону и попросил:

- Пока не подходите ко мне.

Мы недоуменно переглянулись: человек вернулся из боя, едва остался в живых, и вдруг "не подходите к нему". Непонятно.

Напряжение постепенно сошло, можно было и пошутить, посмеяться.

Пока мы балагурили, Бочаров что-то писал. Закончив, позвал нас всех к себе. "

- Вот я подсчитал тут, сравнил вираж Ме-109 и "мига", - сказал Илья. - На высоте три тысячи метров "мессер" сильнее, вернее сказать, маневреннее. Но знаете на каком вираже он зашел бы мне в хвост? - Вопросительно глядя на нас, Илья помолчал и сам же ответил: - Только на пятом!

- А если учесть, что ты виражил впервые, - тут же нашелся Ганя, - то, пожалуй, только на шестом или седьмом.

Не обратив на Ганю внимания, Бочаров продолжал:

- На высоте около пяти тысяч метров мы будем бить

"мессершмитта" довольно легко. Даже на виражах.

- Какой же вывод? - спросил подошедший Томилин.

- Завязав бой, на средних высотах, надо тащить "мессера" на большую высоту, - сказал Бочаров.

- Логично, - согласился Виктор Матвеевич.

- А если он не захочет? - выразил сомнение Ганя.

Томилин не любит, когда летчики что-то не понимают или, хуже того, не хотят понимать. Не глядя на Ганю, цедит сквозь зубы:

- Кто? И чего не захочет?

- Фашист, говорю, не захочет, - горячится Хозяинов.

Характер Гани явно не соответствует внешности. Невысокого роста, толстый, медлительный Ганя вспыльчив, невыдержан, груб. А вообще, весельчак и шутник. И товарищ хороший, преданный. Питолин теперь в другой эскадрилье, но Ганя часто ему звонит по телефону, старается встретиться с ним при каждом удобном случае, поговорить о своем, сокровенном.

- Не захочет и все, - повторяет он, распаляясь, - "мессер" силен на средних высотах, а "миг" - на больших. Фашист это знает. Ты его наверх потянешь, а он возьмет да и не пойдет. Как тогда? К нему спускаться? А внизу ты - утюг...

- Верно, - недовольно говорит Томилин, - утюгом и останешься, если потеряешь главное преимущество - высоту. Особенно, если еще в вираж встанешь.

- А что делать? Как же все-таки драться с "мессером"? - не унимается Ганя.

- Сверху бить надо. Вот так, - левая рука Томилина опускается ладонью вниз, изображая полет Ме-109, правая от плеча, наискосок режет пространство, настигая воображаемого врага. - Пикируешь. Разгоняешь скорость. Прицеливаешься. Бьешь. Снова уходишь вверх...

Любят летчики работать руками, изображать жестами эволюции самолета в полете. И надо сказать, что это наглядно, доходчиво и весьма динамично. Интересно наблюдать это со стороны, когда не слышишь, а только видишь. И особенно, когда инструктор разбирает ошибки летчика после полета на спарке, как изображает он взлет, полет по маршруту, в зону, фигуры высшего пилотажа. Потом, бросив на землю перчатки, будто посадочный знак, начинает строить заход на посадку, изображая руками крены, развороты и другие маневры.

Позже мне доведется видеть артистов эстрады, изображающих жестами, мимикой рыболова, охотника или кого-то еще, я буду восхищаться их мастерством, легкостью исполнения, но вспомнив инструктора-летчика, его жесты и

мимику, невольно подумаю: "Далеко артисту до летчика".

И вот теперь, наблюдая стремительный взлет правой руки Томилина, будто воочию вижу атаку МиГ-3; Нанеся быстрый и точный удар, летчик правым разворотом стремительно уносится вверх, кренит машину влево, следит за противником, готовясь к повторной атаке...

Ничего не скажешь, наглядно. Но Хозяинов все-таки не унимается:

- Не так-то просто попасть в самолет с пикирования!

- Правильно, - неожиданно соглашается Виктор Матвеевич, - поэтому с сего же дня займемся тактикой воздушного боя. А то мы, чего доброго, "мессера" примем за "як", если немцы, не дай бог, звезду на нем намалюют. Будем изучать силуэты машин, размеры, положение их в прицеле... Врага надо уничтожать, а не хлопать в ладошки, когда гибнут наши товарищи. А чтобы уничтожать, надо уметь. Все! - заключил Томилин не терпящим возражения голосом и окинул всех твердым холодным взглядом.

Кто-кто, а я-то знаю его...

Впервые мы встретились с Виктором Матвеевичем в Борисоглебской авиашколе. Среди инструкторов он выделялся и внешностью и характером. Среднего роста, худощавый, подвижный, подчеркнуто аккуратный. Темные гладкие волосы. Бледное, чуть удлиненное лицо, толстые губы. Больше всего меня поразили его глаза: светлые, внимательные, очень холодные. Он казался властным, даже надменным. Я очень боялся попасть в его летную группу. И вдруг в начале этого года он приехал к нам на должность командира звена.

Мы, молодые летчики, размещались в общежитии, и у нас был старшина. Эту нештатскую должность исполнял пилот Сережа Максимов, высокий, рыжий и немного чудаковатый парень. Он очень любил командовать, даже писал приказы. Сам писал и сам зачитывал перед строем на вечерней поверке. Известно, что право писать приказы дано только командиру полка и вышестоящим начальникам. Сережа об этом, конечно, знал, но тем не менее....

По приказу Максимова мы ходили в наряд, дежурили в столовой, по его команде ложились спать. Одним словом, Сережа был нашим ближайшим начальником, непререкаемым авторитетом, сам же признавал лишь командира полка.

Но вот волей судьбы Сережа попадает в звено лейтенанта Томилина. Кто же старший? Томилин, у которого в подчинении только звено, или Максимов, у которого - полк. Максимов решил, что старший, конечно, он, и не преминул показать свою власть: в присутствии летчиков эскадрильи сделал своему командиру

звена замечание.

- Встать! - тихо, но жестко сказал Томилин, и Максимов безропотно встал. Я тебе покажу, кто из нас старший. Все время будешь в правом нижнем углу...

- "В правом нижнем углу" - это значит на последнем месте в плановой таблице полетов. Таблица, составленная на летный день, рассчитана с точностью до минуты, но выдержать время до конца летного дня всегда что-то мешает. То погода, то еще что-нибудь. Тем, кто запланирован в последнюю очередь, как правило, в этот день летать не приходится. Зато в другой раз они начинают с утра летного дня. Иначе можно отстать от товарищей, выбиться из колеи подготовки.

Но Томилин сказал: "Все время..." Сказал не предвещавшим хорошего тоном, и Сережа, поняв, что это значит, изменился в лице. Он знал Томилина еще по Воронежскому аэроклубу, где тот был инструктором-летчиком, знал по авиашколе. Томилин на ветер слов не бросал...

Однако Сереже было известно и то, что Виктор Матвеевич любит людей волевых, энергичных и, как сам, независимых. Поправив ремень, гимнастерку, глядя Томилину прямо в глаза, Максимов сказал:

- Виноват, товарищ лейтенант. Прошу извинить.

С минуту Томилин смотрел на Максимова, стараясь понять, чистосердечно ли раскаялся его подчиненный.

Затем угрюмо выдавил:

- Ладно. Впредь не ошибайся.

И все свободно вздохнули. И мы, свидетели этого случая, и Сережа Максимов. Инцидент был исчерпан. Такой он, Виктор Матвеевич.

Итак, лейтенант Томилин сказал, что тактикой воздушного боя займемся с сего же дня. Как сказал, так и сделал. В тот же день мы приступили к работе. На поле недалеко от стоянки врыли столбы, десять в ряд по размаху крыльев Хе-111, самого большого из немецких бомбардировщиков. На метр от земли протянули несколько рядов колючей проволоки. Получилось что-то вроде забора.

- Теперь ты, наверное, объявишь наш замысел? - деликатно осведомился Стунжас, обращаясь к Шевчуку.

- Теперь можно, - ответил Анатолий. - Основная работа выполнена.

Действительно, пока мы не знали, что делаем. А все из-за Гани.

Прямо на старте, разобрав воздушный бой Бочарова, Томилин сказал, что надо подумать, как лучше сделать макет самолета-

цели. Загоревшись идеей, Ганя сразу начал вносить свои предложения, начисто отвергая другие. Он шумел, горячился, что-то доказывал и слушать никого не хотел, считая, что лучше его никто ничего не придумает. Томилин сначала сердился, потом, слушая Ганю, смеялся и наконец принял решение:

- Думать будем втроем: Стунжас, Шевчук и я. Через час соберемся вместе.

И действительно, через час приступили к работе, но замысел пока оставался тайной.

- Теперь можно, - сказал Шевчук, - но прежде всего скажу, что автор проекта - Стунжас, а я всего лишь технический исполнитель...

Шевчук посмотрел на Ганю, и тот улыбнулся:

- Сказали бы сразу, и никто не стал бы оспаривать.

Шевчук дал Малолетке и Хозяинову длинный мелованный шнур, и через десять минут на столбах и проволоке появился контур Хе-111: крылья, повисшие на них моторы, между ними овальный, яйцеобразный фюзеляж с наростом внизу радиатором и пикой вверху - рулем высоты.

- Очерченный контур оплетем ветками и силуэт бомбардировщика будет готов, - любуясь работой, говорит Анатолий Шевчук. - Сейчас отсчитаем от него расстояния, обозначим каждую сотню метров...

- Это, конечно, неплохо, но "хейнкель" не единственный бомбардировщик Германии. Есть еще и "дорнье" и "юнкерс"... - говорит Максимов.

- Ты прав, Сережа, - отвечает Стунжас. - Но это легко поправить. Очертания "юнкерса", "хейнкеля" или "дорнье" при ракурсе в ноль четвертей, то есть при атаке в лоб или хвост, почти одинаковы, разница только в размахе крыльев. Поэтому мы сделаем не одну линию расстояний, а три.

- А "мессер"! - восклицает молчаливый Иван Малолетко. - "Мессера"-то забыли...

- И, верно. Мы поместим его на силуэте "хейнкеля", - предлагает Шевчук, внакладку побелим и все.

- Вариант не годится, - возражает Илья Бочаров, - "мессер" уплывет с первым дождем.

- Силуэт "мессершмитта" надо сшить из старых чехлов, - предлагает Хозяинов.

- Лучше, пожалуй, ничего не придумаешь, - соглашается Стунжас, и Ганя сияет от удовольствия.

Наследующий день все было готово. На стоянку принесли тренажер - прицел на треноге, схемы с изображенными на них силуэтами вражеских самолетов с секторами обстрела,

"мертвыми" зонами, наиболее уязвимыми при атаке местами...

И учеба пошла полным ходом.

Вскоре мы научились сразу распознавать тип неприятельской машины, брать нужное упреждение для стрельбы, точно "вести огонь", орудуя прицелом с любых расстояний. Оставалось проверить уровень нашей выучки в настоящем воздушном бою.

Случай вскоре представился. С курсом на запад над нами прошел фашистский разведчик. Вдогон взлетело звено: Стунжас, Малолетко, Максимов. Великое дело скорость, если ею умело пользоваться. Истребители настигли врага настолько стремительно, настолько неожиданно для себя, что оказались в крайне невыгодном положении: они неудержимо неслись вперед, а разведчик будто застыл на месте.

Такой самолет, как "Чайка", буквально "ходит за сектором газа". Подавая сектор вперед, летчик видит, как стрелка указателя скорости быстро идет в правую сторону - на увеличение. Убирая сектор назад, видит, как стрелка движется влево - на уменьшение. А на "миге" иначе: сектор газа и скорость работают не так согласованно. Машина тяжелая, инертная, скорость нарастает медленно, постепенно. Так же и гаснет. Но от "Чайки" мы еще не отвыкли, а к "мигу" привыкли еще недостаточно, по-настоящему его не освоили.

Командиру звена надо было заблаговременно уменьшить обороты мотора, уменьшить скорость ровно настолько, чтобы не вырываться вперед, а свободно маневрировать сзади цели, на нужной дистанции. Он и хотел это сделать, но было поздно: "миг", как одержимый, стремительно несся вперед. Для звена сложилась весьма неудачная ситуация. Куда деваться? Уйти вверх - значит влететь в облака, потерять цель, а то и столкнуться друг с другом. Отвернуть вправо, влево? Тоже нельзя: пока погасишь скорость, пока довернешься в сторону "юнкерса", он успеет нырнуть в облака. Убрать обороты мотора - значит выскочить по инерции в переднюю полусферу разведчика и, оказавшись без скорости, превратиться в мишень. Оставалось одно, единственно правильное в той обстановке решение: атаковать, ошеломить экипаж огнем и проскочить мимо него на повышенной скорости.

Наши летчики так и сделали. Правда, открыть огонь успел только Стунжас. Немец тоже послал одну короткую очередь, зацепив при этом руль глубины на машине Максимова. На этом схватка закончилась. Не дожидаясь, пока истребители развернутся и пойдут в лобовую атаку, фашист ушел в облачность.

- Тактика - дело хитрое, творческое, - сказал командир полка на разборе этого боя, - иметь огромную скорость - это еще не все,

надо уметь ею пользоваться.

Через день Писанко снова зашел к нам в эскадрилью. Улыбаясь, спросил:

- Может, из вас кто стрелял по "юнкерсу"? Признавайтесь, ругать не буду.

Максимов и Малолетко молча пожали плечами, а Стунжас признался.

- Сколько дал очередей? - спросил командир.

- Одну, коротенькую. Правда, из всех пулеметов.

- А чего же молчал? - нахмурился Писанко.

- А что говорить? Если бы сбил...

- Черт вас возьми, - неожиданно вспылил командир. - Что вы за люди! "Юнкерс", атакованный вами, упал, не долетая до Яропольца. Все получилось, как в сказке. Наземный пост сообщил об этом в Москву. Командир авиакорпуса полковник Климов вызвал к телефону командира полка, спросил:

- Почему не докладываете? Ваши летчики сбили "Юнкерс".

- Где?

- В районе Яропольца.

- Но они никого не сбивали?

- Как не сбивали? С поста наблюдали бой. Три остроносых истребителя атаковали бомбардировщик, он ушел и облака, а когда "миги" развернулись и взяли курс на восток, упал и взорвался.

- Может, это соседи? - предположил Писанко.

- В этом районе и в это время никто, кроме ваших летчиков, не был, сказал полковник и сердито добавил: - Разберитесь получше и доложите. Не знаете, что творится в полку.

Молчит Писанко. Недоволен. И сейчас не может забыть последнюю фразу Ивана Дмитриевича. А что больше всего удручает - он оказался прав. Стунжас тактично пытается загладить свою вину:

- Какая разница, товарищ майор, мы сбили или не мы? Важно, что сбили.

Писанко недоуменно смотрит на нас.

- Да, что вы, товарищи! Огромная разница. Во-первых, по количеству сбитых машин оценивается работа полка Сбиваем - значит воюем. Не сбиваем - значит утюжим воздух, на ветер бросаем народные деньги. А за это спасибо не говорят. И меня уже приглашали в райком партии. Стыдно смотреть людям в глаза. Во-вторых, чтобы хорошо воевать, надо учиться. Как? Анализировать каждую встречу с противником, каждый бой, каждую атаку. Выявлять ошибки свои и ошибки противника. А что получается? Кохан сбил - и молчит. Стунжас сбил, и молчит.

Почему? Не убедились. Не видели. Вроде бы проявление скромности, а на самом деле - недисциплинированность. Не доложили о проведенном бое, не рассказали, как заходили в атаку, как из нее выходили, как прицеливались, с какой дистанции открывали огонь. Взяли и скрыли. Скромность - дело хорошее, но она здесь ни к чему. Прошу понять это, товарищи.

Командир помолчал, подумал, глядя в окно штабного автобуса, спросил:

- Знаете что нескромно? - И сам же ответил: - Не видеть, а сказать, что видел. Не сбить, а сказать, что сбил. Надеюсь, среди вас не будет таких...

Поднялся, шагнул к двери. Вспомнив, остановился, протянул Стунжасу руку:

- Извини, Ульяныч, чуть не забыл. Поздравляю с первой победой. И надеюсь, не с последней.

Уже с подножки автобуса повернулся и погрозил пальцем:

- Учтите. Хорошо то, что хорошо кончается...

Под городом Белым

2 октября. Ясное осеннее утро. Летчики собрались на командном пункте. Капитан Топтыгин стоит у карты района. С минуту он молчит, будто от него зависит, сказать или не сказать нам о новом тревожном событии. Немецко-фашистские войска прорвались в районе города Белый. Большая колонна мотопехоты идет по шоссе. Советское командование создало специальную авиагруппу, насчитывающую около ста самолетов различных типов

- Пе-2, И-16, И-153, МиГ-3. В нее вошли и две эскадрильи нашего полка - 22 экипажа "Чаек". Боевая задача: помочь своим наземным войскам закрыть брешь в обороне, нанести по колонне мотопехоты штурмовой удар.

- Нанести штурмовой удар, - повторяет капитан Топтыгин.

Каждый из нас невольно задумывается. До этого мы охраняли железные дороги и станции, переправы и населенные пункты, прикрывали аэродромы, дрались с бомбардировщиками и разведчиками. А теперь вот штурмовки... Для нас, истребителей, - новое, необычное дело. Встает капитан Боровский, покашливая, подходит к карте. Евгений Францевич немного волнуется. В первом вылете на штурмовку ему поручено быть ведущим: он теперь заместитель командира полка.

Евгений Францевич подробно объясняет порядок взлета, полет по маршруту до полевой площадки в районе Ржева. Он называет ее аэродром "подскока". Здесь надо подвесить "эрэсы", там - бомбы и дозаправиться горючим и маслом. Боровский

называет фамилии летчиков, вошедших в состав группы, объясняет порядок действий экипажей и звеньев над целью, схему самой атаки.

Говорит он доходчиво. По крайней мере мы теперь ясно представляем, что такое штурмовка. По сравнению с ней патрулирование выглядит прогулкой. Даже воздушный бой и то вести, пожалуй, легче. Там можно, используя облачность или солнце, незаметно подкрасться к врагу и ударить внезапно. Здесь не схитришь. Звук мотора ничем не заглушишь. Его услышат еще до твоего подхода к цели, и тебе придется прорываться сквозь огонь зениток. А до этого могут напасть "мессершмитты". Отражать их атаки очень трудно, если твой самолет нагружен бомбами. Мужество и железная воля штурмовику нужны, пожалуй, даже больше, чем истребителю. И все-таки завидую летчикам Михайлову, Карасеву и Питолину, уходящим на такое задание. Смотрю на них, стараюсь поймать их взгляд. Куда там! Даже не повернутся. Сидят гордые, серьезные. Еще бы: идут на большое дело.

Когда Боровский объяснял боевую задачу, Писанко не проронил ни слова. Но мы-то знаем, что он тщательно продумал весь полет от начала до конца. Дело это для него не новое: в 1939 году он штурмовал японцев у реки Халхин-Гол. За собой командир полка оставил только последнее слово - напутствие перед вылетом.

- Самое главное, - говорит он, - осмотрительность.

Не думайте, что если нас много, то "мессеры" не решатся напасть. Скорее наоборот: учтут слабую сторону большой группы - неповоротливость. Особенно надо опасаться охотников - отдельных специально подготовленных пар. Действуют они хитро: внезапный удар и быстрый уход. Как правило, атаку не повторяют, сбивают с первой. Могут подловить на маршруте, а скорее всего при атаке цели.

Майор Писанко говорит спокойно, неторопливо, держится так, будто все полетят, а он останется на земле, и никто по нему не будет стрелять. Спокойствие командира передается " сидящим рядом со мной пилотам.

- Пикируя на цель, - продолжает командир полка, - надо зорко следить за впередиидущим: не крадется ли к нему "мессершмитт"... Выходя из атаки боевым разворотом, посмотри, нет ли в хвосте у тебя фашиста. Завершение штурмовки еще не конец опасностям. Скорее - напротив: оказавшиеся поблизости фашисты не упустят момента связать нас боем, зная, что горючее на исходе...

Писанко нас не пугает. К чему скрывать: враг силен и

коварен. Его хитрости надо противопоставить свою, силе - мастерство и отвагу, взаимную выручку.

- Нет страшнее момента, - продолжает наставлять командир, - когда самолет подбит, а летчик не знает, куда идти, чтобы выбраться на свою территорию. От умения ориентироваться нередко зависит жизнь. И последнее - считайте, что это закон: лучше быть убитым, чем попасть в плен.

Писвнко сказал все, что надо для "первого случая". Теперь он начинает давать вводные, стараясь максимально приблизить их к настоящей боевой обстановке. Он хочет проверить, как летчики будут действовать в тех или иных сложных условиях, как они в конце концов соображают.

- В районе цели линии фронта нет, - говорит командир полка, - противник движется узким клином. Вас подбили в момент перехода в атаку. Куда отвернете? - Сделав небольшую паузу, чтобы люди подумали, он вызывает: - Младший лейтенант Питолин!

Питолин моментально встает и кратко отвечает:

- Вправо, на север.

Правильно он решил: севернее - наши войска.

- Молодец, соображаешь быстро, - хвалит его Писанко и дает "новую вводную: - По какой-то причине ты оторвался от группы. Ориентировка потеряна, компас разбит. Решение? Младший лейтенант Михайлов.

Встает наш Аркадий Григорьевич. Как и Стунжаса мы взываем его по имени-отчеству. Большинству из нас по девятнадцать - двадцать лет, а ему двадцать шесть. Окончив аэроклуб, мы сразу пошли в военные школы а он еще был инструктором, учил курсантов. Когда его призвали в армию, летал в одной из частей на Востоке, в авиашколу поступил только в 1937 году.

Михайлов - парень серьезный, остроумный, начитанный. до воины мы служили с ним в одной эскадрилье Молодежь очень часто обращалась к нему по различным вопросам. Отвечал он всегда вдумчиво, толково.

Поправив светлый волнистый чуб, Михайлов говорит:

- Развернусь на север по солнцу. Во второй половине дня оно будет слева и сзади. Этим курсом выйду на железную дорогу и дальше - по шпалам

- Правильно, - согласно кивает Писанко. - А если погода плохая и солнца не видно?

- У меня есть наручный компас, - отвечает Михайлов.

- Хвалю! - восторгается Писанко. - У кого еще есть компасы?.. Ни у кого нет, жаль... Начальник штаба! Позвоните на базу, пусть привезут компасы на всех немедленно, до вылета. И последнее,

что хочу сказать вам, товарищи, заключает командир. - Помните и никогда не забывайте: штурмовка или воздушный бой - дело творческое. Ум, хитрость, находчивость - оружие не менее грозное, чем пушки и пулеметы. Думайте. Анализируйте каждый полет. Тактика не любит шаблона. Разнообразие боевых приемов - это внезапность. А внезапность половина победы. И еще - о противозенитном маневре. Чтобы попасть в самолет, зенитчику надо определить его скорость, курс, высоту, рассчитать упреждение... На это он потратит, по крайней мере, секунды и то при условии, что цель будет двигаться по прямой. А если летчик не пойдет прямо, а начнет все время менять курс, скорость и высоту? Сможет ли в таком случае зенитчик прицелиться? Нет! Если даже и сумеет, то весьма приближенно.

Вторая половина дня. Позади - аэродром подскока, впереди - цель. Высота полторы тысячи метров. Первым идет звено Боровского, за ним следуют звенья Сергея Нечаева, Петра Федотова, Максима Кулака, Геннадия Бабенко, Виктора Косарькова и Петра Карамышева. Замыкающее звено имеет задачу - подавить зенитные средства противника.

Над колонной, с превышением в 300-400 метров барражирует Писанко. Иногда он, увеличив скорость, идет впереди боевого порядка, словно увлекает за собой. Это вдохновляет пилотов, придает им силы и уверенность.

Цель близка. Уже виден дым пожарищ. Воздух пропитан гарью. Вот они, следы фашистских злодеяний. По команде капитана Боровского ведущие увеличивают дистанцию между звеньями, чтобы во время атаки не поразить впередиидущих.

Но цель найти нелегко. Немцы умеют маскироваться. Летчики напряженно следят за командиром полка. Писанко выходит вперед. Резко перекладывает машину с крыла на крыло: "Вижу!" Короткий клевок самолета, пулеметная очередь, уход вверх. Это сигнал: "Можно работать, я прикрываю".

Сквозь дым, вцепившийся в кроны деревьев, видны автомашины - темные крытые фургоны, танки и бронетранспортеры серого цвета. Пикирует звено капитана Боровского. К земле, словно кометы, несутся "эрэсы". На высоте 700-800 метров от самолетов отделяются бомбы. Боевым разворотом звено становится в круг для второго захода. В пике переходят летчики Косарькова, за ними - лейтенанта Бабенко...

Внизу, на окраине небольшой рощи, пульсируют вспышки огня, в воздухе рядом с "Чайками" появляются черно-багровые шапки разрывов. Бьют вражеские зенитки! Звено Марамышева, отвернув от общего строя, несется вниз, в направлении вспышек, и открывает огонь.

Внезапно появляются фашистские истребители с тонкими, хищными фюзеляжами, с желтовато-серыми плоскостями, на которых видны черные с белой окантовкой кресты. Кто-то надрывно кричит: "Мессеры!.. Мессеры!.."

Вражеские истребители налетают, как вихрь. Но Писанко видит все: Карамышев в этот момент подавляет огонь зениток. Кулак - в развороте после атаки. Три звена на кругу, два на подходе к цели. Впереди - летчики Нечаева.

- Отсечь "мессеров"! - гремит бас командира полка.

Звено Нечаева атакует с ходу. Небо полосуют огненные трассы. Один Ме-109, оставляя дымный след, падает в расположении колонны фашистов. За Нечаевым атакуют летчики Петра Федотова - и еще один сбитый "мессер" идет к земле. Остальные отскакивают и держатся на почтительном расстоянии, наблюдая со стороны за штурмовкой.

Замкнув круг, "Чайки" повторяют заход. Летчики уже освоились и теперь пулеметным огнем расстреливают разбегающихся фашистов. "Мессершмитты" снова идут в атаку. Наперерез им рванулось звено Косарькова. Короткий, стремительный удар - и третий "мессер" потянул за собой шлейф черного дыма.

Первая победа всегда окрыляет. Летчики дерутся, позабыв об опасности, а горючее и боеприпасы уже на исходе. Писанко подает команду "сбор".

На аэродроме подскока летчиков ждут боевые друзья - техники Николай Борискин, Василий Буров, Николай Бойко, Павел Тиосса, Михаил Бурмистров, Степан Аленкин... На землю опускаются сумерки, а в воздухе по-прежнему тихо.

- Пора бы уже прилететь, - беспокоится Буров.

- Они же не в учебный полет пошли, - сдержанно отвечает Аленкин товарищу. - Пока цель найдут, пока отштурмуются ..

- И "мессеры" задержать могут, - поддакивает ему Бурмистров.

И опять тишина. Кто-то не выдержал.

- А если...

- Замолчи! - грубо обрывают его.

Издалека доносится гул моторов. Постепенно он нарастает, и вот появляются наши истребители.

- Один, два, три .. - считают Борискин и Логунов. И вдруг:

- Ребята, двух не хватает.

Самолеты становятся в круг, производят посадку, заруливают. Писанко вылезает из кабины последним.

Нет командира звена Сергея Нечаева и его ведомого Андрея Кравцова. Второй ведомый Александр Николаев пришел вместе со всеми и молча стоит в толпе.

- Куда дел своего командира? - резко спрашивает рассерженный Писанко.

Николаев молчит, убитый горем. В глазах командира полка сверкают молнии. Стиснув зубы, он стучит кулаком по плоскости "Чайки":

- Зла не хватает!

Отвернулся. Мрачный, как туча, смотрит на запад. Рядом стоят пилоты. Тоже молчат. Техники не решаются даже пошевелиться, не то что слово сказать. И вдруг уши улавливают еле слышный гул На горизонте появляется пара "Чаек".

- Идут! Идут! - кричат собравшиеся, заглушая грохот моторов.

Самолеты сели, зарулили, летчики вылезают из кабин,

Ведут себя так, словно, кроме них, никого в мире не существует: смеются, возбужденно жестикулируют, о чем-то спорят. Командир не выдержал и гаркнул так, что вздрогнули все:

- А ну, сюда! Мигом!

Подбежали. Стоят возбужденные, красные. В глазах ни тени вины. Только восторг.

- Почему? - выдохнул Писанко. - Почему отстали?

Поняли. Улыбок как не бывало. Нечаев - руку к виску, говорит:

- Виноват, товарищ майор, увлекся. Стрелял, пока патроны не кончились... Еще два захода сделал. Кравцов был со мной, прикрывал.

Взгляд командира теплеет. Смотрит на обступивших его людей.

- Ладно, прощаю на первый раз. К сожалению, многие пришли без боекомплекта. - И уже озабоченно: - Нельзя так, товарищи. А если бы на обратном пути привязались "мессеры"? Чем бы все кончилось? Так не годится, товарищи. Тут, правда, я сам виноват. Перед вылетом, кажется, обо всем рассказал, а об этом вот напомнить забыл.

Командир взмахнул сжатой в кулак рукой и, повысив голос, подвел итог:

- А вообще дрались неплохо. Хорошо дрались. Тактически грамотно. Сам видел...

Утро. 4 октября. На стоянках гудят моторы, спецмашины развозят по самолетам бензин, воздух, масло. Идет подготовка к вылету - в тот же район, под Белый.

Вчера техники до глубокой ночи готовили самолеты, подвешивали бомбы, "эрэсы", набивали патронные ленты. Летчики им помогали.

Над стоянкой взлетает ракета. "По самолетам!" - несется команда. "Чайки" взлетают и уходят на запад. Все как и позавчера.

Только звено Карамышева, которому Предстоит подавлять зенитки противника, идет не в хвосте колонны, а вторым - вслед за летчиками Боровского. После первой штурмовки был сделан вывод: немцы зевать не станут и встретят "Чаек" плотным огнем. Вот тогда-то звено Карамышева сразу выйдет вперед и обрушит на них свой огонь.

Командир полка не ошибся. Сегодня гитлеровцы встречают "Чаек" далеко не так, как позавчера. На подходе к цели перед нашими истребителями встала стена разрывов зенитных снарядов. Карамышев сразу бросается вниз, сквозь огонь. В направлении вспышек, сопровождающих каждый выстрел зенитных орудий, летят "эрэсы", бомбы, пулеметные очереди.

Так же, как и позавчера, командир полка первым идет в атаку. Сбросив "эрэсы" и бомбы, он крутым разворотом выходит наверх и встает в вираж. "Мессершмиттов" пока не видно. Писанко смотрит вниз, наблюдая за боем. Летчики штурмуют мотоколонну, идущую по шоссейной дороге. Командир просмотрел, как наносило удар первое звено, но результаты налета он хорошо видит. Первую машину развернуло поперек шоссе, вторая, не успев затормозить, настигла ее. Столкнувшись, обе загорел"1сь. Невдалеке от них пылает фургон с боеприпасами. Из огня и дыма фейерверком летят трассирующие пули. Убойной силы не имеют, но эффект поразительный. Выскочив из автомашины, фашисты в панике бегут от дороги, падают, снова бегут...

Майору Писанко хочется бросить машину в пике и, повторяя заход за заходом, уничтожать вражескую пехоту. Но он не может этого сделать. Он - командир и обязан прикрыть своих летчиков, должен видеть, как воюют его подчиненные, замечать и анализировать их ошибки, а потом учить. Впереди еще очень много работы. И хотя немцы захватили огромную территорию нашей страны, война пока не развернулась по-настоящему.

Писанко подавляет в себе азарт и, оставшись наверху, наблюдает. В атаку идет очередное звено. Молодец Косарьков, вовремя дал команду левому летчику перейти на правую сторону. Строй "острый пеленг" сейчас, пожалуй, самый подходящий. Летчик может вести "огонь не по команде ведущего, что эффективно при атаке крупномасштабных целей, а сам выбирать объекты удара.

Атака удачна. "Эрэсы", пущенные Косарьковым, Михайловым и Тетериным, точно накрывают цель. На дороге вздымаются фонтаны взрывов. Горят машины, колонну заволакивает дым...

- Молодцы! - кричит Писанко. - Молодцы, отлично бьете!

Звенья замкнули круг. Снова пикирует капитан Боровский. А

зенитки бьют. Или их очень много, и звено Карамышева не в силах справиться с ними, или обнаружились новые, хорошо замаскированные. Писанко видит, как снаряды настигают одну из машин. Перевернувшись, "Чайка" беспорядочно падает, теряя, как перья, обшивку... "Все, конец", - с болью в душе думает командир, но летчик неожиданно выправляет подбитую машину, разворачивается, берет курс на свою территорию. Рядом с ним Сразу появляется пара "Чаек", одна из них выходит вперед, уводя за собой попавший в беду самолет, вторая следует сзади прикрывает обоих.

Вслед за ними, закончив штурмовку, уходит вся группа.

На аэродроме летчиков встречает начальник штаба полка. Он говорит, что приказано сделать еще один вылет в тот же район.

- Вылет поэскадрильно, по мере готовности, - ставит задачу Писанко. - Я пойду в составе подразделения Кулака, капитан Боровский - с Коханом. Все! По самолетам!

Через тридцать минут первая группа во главе с командиром полка уходит на запад. Десять машин, столько же летчиков. На земле остается один Федор Карасев. Он смотрит вслед улетающим товарищам, слушает затихающий гул моторов. Это ему не повезло при штурмовке. Рядом стоит Бурганский - техник его самолета, маленький, толстый, с черными, как смоль, кудрями.

- Командир, ты в рубашке родился, - говорит он, - ума не приложу, как долетел.

Действительно, ума не приложишь. Надо менять нижнюю плоскость, стабилизатор, руль поворота...

Взлетает вторая группа. С запада, подгоняемая ветерком, тянется дымка. Видимость по горизонту неважная, но по вертикали хорошая. В таких условиях истребители противника могут напасть внезапно, снизу. Группа снижается, идет на высоте около тысячи метров. Справа выше на встречном курсе неожиданно появляются шесть бомбардировщиков. Фашисты. Идут на восток. "Что делать? решает задачу Боровский. - Вступить в бой - значит поставить под угрозу штурмовку. Не вступать - тоже нельзя: "юнкерсы" идут на боевое задание, где-то будет разбит эшелон, железнодорожный мост, аэродром или город. Выделить для боя звено? Недостаточно. Два звена? Вполне. А что останется для штурмовки? Пять самолетов. Пару из них бросить против зениток. Остается звено. Нет, это, конечно, не сила, особенно, если налетят истребители".

Нелегка командирская доля. Думай. Решай. Ошибешься - будешь в ответе. А секунды летят. И "юнкерсы" тоже. Они уже справа на траверзе. Решай, командир, потом не догонишь. Летчики молчат, ждут решения командира группы. Решение принято: Боровский качнул крылом, подал команду:

- За мной!

Боевым разворотом заходит в хвост вражеской группе. Правда, немного отстал. Нелегко на перегруженной бомбами и "эрэсами" "Чайке" догнать новейший бомбардировщик Германии. Справа у Боровского - Кохан. Мотор на его самолете оказался более мощным. Тимофей обгоняет ведущего и атакует с ходу.

Внезапный удар ошеломил фашистов. Нападения снизу, из дымки, да еще с запада они никак не ожидали. Кохан бьет из всех

четырех пулеметов. Ведомый второго звена фашистов горит и, скользнув на крыло, падает. Вот как нужно расправляться с врагом!

Но так сражаться надо уметь. Мы знаем, у Кохана это не первая победа. Он участвовал в войне с белофиннами и был награжден орденом Красного Знамени. За что - не знаю: за сбитые самолеты или за штурмовки. Сам он об этом никогда не рассказывал. А зря: мог бы многому нас научить.

...Впервые я увидел Кохана в прошлом году, когда прибыл в полк. Спокойный, тихий, медлительный Тимофей мало походил на летчика, тем более на истребителя. Я принял его за работника авиабазы. А потом вдруг встретил лейтенанта на полетах. Он оказался командиром звена. Летал так же, как ходил по земле: спокойно, уверенно. В первые дни войны, минуя очередную должность, Кохан стал командовать эскадрильей. Не сам, конечно, перешагнул - так захотел Девотченко, прежний командир полка. Очевидно, он знал Кохана как летчика и бойца...

Не успел еще первый "юнкере" долететь до земли и взорваться, как лейтенант Кохан атаковал второго. Бомбардировщики попытались сомкнуться, чтобы поддержать Друг Друга огнем, но было уже поздно: "Чайки", как осы, закружились вокруг.

- "Эрэсы" беречь! - подал команду Боровский, и летчики поняли, что бой будет недолгим, что штурмовка по-прежнему остается главной задачей. А сейчас надо только обезвредить врага, заставить его сбросить бомбовый груз, не долететь до цели.

"Чайки" клевали фашистов снизу, сверху, сзади. Конечно, не каждая пулеметная очередь достигала цели, но в воздухе стало тесно от огненных трасс. Вражеские летчики заметались, и Боровский немедленно воспользовался этим моментом. Разогнав самолет, он со снижением пронесся под группой "юнкерсов" и круто взял вверх, направляясь к ведущему. Стрелок начал было обороняться, но Боровский уничтожил его меткой очередью, а потом перенес огонь на кабину пилота. Бомбардировщик неуклюже перевернулся и рухнул вниз. Остальные бросились врассыпную, поспешно освобождаясь от бомбового груза. Наши истребители, разгоряченные боем, хотели было броситься вслед за ними.

- Прекратить бой! - подал команду Боровский, и все немедленно повернули назад.

Примерно в двадцати километрах от цели Боровский увидел группу командира полка. Она возвращалась в полном составе, даже подбитых не было. Самолеты шли монолитным строем. Над ними, как всегда, кружил командир полка. Вот он покачал

крыльями, поприветствовал.

- Много огня, - говорит Писанко по радио.

Летчики понимают: придется дело иметь с зенитками.

После наших двух массированных налетов вражеские зенитчики стали намного осторожнее. Группу Писанко Они встретили довольно сильным огнем, а теперь вот и перед летчиками Боровского поставили мощную завесу.

- Маневрируйте! - крикнул ведущий.

Снаряды рвались спереди, сзади, со всех сторон взрывные волны швыряли машины, как щепки. Настоящий огненный ад. Но пилоты не дрогнули. Маневрируя, Они бросили машины к земле и на бреющем, едва не задевая винтами верхушки деревьев, прорвались сквозь полосу губительного огня. Как и накануне, по цели был нанесен мощный удар. Правда, и нашим досталось, больше всего Питоличу.

Снаряд зенитки разбил на его самолете нижние плоскости, хвостовые рули, сорвал с фюзеляжа обшивку. Раненный в ногу, истекающий кровью летчик упорно тянул на свою территорию Рядом, шел Мидин, его ведущий Они не могли за всеми успеть, и Боровский оставил с ними еще Кохана Вскоре сердце подсказало ему, что двух прикрывающих недостаточно на случай воздушного боя. Отправив основную группу вперед, он сам возвратился к Питолину.

Так и шли они вчетвером: впереди Мидин, позади Боровский и Кохан Уже над своей территорией, километрах в пятидесяти от Ржева, прямо перед ними появился "Дорнье-215" - фашистский разведчик. Он шел курсом на запад. Разве можно было его упускать?

- Патроны есть? - спросил Боровский.

- Найдутся... - ответил Мидин.

- Сбить, - последовал приказ.

И поединок начался. Боровский и Кохан остались с Питолиным. Его, раненого, мог сбить даже случайно появившийся вражеский самолет.

Фашисты не жалели патронов. А у Мидина их было в обрез, на две-три хороших очереди. Он не стрелял, Имитируя атаки, бросался наперерез врагу, когда тот пытался уйти. И каждый раз заставлял его сворачивать с курса Очевидно, фашисту надоела эта игра. Решив наконец, что истребитель не имеет боеприпасов, он уверенно взял курс на запад.

Этого Мидин и ждал Он подошел к разведчику сзади снизу и с дистанции в 50-70 метров ударил по кабине пилота. "Дорнье" перешел в пике. Мидин послал вдогонку еще одну очередь. Но в последний момент вражеский стрелок успел огрызнуться и

пробил у "Чайки" бензосистему.

И вот наши летчики снова идут вчетвером. Впереди на подбитой, готовой вот-вот взорваться машине - Мидин За ним на безопасном удалении - истекающий кровью Питолин. Позади - охраняющие их Боровский и Кохан

Так и прилетели домой. После посадки Мидин не сумел дорулить до стоянки горючее кончилось. Питолин сел благополучно. Даже зарулил на стоянку и выключил двигатель А вылезти из кабины не мог: потерял сознание Товарищи бережно положили его на чехол, врач наклонился над ним, что-то сделал, и Миша очнулся. Когда "санитарка" тронулась, сказал:

- Я не прощаюсь, друзья! Я скоро вернусь!..

Но Питолин не вернулся в наш полк. Не получив от него ни одного письма, мы однажды помянули его как погибшего. Всякое могло случиться. Разве мало людей умерло в эшелонах и госпиталях? Но однажды, это было осенью 1943 года, Миша появился у нас нежданно-негаданно. Открыл дверь и прямо с порога гаркнул:

- Здорово, гвардейцы!

- Миша? - только и сказал Бочаров.

Да, это был он, Михаил Питолин - высокий, прямые волосы цвета соломы, такие же брови и ресницы, тот же рот, растянувшийся в улыбке до ушей. И "здорово" сказал, как прежде, упирая на "о" - он же пермяк.

- Мишка! - придя наконец в себя, заорал Бочаров и бросился к старому другу.

Мы обнимали его, тискали, хлопали по спине и плечам. А он, смеясь, восклицал;

- За что бьете, братцы?

- Мы же похоронили тебя, стервеца! Почему не писал?

- Каюсь, братцы, сейчас все расскажу.

...В госпитале Миша пробыл месяца два, но мы за это время тоже дважды успели перебазироваться, пока не осели наконец в Москве, на Центральном аэродроме. Миша писал, но его письма до нас почему-то не дошли. Так он оказался в другом полку и начал летать на "лавочкиных". Воевал и воюет. А сейчас с группой товарищей прибыл за самолетами. Илья Бочаров расстегнул у Миши комбинезон на груди, и мы увидели несколько боевых наград.

- Такие ордена впору носить большому начальнику, - сказал Илья, а Миша, немного смущаясь, ответил:

- Это не все, что положено. - Задрал игриво подбородок, прикрыл глаза и добавил: - Так-то, вот! Знай наших...

Второй раз мы увиделись с Питолиным через двенадцать лет,

в Монино, в Краснознаменной Военно-воздушной академии. Проходя по коридору учебного корпуса, я услышал знакомый голос:

- Почему не приветствуете старших, товарищ майор?

- Мишка! - закричал я, увидев перед собой расплывшееся в улыбке лицо фронтового друга. И растерялся, не зная, что делать: в одной руке у меня тяжелая сумка с конспектами, в другой - фуражка. А он, ехидно улыбаясь, подсказывал:

- Не вздумайте приложить руку к пустой голове. Наденьте фуражку. Вот так. Теперь - руку к головному убору. Перед вами, если заметили, гвардии подполковник! Так-то вот, знай наших!

Мы обнялись. Спрашиваю:

- Неужели, Миша, у тебя такой чин?

Питолин важно прикрыл глаза:

- Это еще не все, дружище. Жду третью звезду. Положено, - сказал он, напирая на "о", - по штату.

Все верно. Миша был заместителем командира дивизии. В академию приехал на зачетную сессию. Учился заочно.

"Мессер" идет к земле

Томилин позвонил с командного пункта:

- На разведку вместе со мной пойдут Бочаров и Штучкин. Пусть ожидают на стоянке.

Ждем. Лениво поднялось осеннее солнце. Тепло. Тихо. На душе - радость: идем на разведку! Настоящее боевое задание. Не то, что прикрывать аэродром: плаваешь на высоте порядка три тысячи метров, изучаешь свои же стоянки. Разведка - совсем другое дело. Это - прорыв, огонь и опасность. А опасность придает новые силы.

- Очевидно, махнем за линию фронта, - говорит Илья.

Не узнаю его: сколько в нем пыла и гордости. Вот и Томилин.

Легко, через борт, соскочил с подошедшей полуторки. "Самая глупая смерть погибнуть в кабине", - сказал он однажды и ездит теперь только в кузове: из него видно небо. Это, конечно, не прихоть. Недавно произошел такой случай. Шла грузовая автомашина. В кузове сидели солдаты, в кабине - командир и шофер. Неподалеку от дороги пролетал вражеский летчик. Увидев грузовик, спикировал на него. Раньше, чем немец открыл огонь, солдаты - через борт и в канаву. Немец дал длинную пулеметную очередь, и шофер с командиром были убиты.

- Шевчук, - сказал Томилин, - я хочу жить. Отныне можешь садиться в кабину.

Сказал и даже не улыбнулся. То ли всерьез высказался, то ли пошутил. Его никогда не поймешь.

Отпустив шофера быстро подходит к нам, злой, возбужденный. Суровым взглядом подавил нашу восторженность. Положил карту на плоскость "мига", разгладил руками.

- Смотрите сюда, - приказал он. - Остро отточенный карандаш уперся в Рославль, скользнул по дороге на Юхнов. - Сообщили, что здесь движется колонна вражеской мотопехоты. Но это не точно. Наша задача - проверить. Все зависит от нас, - Томилин молча, испытующе глядит на меня и Бочарова. - Если колонну найдем, туда полетят наши "Чайки". Завтра, а может быть, сегодня. Не найдем, фашисты пойдут почти беспрепятственно - наши войска отступили!

Молчим, ошеломленные вестью. А мы-то думали "махнуть" за линию фронта. А ее, очевидно, и нет, если немцы прорвались и идут по дороге.

- Может быть, это "утка", с колонной? - предполагает Илья.

- Хорошо, если бы так, - хмуро отвечает Томилин, - только я почему-то в "утки" не верю, уж очень здорово немец прет... Одним словом, колонну надо найти, даже если она сошла с большака. - Помолчал, задумчиво глядя на карту. На Рославль пойдем не сразу, по пути дозаправимся. Все ясно?

Мне - не все. Спрашиваю:

- Как будем искать, все сразу или?..

- Молодец! - хвалит меня Томилин. - Однако...

Спохватившись, в упор глядит на меня. Понимаю: он не доволен ни вопросом, ни прежде всего собой. Ставя боевую задачу, не сказал самого главного, и хуже всего, что об этом напомнил я - подчиненный, вроде бы сделал замечание. Такой он, Томилин.

- Однако... Никакой ты не молодец. Тоже мне, умный вопрос задал. Закон ведомого знаешь? Прикрывать командира! Не допускать атак вражеских истребителей! Значит, надо смотреть за мной и за воздухом. А искать буду я.

Помолчал, глянул на небо, добавил:

- Бочаров идет справа, Штучкин - слева. В зависимости. от положения солнца разрешаю менять место в строю. Надеюсь, это понятно?

Да, это понятно. Если солнце во время полета окажется справа и будет мне мешать, я перейду на правую сторону боевого порядка, стану к крылу Бочарова, и мы пойдем в строю "пеленг". Если солнце окажется слева - Бочаров перейдет на левую сторону.

Кажется, все детали учтены, неясностей нет. Томилин снова испытующе смотрит на нас:

- Готовы? - Мы молча кивнули.

Томилин посмотрел на часы и скомандовал:

- По самолетам!

До запасной точки выполняем обычный полет по маршруту. Садимся, пополняем баки горючим и снова поднимаемся в воздух. Идем на Рославль, высота пять тысяч метров. Погода хорошая, видимость - на сколько хватает глаз.

Подходим к железной дороге. Справа на траверзе - Ельня, но город не виден - с запада натекает низкая облачность.

Над облаками, значительно ниже нас, плывет четверка Ме-109. "Отлично, думаю, - наконец-то мы встретимся". Но одно дело слышать, как кто-то сбил, и другое - сбивать самому, да еще истребителей, которые сами ищут противника и имеют численное превосходство. Чувствую: я посчитал бы за благо, если бы Томилин держался чуточку повосточнее, чтобы наше присутствие не слишком бросалось фашистам в глаза.

Таковы мои первые чувства, первое желание. Правда, это желание было совсем мимолетным и улетучилось сразу, как только я вспомнил, что в руках у меня не тихоходная "Чайка", а мощный, высотный, скоростной истребитель МиГ-3 и что его уже давно пора испытать в бою с "мессершмиттами".

К сожалению, получая боевую задачу, Томилин одновременно получил и приказ: в бой не вступать. И все-таки мне любопытно, обнаружили нас фашисты или нет" Слышу голос Томилина.

- Видите?

Видим, конечно. Отвечаем по очереди, сначала Бочаров, потом я. Так установил командир еще на земле для порядка, чтобы не кричали одновременно. Немцы развернулись в сторону Ельни и вскоре скрылись. Нас не заметили. А может, усыпляют бдительность? Чтобы напасть внезапно. Во всяком случае, надо быть начеку.

Идем с небольшим снижением, разгоняя скорость. Она всегда пригодится. Вижу Рославль. Пункт характерный, лежит в центре сплетения трех железных и шести шоссейных дорог. Но нам нужна только одна, та, что идет на Юхнов. Смотрю на нее и даже не верю глазам. Томилин говорил: "Колонну найти обязательно", а ее и искать не надо. Дорога, как на ладони, а на ней - техника. В два ряда. Танки, автомашины, длинные черные фургоны. Мы уже знаем, что в таких фургонах фашисты возят пехоту, боеприпасы, штабы.

Но почему они молчат? Ни одной дымной трассы, ни одной вспышки огня. Томилина тоже это смущает. Его машина круто идет к земле. Высота 2000 метров... 1500.... Уже видны стволы-хоботы танков. Сейчас он ударит из пулеметов, чтобы вызвать огонь противника, убедиться, что это действительно немцы. И вдруг...

- "Мессеры"! Сзади и справа! "Мессеры"! - оповестил по радио Илья Бочаров.

Нас застали врасплох. Сзади справа... Положение хуже некуда. Мы уже под ударом. Почему же я их не видел? Почему прозевал! Да потому что на какое-то время отвлекся, смотрел на землю. Даже только глянул. А немцы уже в хвосте. Вот что значит Ме-109 и вот что значит на секунду забыть о своей основной задаче: прикрывать командира, следить за воздушным пространством.

Бросив с плоскости белый крученый жгут, истребитель Томилина, вздыбившись, круто уходит вправо. Моя задача сейчас - не отстать. Рывком бросаю машину за ним. Многопудовая сила инерции прижимает меня к бронеплите, вдавливает в чашу сиденья. Темнеет в глазах. Будто в красном тумане временами вижу хвост машины Томилина. Наконец он выводит ее из крена, и небо, широко распахнувшись, открывает нам двух вражеских истребителей.

Молодец Бочаров, что вовремя их увидел. Замысел - ударить нас в спину сорван. Несемся навстречу друг другу. Выполняем ту самую лобовую атаку, которую фашисты, как нам говорили, не любят. Потому что здесь не схитришь. Здесь надо идти на огонь. Грудью.

К сожалению, мы не на равных. Преимущество не у нас, а у них. Немцы пикируют сверху. Если мы потеряем скорость и свалимся раньше, чем проскочим друг друга, они расстреляют нас без особых усилий.

Примерно с тысячи метров фашисты открывают огонь. Рано, конечно. Но трассы мелькают прямо перед глазами. Они проносятся мимо, а впечатление, будто каждая направлена тебе в грудь. Вижу: Томилин стреляет. Не отстаю от него, жму на гашетки. Пытаюсь поймать фашиста в прицел, но это трудно, не успеваю. Поэтому бью просто вперед, сразу в обоих.

Однако наши дела далеко не блестящи. Скорость катастрофически падает, мотор надсадно ревет, но больше не тянет. Еще немного - и буду в штопоре. Вернее, в предштопорном состоянии, когда самолет задрожит и на секунду замрет, прежде чем упасть на крыло и на нос. В эту секунду немец и влепит очередь.

И вдруг впереди, справа, появляется еще один истребитель МиГ-3. Он идет под углом девяносто градусов к фашистам, и в этот момент он страшнее для них, чем я и Томилин. И скорость есть у него, и свобода маневра, и самое главное враг у него под огнем. Ведущий пары Ме-109, оценив обстановку, с небольшим отворотом вправо устремляется вниз, за ним, чуть замешкавшись,

его напарник.

- Спасибо, товарищ! - кричу незнакомому летчику. - Ты вовремя нам помог.

Томилин считает душевные излияния лишними. Молча, свалив МиГ-3 на крыло, резким доворотом бросается вслед за отставшим фашистом и бьет.

Вот это удар! Тяжелая рука у ведущего: самолет вспыхнул, как факел. Распуская хвост черного дыма, "мессер" пикирует, забирая влево, к дороге, по которой идут фашистские танки, и метрах в двухстах от них, ударившись оземь, взрывается.

Невольно приходит на память: точно так же падала "Чайка" - моя машина, дымя и забирая все время влево. Только фашисты не сумели меня убить и я тогда спасся на парашюте, а Томилин убил немецкого летчика, и он на глазах своих же солдат взорвался вместе с машиной.

Вроде недавно был проведен тот июльский воздушный бой - немногим больше двух месяцев. Но как мы изменились! Победы Боровского, Кохана, Мидина, штурмовые удары под Белым вдохновили нас, еще раз уверили в силе нашего оружия, показали, что враг не так уж, силен, каким казался вначале, что спокойствие, выдержана, верный удар в бою всегда приносят успех.

Мы изменились. Я это чувствую по себе, по делам моих боевых друзей. Все стали иными. Не только обстрелянными - и это на пользу! - но и умело анализирующими обстановку в бою, свои действия и действия вражеских летчиков. До настоящего мастерства нам еще далеко - это понятно - но многому мы научились. Мы бьем врага.

Но я немного отвлекся. Возвращаюсь к воздушному бою.

Откуда взялся тот летчик, что так своевременно нам помог? Да это же был Бочаров. В момент, когда фашисты собирались ударить нам в спину, мы шли в боевом порядке "клин". Впереди Томилин, я - справа, Бочаров - слева. Услышав, что немцы сзади и справа, Томилин бросил машину в правый боевой разворот, чтобы выйти фашистам в лоб, а Бочаров - влево. Вообще-то после такого маневра он мог потерять нас и остаться один. Но в ту минуту Илья об этом не думал, он просто вышел из-под Удара, а когда увидел, что внимание немцев приковано к нашей паре, довернулся и упредил их атаку. Но об этом Мл узнаем потом, после посадки, во время разбора воздушного боя.

А сейчас? Сейчас мы несемся к земле... Вот почему молчали зенитки опасались поразить "мессершмиттов". Но как только один из них ударился о землю, воздух рванули десятки разрывов снарядов. И я их не только увидел, даже услышал. Сквозь рев

мотора, сквозь треск атмосферных разрядов в наушниках. Резкие, как удары бича. Машина пошла на крыло, потом неожиданно вздыбилась. Движением рук и ног я не дал ей лечь на лопатки, удержал от падения. Небо вокруг потемнело. Дымные шапки с черно-багровым огнем внутри ворочались, будто живые...

- Пикируем! - крикнул ведущий, и мы не строем, а порознь несемся к земле около нее спасение от зениток.

- Выводи! - слышу по радио.

Надо сказать - и за это спасибо Томилину - команда подана вовремя. Если машина пикирует, то есть несется к земле под большим углом, то вывести ее в горизонтальный полет не так-то легко, нужно не только усилие мышц, нужен еще и запас высоты, потому что по закону инерции самолет имеет просадку. И эта просадка тем больше, чем больше угол пикирования, скорость, вес машины. Но если рядом с тобой, с твоим самолетом полыхает огонь зениток, разве вспомнишь о том, что "миг" тяжелее "Чайки", что просадка у него значительно больше .. Короче, я вырвал его из пике у самой земли. Еще бы немного и - все...

С минуту несемся над верхушками деревьев, уходим в безопасное место, потом, набрав высоту, снова следим за мотоколонной. Ее голова приближается к Юхнову..

Мы дома. Бочаров подходит ко мне, спрашивает:

- Ты помнишь, что говорили нам испытатели, перегонявшие "миги" в Алферьево? Не помнишь? "Хорош для боя с бомбардировщиками. Есть недостаток "тяжел на малых высотах". А ты заметил, на какой высоте Томилин срубил фашиста? Две с половиной тысячи метров. Высота, на которой силен Ме-109...

Сердце в горе и гневе

Двумя большими колоннами противник вышел на Юхнов Варшавское шоссе, близлежащие дороги забиты танками, крытыми авто- и бронемашинами. Вполне очевидно, сгруппировавшись восточнее города, на рубеже Угры, немцы начнут прорываться к Подольску. Мы понимаем, как велика опасность, нависшая над нашей столицей Летчики 6-го авиакорпуса вот уже несколько дней непрерывно штурмуют вражеские войска. Вторая и третья эскадрильи совершают по нескольку вылетов в день. И мы, пилоты первой, с рассвета до темноты не вылезаем из кабин "мигов". Дежурим, прикрываем объекты, гоняем фашистских разведчиков. И жалеем, что осенние дни не так продолжительны.

Перед вечером, после полетов, летчики собрались на командном пункте полка. Писанко уже здесь, стоит у "классной доски". Ее вполне заменяет фанерный щит с укрепленным на нем

чертежом.

- Смотрите, летчики, - говорит командир, - перед вами схема ПВО противовоздушной обороны аэродрома противника.

Сидящие слегка подаются вперед: понимают, разговор неспроста, предстоит штурмовка аэродрома. Задание принципиально новое, сложное и опасное. Писанко шутит:

- Что, вояки, уже испугались? Нет, это еще не боевое задание, просто небольшое занятие. Пригодится. И наверное, скоро.

Молодец все-таки "батя". И предусмотрительный он, и пошутить умеет, и острые углы не обходит - не успокаивает, не приукрашивает обстановку, говорит то, что есть.

- Не сегодня, так завтра, - продолжает майор, - на площадке около Юхнова противник посадит свои истребители.

Это понятно, надо же прикрыть войска. Поэтому штурмовка аэродрома - задача ближайших дней. Кто-то из летчиков подает командиру указку - ивовый прутик Взяв его, Писанко поворачивается вполоборота и, глядя на схему, говорит:

- Чем нас встретят фашисты? Огнем. А каким, зависит от высоты полета. До трехсот метров - винтовочным и автоматным. До полутора тысяч - пулеметным. Еще выше - огнем зениток малого калибра, а потом и среднего. Ну, а за три тысячи метров мы не полезем. Однако это не все. Есть еще истребители, прикрывающие аэродром. Хорошо, если "мессеры" будут висеть над "точкой", хуже, если в стороне и на небольшом удалении Не увидишь - могут напасть внезапно...

Писанко смотрит на нас в упор, кажется, в самую душу. Становится неуютно под этим все понимающим взглядом.

- Ничего не скажешь, крепко прикрыто, - говорит он и, сделав небольшую паузу, спрашивает: - А ваше мнение, товарищи летчики? Тетерин, как думаешь?

- Я понимаю так, товарищ майор, что мы эту зону видели. Под Белым еще. И автоматы, и пулеметы видели, и зенитки. Но разница есть, так я думаю. Аэродром должен прикрываться более плотным огнем.

- Правильно, - соглашается Писанко. - Принципиально нового нет, но разница есть. В количестве техники, в силе огня. Аэродромы прикрыты лучше, чем мотоколонны, сильнее - это понятно. Солдат выскочил из машины, залег в канаву, и все - пули его не возьмут, а самолет? Самолет в канаву не спрячешь, он как на ладони.

За окнами землянки ветер гонит сухую траву, а здесь тишина. Летчики внимательно слушают командира и думают.

У каждого свое И у всех много общего. Война подходит вплотную к нам. Надо всему научиться. Прорываться сквозь зону

смерти, сжигать самолеты врага, разрушать переправы...

Писанко ставит боевую задачу:

- Завтра с утра летим на штурмовку мотоколонны Пойдем в составе двух эскадрилий. Продумайте способ атаки: со стороны Угры по шоссе, с правого круга.

Утро тихое, ясное. В небе ни облачка.

- На построение! - слышна команда.

Двадцать человек стоят в две шеренги. Перед строем командир и начальник штаба. Майор Писанко озабоченно смотрит на всех, молчит. Обычно он встречает летчиков шуткой или спокойной улыбкой. А сейчас не замечает ни их бравого вида, ни их карт, залихватски засунутых за голенища сапог Напрасно разорили свои планшеты ради длинных ремней: не видит Писанко пистолетов, свисающих до самых колен.

- Из разведки не вернулся Максим Цыганов, - говорит командир

Часа за два до рассвета Писанко сообщили: вчера, во второй половине дня, на площадку под Юхновом села группа Ме-109 В боевую задачу внесены коррективы. Одна эскадрилья должна нанести удар по колонне, вторая - по аэродрому противника.

- Боровский пойдет с эскадрильей Кохана на штурмовку наземных войск, принимает решение Писанко, - а мы с Максим Максимычем - на штурмовку аэродрома. Разведку сделаю сам, прямо перед ударом...

Когда он пришел к нам, Писанко? В начале июля. Всего три месяца, а кажется, будто всю жизнь с нами. Словно не было ни Угроватова, формировавшего полк, ни Девотченко. Почему? Может, потому, что война? Опасность сближает людей? И все-таки дело не в этом. Главное, что он, Писанко, очень смелый, душевный и заботливый. Разве обязательно ему каждый раз летать, ходить в бой? А он ходит. И всегда впереди - там, где труднее, опаснее. Вот и сейчас. Мог бы пойти на штурмовку колонны, дело уже не новое и, конечно, не такое опасное.

Летчики второй и третьей эскадрилий поднимаются в воздух, ложатся на курс, уходят, а мы, летчики первой, остаемся, слушаем удаляющийся гул моторов. Нехорошо на душе, неприятно: друзья пошли на боевое задание, а мы сидим на земле. "А как же техники? - думаю я, стараясь себя успокоить. - Они ведь всегда на земле".

Техники... Наши боевые друзья, лучшие товарищи летчиков. Но я не всегда понимаю этих людей. В чем она, прелесть авиации? В полете! Никогда не убывающем чувством радости, гордости, риска. Но техник-то ведь не летают. Он только готовит машину. Готовит к началу летного дня, к повторному вылету, к

полетам на завтра.

Большая часть из них так же, как мы, пилоты, училась сначала в аэроклубах, потом в училищах или технических Школах. Каждый видел и понимал, что ему не придется летать, что удел его - быть на земле. Что же прельщает их, техников, что нашли они в авиации, думал я на досуге. Как-то я задал этот вопрос технику Ивану Буйлову.

- Долг, - ответил Иван, - надо же кому-то готовить самолеты к полету.

- Долг, это понятно, - согласился я с ним. - Особенно, когда идет война. Но ведь ты-то техник довоенный. И тогда у тебя были бессонные ночи, мозоли на руках и сбитые пальцы. Кроме долга, дружище, очевидно, есть что-то еще.

Этот разговор происходил на стоянке, у нашего "миге", красивейшей в то время машины. Буйлов внимательно посмотрел на истребитель и задумчиво сказал:

- Ты никогда не думал о том, что ученые люди долгие годы трудились над этой машиной. Они вложили в нее свой ум, фантазию, вдохновение. И вот она у нас на стоянке. И мы, обыкновенные люди, управляем этой машиной, выпускаем ее в полет как оружие. Разве за это нельзя полюбить профессию техника? Больше того: не полюбить ее невозможно.

Смотрю на часы: летчики второй и третьей эскадрилий уже приближаются к цели. Сердце сжимается от боли. Раньше они уходили на запад, теперь-на юг. Если глянешь на карту, Юхнов почти под нами. И близко - всего сто шестьдесят километров. А от Москвы до Юхнова? Сто восемьдесят. Горько это сознавать. На каком рубеже остановим фашистов? Мы должны их остановить.

Будто воочию вижу Донбасс и деревню Шарапове - родину командира второй эскадрильи, Харьков - родину моего командира звена. Я понимаю теперь, почему так особенно зло и отважно воюет Максим Кулак, спокойный и даже чуть-чуть флегматичный человек, отчего тяжело вздыхает Шевчук, веселый жизнерадостный парень.

Я их хорошо понимаю. Ведь фашисты пришли и в Подмосковье, в родные мои края. Немецкие танки идут по дороге Вязьма - Юхнов - Подольск. Уверен, в Москву их не пустят, но от Подольска они могут пойти в обход, с востока. Тогда мое Паткино - деревушка, где я родился, учился и рос, - будет на их пути. От Подольска до нее всего тридцать пять километров. А там - мать и отец, братья Сергей и Володя, сестры Лида и Фая. И асе моложе меня. Что с ними будет?

Надо же торопиться!

И почему две эскадрильи летают, дерутся с врагом, а мы

понапрасну "утюжим" воздух. Патрулируем над волоколамском (а там и бомбить-то, наверное, нечего!), над аэродромом Алферьево.

Вчера высказывались разные суждения. Мы, молодые летчики, говорили о том, что на "миги" тоже надо бы подвесить "эрэсы", и попросили Томилина заместителя комэска - передать об этом командиру полка, но он м слушать не захотел. Сказал, что "миг" - перехватчик, а не "вьючная лошадь" и вообще надо кое-кому получше его освоить, научиться по-настоящему на нем летать.

- Тоже мне, летчики, - сказал Томилин, выразительно скривив губы.

Сунув в рот папиросу, он пустил под потолок кольцо дыма, поднялся и направился к двери. Став на ступеньку, сказал:

- Выйду пока... Несозревшим никотин вреден!

Как это ни странно, вражеских истребителей в воздухе не было. Фашисты, очевидно, не ждали нашего столь раннего визита. Писайко издали увидел аэродром - эллипс, растянутый параллельно шоссе, две длинные стоянки истребителей на северной и южной окраинах. Он сразу представил себе картину штурмовки.

Первый удар - по дальней стоянке. Пролет над ней. Левый боевой разворот с выходом на вторую стоянку. Удар, разворот - и кольцо замкнуто. Немцы будто специально расставили самолеты - ни одного холостого прохода.

Но раньше чем командир полка развернулся на цель, слева на самолетной стоянке появились два пыльных хвоста - пара Ме-109 запустила моторы. Писанко сразу оценил обстановку. Бросил машину вправо и вверх, змеей изогнул траекторию влево, параллельно взлетно-посадочной. Внизу на удалении тысячи метров начинает разбег Ме-109, второй пылит у стоянки. Секунда - и "Чайка" летит к земле. Длинная пулеметная дробь вплетается в рев моторов. Будто споткнувшись, "мессер" теряет направление взлета, роет землю крылом, горит.

Все рассчитано до секунды. Разгоняя скорость, Писанко проносится до границы летного поля и крутым разворотом выходит в лоб второму Ме-109; он уже в середине разбега. Короткая пулеметная очередь для пристрелки, залп двумя "эрэсами", взрыв огня и металла...

Все! Путь для "Чаек" свободен. Писанко поднимается вверх, наблюдает за полем боя, приказывает:

- Работать всем! После второго захода звену Косарькова ко мне!

Будто зеленая птица, "Чайка" скользит над целью, непрерывно меняя курс. Писанко знает: на прямой зенитчики

могут сбить самолет первым же залпом. Рядом появляется несколько дымчатых шапок: немцы открыли огонь. Откуда? Писанко смотрит на землю, на лес, окаймляющий летное поле. Замечает вспышки выстрелов. Все ясно. С разворота "Чайка" переходит в пике. Летчик видит орудие, изрыгающее огонь, ловит его в прицел, нажимает на кнопку электроспуска. Одного "эрэса" оказалось достаточно для того, чтобы пушка перестала стрелять.

"Чайки" повторяют заход. Результаты первого как на ладони Несколько дымных столбов поднимается к небу. Горят самолеты. На стоянке фашистов больше не видно - все разбежались. Одна из машин выходит из общего круга, правым разворотом идет от аэродрома. Что-то случилось. Может, подбита? Может быть, ранен летчик7 Надо узнать, помочь, если будет возможность.

Командир спешит на помощь товарищу. Быстро сближается До него уже метров сто. Виден хвостовой номео машины - "двадцать"

- Что случилось, Артемов?

- Все нормально. Вижу цистерну.

От самолета Артемова тянется дымная трасса - пристрелочная Теперь и Писанко видит цистерну, замаскированную среди деревьев. Да там не одна! Сейчас Артемов должен ударить "эрэсами". И точно, под плоскостью "Чайки" вспыхнуло пламя, пара огненных стрел по наклонной метнулась к цели.

От взрыва колыхнулась земля. Командир услышал его даже сквозь грохот мотора. Хвалит пилота:

- Молодец! Орел!

Подумал: "Если бы все были такими зоркими". Писанко видит, как "Чайка" Артемова плавно, классическим боевым разворотом уходит вверх, и видит другое: наискось перечеркнув пространство, за ней устремляется цепь огненно-красных шаров. Бьет "эрликон" - крупнокалиберный пулемет.

- Маневр! Артемов, маневр!

Но Артемов не слышит. И не видит, закрывшись крылом, огненной трассы, настигающей его самолет...

Очевидно, он умер сразу. "Чайка" даже не дрогнул. Она все лезла и лезла вверх, пока не потеряла скорость. На мгновение зависнув, плавно, будто нехотя легла на крыло, неудержимо, зеленой тенью скользнула к земле.

А штурмовка шла своим чередом. Израсходовав крупный калибр - "эрэсы" и бомбы, летчики начали бит пулеметным огнем. И никто, кроме командира, не знал о случившемся. Только Коля Тетерин видел, как в самом разгаре штурмовки вышел из круга идущий впереди самолет и пошел со снижением. Коля бросился

было за ним, но заметив машину командира полка, остался.

Закончив штурмовку, они снова собрались все вместе и, окрыленные большим успехом, в четком монолитном строю направились к месту общего сбора. И только тогда увидели, что в строю не хватает двоих.

...Капитан Боровский погиб от снаряда зенитки. Вернее, от десятка, а может, и сотни снарядов. Погиб на глазах идущих рядом товарищей. Сгорел, как факел, освещающий путь. Как знамя. Думая о капитане Боровском я думаю о горьковском Данко.

Фашисты встретили их ураганным огнем Перед группой встала стена черно-багровых взрывов. И строй самолетов будто попал в болтанку. Непросто это - лезть человеку в огненный ад. Но они не свернули, не забыли в страхе свой долг. Шли, как и шли, по прямой. Только кто-то невольно уменьшил обороты мотора, и "Чайка", будто споткнувшись, уменьшила скорость.

Боровский мгновенно оценил обстановку: минуты, и боевого порядка не будет, машины собьются в кучу, а это хорошая цель для зениток. Оценил и принял решение. Вырвавшись метров на триста вперед, он бросил машину в пике, в дымное облако. Нет, это не было жертвой. Сильный, немолодой уже летчик был уверен в себе. Он хотел показать, что делать надо вот так, как он, рассредоточиться и маневрировать...

Может, он зря, Боровский, вышел вперед? Нет, не зря. Конечно, они бы прорвались к цели, они нанесли бы удар. Но сколько машин было бы сбито? Две? Три? А может, и больше.

Глядя на полетную карту, вновь припоминаю наш разговор с лейтенантом Томилиным. Подошел Акимцев

- Сколько до твоей деревни?

- Немного.

Акимцев умный человек, да и жизнь его поучила Всякое видел. Беспризорником был, потом попал в хорошие руки. Стал комсомольцем, участвовал в схватках с бандитами, боролся против спекулянтов. Двадцати пяти еще не было, а он стал уже директором завода. А теперь - комиссар. Понял меня, обнял за плечи, говорит

- Немец силен. Но мы все равно победим. Я верю И ты, знаю, веришь. А то, что отходим, - дело временное. Надо собраться с силами. Надо сохранить армию Армия есть - государство есть. Кто так сказал?

- Кутузов.

- Верно. Ради сохранения армии полководец отдал Москву. Но нам отдавать нельзя. Хорошо, если бы первый настоящий удар фашисты получили именно здесь, на подступах к ней. Нам очень

нужна победа. Победа на поле боя одновременно будет и политической на международной арене Весь мир должен увидеть, насколько мы сильны.

Мы все ходим по самолетной стоянке и говорим, говорим. Судя по времени, "Чайки" отштурмовались, сели на промежуточной точке, дозаправились там горючим и должны вот-вот появиться, если их не задержит "Москва" (так мы называем вышестоящие штабы), чтобы снова послать на штурмовку.

Слышится гул моторов, на горизонте появляются "Чайки". Приближаются Задрав головы, смотрим. Смотрим, насколько хватает глаз.

- Одной не хватает, - обеспокоенно говорит комиссар. - Мне даже кажется двух.

Считаем вместе... Да, двух не хватает.

- Придут, - пытаюсь успокоить себя и комиссара. - Просто отстали: один увлекся, другой его прикрывает во время атаки.

Нет, здесь что-то не так: эскадрильи идут на небольшом удалении друг от друга, и в каждой не хватает по одному самолету. Вот они уже рядом. Перестроились в пеленг, проходят над стартом. Роспуск, заход на посадку. "Батя" стоит у крыла, молчит. Суровый, хмурый. Стащил с головы шлемофон. Медленно, с каждого пальца снимает перчатки. Мокрые... Вынул платок, вытер лицо, шею. Обвел всех взглядом, сказал:

- Капитан Боровский и младший лейтенант Артемов погибли. - Помедлив, добавил: - Погибли геройской смертью. Прошу почтить память.

Время суровое, грозное Гибнут пилоты. Всем тяжелое ему, командиру, вдвойне. Летчики грустят о погибших товарищах, а его и человеческая жалость гложет, и думы гнетут. Может, что сделал не так? Может, из-за чего погибли? Знает, что война без потерь не обходится, а сердцу не прикажешь - болит, ноет... Уставился в землю невидящим взглядом.

Молчит командир... Молчат стоящие рядом летчики,

- Видимо, что-то не так мы делаем? Возможно, не заходим на цель? Не так от нее уходим? - задумчиво, будто про себя, говорит Косарьков.

Но мы с надеждой смотрим на командира полка. Мы смотрим в силу его таланта, его способности нами руководить, одерживать победы.

- Люди ждут, командир, - тихо сказал Топтыгин, и Писанко, будто очнувшись, окинул собравшихся взглядам.

- Слов нет, чтобы выразить боль утраты. Но война - есть война, она без жертв не обходится. Пусть за нас ответят "эрэсы", бомбы и пулеметы. Готовьтесь к повторному вылету.

Вот и нет Карасева, моего дорогого товарища. День стоял яркий, солнечный. "Чайки" пришли с боевого задания. Эскадрилья, что шла позади, разделилась на две подгруппы, три самолета немного отстали от общего строя: один был подбит, два его прикрывали, шли по бокам Так всегда было, когда самолеты приходили подбитыми. Нередко летчики приводили свои машины на пределе физических и моральных возможностей. Потом в шутку говорили: "Пришел на остатках сознательности".

Очевидно, Карасев тоже прилетел в таком состоянии. Его машина непроизвольно ходила по курсам, заваливалась в крены, выравнивалась.

- Ранен, - сказал Шевчук, - а может, побиты рули. Все быстро зашли на посадку, освободили летное поле, а Федор почему-то не торопился.

- Садился бы с ходу, - сказал Илья, - никто не мешает.

С ходу - это значит через нашу стоянку, но летчик не решился. Я понял: он не уверен в своих силах, потому что садиться с попутным ветром трудно. Карасев прошел над точкой к третьему развороту и начал его выполнять, постепенно сливая третий с четвертым. Кто-то облегченно вздохнул, когда самолет начал снижаться, приближаться к земле. Вот он пропал в низине. Я представил, как летчик выровнял его у земли, как машина приземлилась, бежит, постепенно теряя скорость. Вот она выйдет сейчас на бугор, покажет сверкающий круг винта... И вдруг оттуда взвился столб черного дыма и стал разрастаться у нас на глазах.

Мы неслись по дороге, огибающей летное поле, туда, где горела "Чайка", где находился наш боевой друг. Еще не доехав, я увидел, как рвутся патроны: из горящей машины фейерверком летели красно-зеленые искры и бессильно падали рядом. Метрах в сорока от "Чайки" стоял водомаслозаправщик, вокруг которого бурлила толпа: кто-то орудовал шлангом с водой. Вероятно, заливали горящего летчика. Я соскочил с машины, протиснулся в толпу.

Карасев лежал вниз лицом, обнаженный по пояс. Рядом валялись обгоревшие клочья тряпок и ваты. Лица не было видно, но я узнал Федю сразу. Огонь не коснулся его головы, защищенной кожаным шлемофоном, но шея была угольно-черная. "Это не так страшно, - успокаивал я себя, - все заживет, зарубцуется, и он еще полетает".

Техники осторожно перевернули Федю на спину. Все ахнули.

Я повернулся и пошел через летное поле, ничего не видя, не разбирая дороги Товарищи догнали меня, кто-то уступил мне место в кабине. На стоянке самолетов все разошлись, оставив меня одного. Так, наверное, лучше Зачем утешать, успокаивать?

Да и есть ли такие слова, чтобы умерить боль? Эх, Федя, Федя...

В памяти одна за другой оживали картины минувшего.

...22 июня. Утро тихое, солнечное. Под разлапистым деревом, недалеко от самолетной стоянки, ждем командира полка, ждем отбоя тревоги. Одни о чем-то тихо беседуют, другие, безмятежно раскинув руки, глядят на спокойное, необыкновенно чистое мирное небо.

Рядом со мной два закадычных друга, два молодых пилота: Федя Карасев, рослый, светловолосый, шумливый, и Николай Кузнецов - невысокий, спокойный, рассудительный. Сверкнув шалыми голубыми глазами, Федя начинает что-то рассказывать; прерываясь, громко хохочет. Кузнецов сдержанно улыбается.

Время - девятый час, а мы еще не знаем, что в это утро войска фашистской Германии нарушили нашу границу. Но вот на тропинке, соединяющей здание штаба с самолетной стоянкой, показался Девотченко, наш командир. Суровый, сосредоточенный, он стоит перед нами. Блестит на солнце мощная бритая голова, горят на груди три ордена Красного Знамени "Отбоя тревоги не будет, - говорит командир - Война ."

Вот и нет беззаботных людей. Улыбки как ветром сдуло Сухо сомкнулись губы, сурово насупились брови И только Карасев.. Я вижу, как засверкали его глаза, вижу, как Федя, прячась за чью-то спину, красноречивым жестом показывает на грудь командира полка и, важно насупясь, тычет пальцем в свою богатырскую грудь. Раз.. Два... Три... В то место, где должны быть ордена

Кузнецов снисходительно смотрит на друга. После того, как мы получили новые самолеты и Леонов убыл из нашей части, вместо него в звено Шевчука назначили Федю Наши машины поставили рядом, мы стали вместе дежурить, летать. Вскоре на стоянку привезли доски, фанеру, столбы, и мы построили домик. Поставили его между самолетами, закрасили краской. Домик наш был просторным: два с половиной метра в длину, два в ширину, около двух в высоту.

- Настоящая дача, - сказал Карасев, - теперь надо поставить кровати и стол.

Ни стола, ни кроватей нам, конечно, не дали - откуда их было взять. А топчаны привезли. Мы поставили их у противоположных стенок, а в углу приладили столик на единственной ножке. Сразу стало уютно, повеяло чем-то домашним.

- Как хорошо, - улыбнулся товарищ и, присев на край топчана, задумался. А вдруг зимовать придется?

- А что, неплохо, - ответил я. - Утеплим.

- Да я не о том, - поморщился Федя, - вдруг всю войну в тылу просидим. На запад надо идти.

- Прикажут - пойдем, - успокоил я Федю - А сейчас бери полотенце, мыло, здесь небольшой пруд есть, можно помыться.

Он сбросил с себя гимнастерку и майку, и мы пошли по тропинке. Я шел позади, любуясь могучей спиной, покачивающейся в такт шагам.

- Здоров ты, Федька, - не выдержал я, - как буйвол.

Он улыбнулся:

- Не жалуюсь, - и предложил, - поборемся?

- Да ну тебя к черту, - попытался я отмахнуться, - сломаешь ребра, как я потом воевать буду?

- Трусишь, "шелекспер"? А ну берегись! Федя пошел на меня медведем. Уступать не хотелось, мы долго катались по мягкой траве, тузили друг друга, кряхтя и ругаясь. Поединок заметили, со стоянки прибежал Миша Питолин, наш комсомольский бог, и, бегая вокруг, закричал:

- Довольно, дети, усы поломаете!

- И ты здесь, "шкилет"?

Не поднимаясь с земли, Федя сделал бросок в сторону Миши, схватил его за ногу и после короткой борьбы подмял под себя Красный от натуги, выпучив на меня глаза, Миша вдруг закричал:

- Что ты стоишь! На бюро вызову!

Задыхаясь от смеха, Федя ослабил медвежью хватку и в ту же секунду Питолин сел на него верхом. Переждав пока мы поборем приступы смеха, я смогу спокойно стоять, а Федя лежать, Питолин подвел итог поединка.

- Вот так надо расправляться с противником!

Карасев снова зашелся в смехе, но мы его взяли за руки и по счету "Раз!.. Два!." дружно подняли. И вместе пошли умываться.

Эх, Федя, Федя... Дорогой мой дружище...

Как ошибаются люди, когда говорят, что летчик, случайно оставшись в живых, на всю жизнь застрахован от всяких бед.

...Это произошло в первой половине июля. Был летний день. Молодые пилоты ходили в зону, "старички" стреляли по конусу - воздушной буксируемой мишени Все шло своим чередом. И вдруг на одной из машин за", барахлил мотор Услышав это, мы сразу забеспокоились, заволновались: перебои в работе мотора отдаются в сердце каждого летчика, даже если он на земле. А тот, у кого барахлил мотор, был в воздухе, на подходе к третьему развороту. Он правильно оценил обстановку, принял решение: развернулся и начал планировать, постепенно входя в створ посадочных знаков. Все шло хорошо, но двигатель подвел летчика: выбросив клуб черного дыма, он заглох окончательно. Летчик перетянул деревенские крыши, но впереди было картофельное поле, поперечные борозды .. Никогда не забуду, как

из кучи обломков поднялся Федя, окровавленный, но живой и здоровый. Через несколько дней он снова пришел на полеты, и все говорили:

- Везет тебе, Федя. Отделался легким испугом, теперь жить теперь будешь сто лет.

Потом, после штурмовки под Белым, когда его "зацепил" зенитный снаряд и буквально "раздел" машину, все удивлялись и снова говорили:

- Теперь-то уже точно, Федька, до ста.

Так я думал тогда, вспоминал, сидя у нашей стоянки. Сзади послышались шаги "Некстати", - подумалось мне Я хотел побыть в одиночестве, вернее, с прежним Федей. Тяжелая рука участливо легла мне на плечо.

- Федя был ранен, - сказал комиссар Акимцев - "Мессер" атаковал Кулака, а Карасев пытался отсечь Но положение было невыгодным, немец не отвернул, и тогда Карасев закрыл командира своим самолетом. Вроде бы все нормально, и пришел, и выровнял самолет, а перед тем, как приземлиться, упал на крыло.

Комиссар помолчал, снова тронул меня за плечо и ушел.

Я понял, почему Карасев упал на посадке. Он был уже мертв Задолго до того, как упасть. Он очень любил свой полк и нас, товарищей, и это дало ему силы прийти домой.

Последний "эрэс"

В ранних утренних налетах "Чаек" на аэродромы противника их встречают, как правило, только зенитки и "эрликоны" Истребители почему-то сидят на земле. Почему?

- Дело в температуре, - поясняет командир полна, - моторы на немецких самолетах не приспособлены к русским морозам. Правда, до настоящих холодов еще далеко, однако и небольшие - уже помеха. Нужны подогревы, особый сорт масла, топлива. Ничего этого у них, очевидно, нет. Рассчитывали закончить войну до наступления зимы, вот и бедствуют.

И верно: по утрам немцы бездействуют, зато чуть позже наши пилоты, вылетающие на штурмовку наземных войск, встречают их каждый раз.

Парами, группами в четыре - шесть самолетов, появляясь внезапно, как хищники, фашисты стараются ударить отставшего, добить подбитого. Если это не удается, в бой не вступают. Идут в стороне, напоминая зловещий эскорт. Наши их тоже не трогают, делают вид, будто не обращают внимания. Лучше, когда фашисты вот так, на виду. Попытки схватиться с ними всегда безуспешны: уходят немедленно, как только почуют опасность. И так же

внезапно приходят, пытаясь застать врасплох И снова сопровождают, идя в стороне или сзади. Только не спереди - знают силу наших реактивных снарядов.

Во время штурмовки тоже норовят стукнуть из-за угла. Ни разу не попытались оказать настоящую помощь своим наземным войскам.

Почему?

- А у них не так, как у нас, - поясняет майор Писанко, - наша основная задача - работать в интересах наземных войск, у них - увеличивать личный счет сбитых.

- Значит, тактика такая недолговечна? - неуверенно говорит Косарьков.

- Поясни, - любопытствует Писанко.

- Если начнется сражение на ближних подступах к Москве, вся наша авиация будет нацелена против наземных войск, и немецкое командование заставит своих летчиков защищать пехоту по-настоящему.

- Логично. Этого следует ожидать, - соглашается Писанко, - но и сейчас будьте внимательны и осторожны. Фашистские летчики драться умеют, только не хотят рисковать: Гитлер обещал до зимы захватить Москву, а после этого - все блага земные. Но при явном численном или тактическом превосходстве нападут обязательно.

Прав командир. Возвращаясь после штурмовки, эскадрилья Максима Кулака попала в снежный заряд, разбилась на звенья. Это было южнее участка железной дороги Гжатск - Можайск. Спустя три-четыре минуты Кулак, Нечаев и Николаев, вырвавшись из снежного плена, неожиданно встретили десять Ме-109. Фашисты не стали их сопровождать, как обычно, а сразу пошли в атаку.

"Чайки" встали в оборонительный круг. В подобной обстановке это был единственно верный прием. Впоследствии этот прием устареет. Мы освоим скоростные машины, от тактики обороны в воздушных боях перейдем к тактике наступления, и формула "высота, скорость, маневр, огонь" станет основной формулой победоносного воздушного боя.

Все это будет потом. А пока, встав в вираж над верхушками леса, Кулак, Нечаев и Николаев прикрывают друг другу заднюю полусферу. Фашисты попытались вклиниться внутрь виража, да где там, выскочили будто ошпаренные Разве можно сравнить маневренность "Чайки" и Ме-109!

"Трудно им, сволочам, - подумал Кулак, - сверху ударить тоже нельзя, мешает низкая облачность, а больше всего - поспешность". Верно, немцы торопятся, каждый хочет быть непременно первым:

"Чаек" ведь только три, вдруг не достанется.

- Шакалы! Настоящие шакалы! - кричит Нечаев.

Неожиданно прекратив атаки, фашисты отходят в сторону. Не все - двое остались. И Кулак понимает, что это значит: главарь решил не делиться добычей. Он намерен бить один, сверху, насколько позволит облачность.

Остальные будут действовать по команде. Обстановка осложнилась до крайности. Оторваться от верхушек деревьев нельзя - немцы немедленно атакуют снизу, уйти по прямой - тоже: у них большое преимущество в скорости, догонят немедленно. Уйти в облака невозможно - Николаев совершенно не подготовлен. Низкая облачность для него опаснее, чем "мессершмитты". Что делать?

Драться, решил Кулак. Что же еще? Очевидно, и немец, главарь этой группы, понял, что русские будут драться, что они не станут ждать пока он начнет их расстреливать. Он дал команду своим подчиненным, и группа из восьми самолетов разделились на две четверки. Одна идет по прямой на удалении тысячи метров курсом на запад, другая встала в вираж. Вот и она развернулась и идет вслед за первой, а первая начала разворот на обратным курс.

Все ясно. Два звена будут ходить навстречу друг другу вдоль железной дороги Гжатск - Можайск. Живая стена, сквозь которую прорваться едва ли возможно. Фашист осторожный и опытный, он обезопасил себя на случай активных атак наших "Чаек" и отрезал им путь отхода. Сейчас он пойдет в атаку...

Легким маневром фашист метнулся к облакам, с разворота бросил машину в атаку. Вначале, когда "мессер" шел по нисходящей прямой, трудно было понять, на кого нацелен удар. Но вот он лег на крыло, резко завернул траекторию. Под ударом оказался самолет Николаева. За ним виражит Нечаев, он и защитит хвост впереди идущей машины.

- Сережа! Не упусти момент! - предупреждает Кулак.

Нечаев на мгновение вывел машину из крена, поднял ее на дыбы, нажал на гашетку. Увидев перед носом дымную трассу, немец не выдержал, отвалил, не успев завершить атаку. Его напарник сразу пошел на Нечаева, но Кулак уже был наготове и атаку отсек.

Неожиданно появилась еще шестерка "мессершмиттов-109". "Трудновато, подумал Кулак, - трое против шестнадцати, - и почувствовал, как лоб покрылся испариной, а страх холодком прошел по спине.

...А минут через сорок большой, спокойный, даже чуть флегматичный, Максим Максимович рассказывал обступившим

его пилотам:

- Откровенно говоря, я уже готов был попрощаться с вами, товарищи. Шутка ли, такое неравенство сил. Но та шестерка, как я понял, к первой десятке имела отношение весьма отдаленное. Не признавая субординации, они сразу пошли а атаку. Старые наши "друзья" увидев, что добыча ускользает из рук, не выдержали - и тоже. И такое тут началось...

Все смешалось. Рев своих и чужих моторов. Свои и чужие трассы огня. Фашисты заходят в атаку с разных сторон, мешая друг другу, рискуя столкнуться, поразить огнем своих. Короче, повторилось то, что было в самом начале. Только в более широком масштабе. И Кулак, хитрый воздушный ас, поняв, что из этой свалки вырваться можно, вспомнил о том, что у него еще есть "эрэс". Один, дистанционного действия, специально взятый на случай воздушного боя.

Еще на земле, готовясь к полету, Кулак приказал подвесить под плоскость "Чайки" не восемь "эрэсов" ударного действия, которые взрываются только при ударе о цель, а семь. И один - дистанционного, которого особенно боятся фашистские летчики, поскольку он, как и зенитный снаряд, взрывается на дистанции, заданной еще на земле. Разорвавшись вблизи самолета противника, такой снаряд способен развалить его на куски.

Выполняя приказание командира, оружейник спросил:

- Может, каждому так? На каждую "Чайку"?

Но Максим Максимыч не согласился - слишком роскошно возить понапрасну десять реактивных снарядов.

- Как понапрасну? - спросил воентехник Василий Буров. - Разве вы не сбросите его на фашистов?

- Не сброшу, - ответил Кулак, - я оставлю снаряд на случай воздушного боя при полете домой. Немцы нападают именно в тот момент, когда мы идем без "эрэсов", с малым остатком горючего и боекомплекта.

- Вот теперь мне понятно, - сказал Василий и предложил: - Давайте подвесим еще один. Не помешает.

Но Максим Максимыч не согласился по причине той же расчетливости, а теперь, тепло подумав о технике, пожалел. "Оберегает меня, а я, как пень", подосадовал летчик, и на секунду расчувствовавшись, вспомнил, как Буров всегда провожает его на боевое задание и встречает, как внимателен он, терпелив, когда командир эскадрильи чем-то недоволен.

Кулак вспомнил свой первый вылет, когда они ходили под Белый. Нечаев с Кравцовым задержались тогда на штурмовке, и техник машины Кравцова, подбежав к Максиму Максимовичу, спросил: "Товарищ командир, а мой где?". Он так и сказал "мой",

и в глазах его было столько заботы и беспокойства, что у Кулака как-то сладко и больно заныло сердце. Сладко оттого, что неожиданно и именно такое услышал, а больно оттого, что сам не знал, куда девались эти два летчика.

"Буров тоже, наверное, так называет меня, - подумал Кулак и, включив тумблер электросброса, крикнул:

- Мы еще повоюем, ребята! У меня снарядик один припасен.

Конечно, снаряд может сыграть свою роль, если попадание будет удачным. Но даже если и не удачным, все равно хорошо. Фашисты увидят, что "Чайки" не безоружны и не будут смотреть на них как на добычу.

Так думал Кулак, продолжая виражить и одновременно высматривать, куда бы лучше всего направить свое оружие. А главари обеих немецких групп, очевидно, решали закончить затянувшийся бой по какой-то более благоразумной системе. Прекратив атаки, они собираются в группу... "Самый подходящий момент" подумал Кулак. Развернув самолет в их направлении, плавно нажал на кнопку.

"Чайка" дрогнула, снаряд со скрежетом вырвался из-под крыла, полыхая огнем, понесся вперед, Кулак увидел, как он взорвался, как один Ме-109 листом, с крыла на крыло, падал на землю; и раньше, чем он упал, истребители пропали из глаз - мгновенно скрылись в облаках.

- Вот так мы и ушли, - закончил рассказ Максим Максимович.

- А какой из этого вывод? - сразу ко всем обращается Писанко.

- Надо каждому брать по одному снаряду дистанционного действия, предлагает Кравцов.

Писанко пожимает плечами:

- Не особо расчетливо. А вообще, мысль неплохая.

- Не терять друг друга, когда ухудшается видимость, - недовольно басит Аркаша Михайлов, - бросая камень в огород командиров звеньев, потерявших в снегопаде звено Кулака.

Но "батя" наш человек тактичный. Зная, что Максим Максимович сам поговорит с виноватыми, не вмешивается, дипломатично обходит этот вопрос.

- Верно, Михайлов. Но я имею в виду не моральную сторону вопроса, а практическую.

Летчики думают. А Писанко уже загорелся идеей и ждать не может.

- А что скажут "пострадавшие?" - обращается он к Николаеву и Нечаеву.

- Скажу, - неторопливо начинает Нечаев, - посмотрел я сегодня, как немцы в облаках летают, зависть меня ваяла. Глазам

своим не поверил. Представьте, взрыв "эрэса", секунда - и нет их. Сгинули, будто и не было вовсе. А почему мы так не можем?

Довольный тем, что Нечаев угадал его мысль, Александр Степанович Писанко улыбается.

- Летать в облаках обязательно будем. Яков Петрович!.. - обращается он к начальнику штаба. - Пока нас не выло, Москва ничего не приказывала?

- Нет, Александр Степаныч. Ничего.

- Ну и отлично! Значит, начнем сегодня, сейчас. Передайте инженеру полка, пусть готовит "спарку". Отныне будем на ней летать все свободное время. На боевых самолетах, когда прижмет обстановка. Довольны?

Экзамен на зрелость

Время. Неумолимое время. Кажется, совсем недавно началась война. Совсем недавно Федя Карасев опасался, как бы нам не просидеть все горячее время в тылу. А сегодня за завтраком Илья Бочаров обронил:

- Неважные наши дела, дружище.

Молчу. А что отвечать? Мы уже слышали недалекие раскаты орудийного грома. Видели дым пожарищ на горизонте. Вчера, 12 октября, получили приказ: быть готовым к отлету.

Подходит Толя Шевчук. Усталый, невыспавшийся. Приказ получили во второй половине дня. Ждали до вечера, не выходя из землянки. Так потребовал Глебов.

Потом до двенадцати ночи. Шевчук сидел обложившись журналами, папками.

Ни в одной эскадрилье не было столько бумаг, сколько в нашей. Летчики второй и третьей, заходя вечером к нам в землянку, потихоньку посмеивались и уходили Шевчук откладывал в одну сторону "нужные", в другую "ненужные". Так он классифицировал их. Ненужные надо было сжигать. Но Глебов, проверив, находил среди них такие, без которых, как он говорил, эскадрилья шагу не может шагнуть. Он ругал Шевчука и заставлял делать все заново.

В первом часу позвонил командир полка. Трубку взял кто-то из летчиков. Узнав, что все еще бодрствуют, Писанко попросил к телефону Глебова. Разговор был коротким. Командир эскадрильи сказал три слова: "Понял, виноват, есть" (в Уставе тогда еще не было "слушаюсь"). И отправил нас на покой. Оставил лишь Шевчука.

- Всю ночь его уговаривал, - смеется "начштаба", - я хотел уничтожить книгу взысканий, а он знаете что сказал? Если, говорит, находишь, что она толстовата, заведи потоньше и

перепиши все со старой, но поубористее.

Смотрю на него и завидую: молодец. Бодр, весел и всегда был таким Вспоминаю начало года, январь или февраль Строем идем с завтрака к штабу. Немного опаздываем Не по своей вине, задержка из-за столовой. Издали видим Глебова Сухой, высокий, вся фигура его - нетерпеливое ожидание Ходит. Три шага вперед, три - назад.

- Пробежим, хлопцы, - говорит Шевчук и громко командует: - Бегом, марш!

Добежав до штаба, переходим на строевой шаг, "печатаем" сапогами.

- Эскадрилья, стой. Направо! Равнение на середину - командует адъютант. Приложив руку к головному убору, поворачивается, чтобы доложить.

- Почему опоздали? - грозно вопрошает командир эскадрильи.

- Столовая открылась с опозданием на пятнадцать минут, - четко рапортует Шевчук.

Но это не удовлетворяет нашего командира:

- Я не спрашиваю опоздала или не опоздала столовая, я спрашиваю, почему опоздали летчики?

Шевчук молчит. Глебов повторяет вопрос. "Я же ответил вам", - спокойно говорит адъютант.

- Выговор, - объявляет взыскание командир эксадрильи.

Конечно, это неприятно - взыскание в присутствии подчиненных, но Глебов, очевидно, считает, что Устав - это не для него Нам неудобно за Шевчука. И обидно. Но его лицо неожиданно озаряется ясной улыбкой.

- Товарищ командир, вы нарушили свою систему.

- Какую еще систему? - Глебов настораживается. Он уже знает своего адьютанта. Не первый день работают вместе.

- Обычно, я получал взыскания через день. Сегодня, по счету двадцатое, вы объявили на сутки раньше.

Глебов безнадежно машет рукой и, ругаясь, направлятся в штаб. Со ступенек бросает:

- Нет, адъютант из тебя не получится.

Мы обступаем Толю. Беспокоимся: "Неужели снимет?"

- Да что вы, ребята, он говорит это каждый раз. Кажется, это было совсем недавно, а столько воды утекло.

Я смотрю на смеющиеся Шевчуковы глаза, спрашиваю:

- Не известно еще куда полетим?

Шевчук внезапно суровеет:

- Знаю только одно: не на Запад.

После завтрака стало известно - в Клин, дорогой нашему

сердцу. Как никак, первая точка, где многие жили самостоятельно, на частных квартирах, у многих остались знакомые...

Ждем команду. Час, второй, третий. Может, не полетим? Может, не так уж плохи наши дела? Но наземный транспорт уже готовится. База - обслуживающая нас техническая часть - готовит к отправке боеприпасы, горючее, снаряжение, техническое оборудование. Инженерам эскадрильи приказано подготовить своих подчиненных к защите аэродрома от нападения. Техники, механики, младшие авиационные специалисты работают у машин, а рядом лежат винтовки, гранаты, бутылки с горючей смесью.

Иван Аникин, техник моего самолета, дает мне последние советы:

- Будешь там без меня... Недолго, но без меня. Так ты, командир, того... сам следи за машиной. И вообще...

Иван умолкает, насупившись. Спрашиваю:

- Что "того"? Что "вообще"?

- Откуда я знаю, кто тебя будет обслуживать, - сердится техник - Знает он наш самолет или не знает. Так ты сам заправляй его горючим и маслом. В расширительный бачок заглядывай, если надо, воды добавишь. И вообще...

Иван хмурится, мнется и, окончательно смутившись, отводит меня в сторону от товарищей, тихо говорит:

- Всякое может случиться... Заправят по ошибке не так, как надо, упадешь на чужой территории Так ты понастойчивее там с техниками, посуровее. Проверяй, контролируй Ты же никогда не проверяешь заправку...

Туча, налившись снегом, висит над нами. Ветер холодный, северный А мне тепло и как-то уютно. Совсем по-домашнему. Чувство благодарности наполняет сердце. Хочется обнять Ивана, но рядом люди, и мне неудобно. Скажут еще, прощаемся.

- Спасибо, дружище, за заботу, - говорю я Аникину, - но ты не волнуйся, я ведь только тебя не проверяю.

Иван несказанно рад Он будто ждал этих слов. Тащит меня к самолету, раскрывает инструментальную сумку. Экзаменует меня:

- Чем будешь лючки открывать? Чем горловины? Ищи.

Не сразу, конечно, но я нахожу все, что нужно: отвертку и три ключа.

Техник доволен. На радостях с ходу дает мне вводную.

- Меня здесь нет. Самостоятельно заправляй самолет бензином, маслом, воздухом... Осматривай. Одним словом, готовь к полету.

- Это экзамен, Иван? Я же недавно сдавал инженеру. Перед

самостоятельным вылетом.

- Считай как хочешь, но делай. Иначе я не буду спокоен.

Я действую по инструкции И поясняю. Иван сначала молчит, потом начинает задавать вопросы. По ходу дела говорит он, но спрашивает больше и глубже, чем сказано в инструкции летчику.

Напоминаю ему:

- Ты же сказал, что тебя здесь нет.

Иван смеется, подводит итог:

- Молодец! Знаешь! "Тройка" твердая.

- Да ты что, Иван? С тройкой же не летают... Даже не улыбнулся.

- Я бы тебе и "пятерку" поставил, но, сам понимаешь, субординация. Узнает инженер эскадрильи, не похвалит, заискиваешь, скажет, перед своим командиром... Но ты не волнуйся, знания твои отмечу...

С этими словами техник запускает руку в один из карманов комбинезона, вытаскивает небольшой, совсем необычной формы предмет.

- Подарок тебе. Сам смастерил.

Ключ... Вернее, три ключа скомпонованные в одном. И отвертка. И еще что-то. Обнимаю Ивана. А он, еще больше смутившись, грубовато, по-мужски:

- Да ладно... чего там.. Нельзя же в карманах весь инструмент возить. Выронишь - попадет в управление, вот только не успел я чехольчик сделать, чтобы не в кармане носить, а на ремне. Ну ничего, пока потерпишь. все впереди, командир.

- Что впереди, Иван?

- Да все. Война ведь только еще начинается.

- Ты сам так думаешь или комиссар говорил?

- Был комиссар, рассказывал... Да я и сам так думаю. Действительно, войны-то ведь еще и не было. Пока что мы только отступаем. Но время подойдет, остановимся. И тогда начнется война. Сколько авиации под Москвой! Говорят, около тысячи самолетов. А задействовано совсем немного. На Белый летало всего около ста самолетов.

- И это комиссар говорил?

- И это. А ему - Стефановский, заместитель командира корпуса. Позавчера, кажется, прилетал сюда. Был на командном пункте, сказал, что "эрэсами" будут вооружать все самолеты. И наши "миги", "яки" и "лагги". Все. Представляешь сила какая! Главная-то опасность не авиация, а танки, мотомеханизированные войска. Против них и действовать будем. Готовься, командир, к штурмовкам.

- Иван, ты расскажи об этом всем летчикам.

- Зачем? Они уже знают.

- А почему же я не знал?

- Никто не знал. Комиссар приходил сюда, когда вы были на командном пункте. Говорил с техниками, механиками и приказал, чтобы мы "просветили" вас, летчиков. Можешь считать, что я провел с тобой политинформацию.

Аникин смеется. Ждет, какую оценку ему "поставлю".

- Отмечаю, Иван, задание комиссара выполнил хорошо. Действенно. Чувствую прилив духовных и физических сил.

Мы вместе смеемся. Последние мои слова слышат механики, оружейники. Они тоже смеются. И я невольно ловлю себя на мысли, что на душе действительно стало легче, и то, что уходим в Клин, отступаем, не гложет сердце, как час назад. Ничего страшного в этом нет. Сейчас отступаем, потом наступать будем. Да еще как будем!

- А как твой дух, Алписбаев, повысился? Алписбаев - оружейник моего самолета, маленький, смуглый, широколицый. Прищурив и без того узкие казахские глаза, не сразу понимает меня. Улыбаясь, тянет:

- Духа... а... Дух... - поняв, наконец, радостно отвечает: - Якши, якши, каращо, кмандыр, - и смеется, тонко заливисто.

В армии Алписбаев недавно, и русский язык знает неважно. Но это не мешает ему быть хорошим солдатом. Он очень дисциплинированный и редкого трудолюбия человек. Алписбаев никогда не сидит без дела. Он любит, когда наступают дни чистки оружия со снятием пулеметов с машины, с полной разборкой.

Приятно смотреть на его работу. Разобрав пулемет, он удаляет старую смазку. Легко и быстро. Даже из труднедоступных пазов и отверстий, искусно орудуя спичкой или заостренной щепкой. Потом накладывает новую смазку. Аккуратно, тончайшим слоем, и смотрит, любуется.

Он находит себе работу и после чистки оружия. Помогает технику и механику. До блеска протирает самолет мягкой ветошью, заправляет горючим и маслом или просто убирает вокруг, наводя чистоту и порядок.

Я смотрю на руки солдата. Грязные, усталые руки. И мне приятно, что человек с такими руками меня уважает. Я это знаю. Я даже знаю, что любит меня, и он знает, что я тоже люблю его. Это естественно, люди чувствуют отношение. Алписбаев всегда старается что-то для меня сделать, помочь, принести, подать. Не успею вылезти из кабины после полета или боевого дежурства, он уже расстелил самолетный чехол и зовет отдохнуть. И чтобы я ему рассказал о полете. Иногда, что-то делая или просто

задумавшись, я чувствую взгляд Алписбаева. Посмотрю, и точно - глядит, улыбается.

Вот и сейчас, глядит и улыбается. Перехватив мой взгляд, прячет за спину руки - застеснялся.

Многим военная служба не кажется медом по той причине, что надо всегда подчиняться. Надо уважать дисциплину, субординацию. Алписбаеву служить нетрудно. Дисциплинированность и послушание у него, можно сказать, в крови.

Старшим в семье был отец. Сын с детства привык делать все так, как он скажет. А здесь, в армии, старшим стал командир. И летчик, и техник, и механики. У каждого на петлицах знаки различия: кубики, треугольники. У Алписбаева нет ничего. Значит, все они - старшие, он - младший. Все ясно, понятно. Поэтому нет никаких конфликтов. Скажут: иди в наряд - идет. Скажут: иди на работу - идет. И работает от души. Но это уже не послушание, а скорее природное трудолюбие.

Посылая в наряд, Аникин всегда учитывает и желание и состояние здоровья солдата. Одному, например, не вредно и на жаре побыть, у склада боеприпасов, другому лучше в тени, в землянке. Как-то раз Аникин спросил Алписбаева, куда ему лучше. Солдат смутился, причем, дескать, его желание. Но техник, уткнувшись в бумаги, этого не заметил. Нетерпеливо спросил:

- Ты что, до вечера думать будешь?

Алписбаев тронул его за рукав и, указав на меня, тихо сказал:

- Кмандыра спрашай.

Мы переглянулись с Аникиным и улыбнулись. Алписбаев свалил самого большого кита: разобрался, что из двух военных с одинаковым количеством кубиков на петлицах один может быть старшим, то есть командиром, а другой его подчиненным.

Алписбаеву девятнадцать лет. Мы с ним ровесники, но он уже обзавелся семьей. Женился в шестнадцать лет. Об этом я узнал случайно. Алписбаев сидел под плоскостью "мига" и, улыбаясь чему-то, писал. Это заинтересовало меня.

- Кому пишешь, дружище?

Алписбаев поднял на меня смеющиеся глаза косого разреза.

- Жина, - ответил он, напирая на букву "и". - Рамазан.

- Ты женат? - удивился я. - Вот новость! Я и не знал Рамазан - это имя жены?

Алписбаев прыснул, схватился за живот, в смехе повалился на самолетный чехол. Смеялся он так, что глядя на него от смеха можно наплакаться. Вдоволь нахохотавшись, он наконец перевел дух и пояснил:

- Рамазан - это сына.

Сыну уже два года. Молодой отец достал из кармана комсомольский билет и вынул из него фотокарточку.

Снимок на редкость удачный. Юная мать, сидя на стуле, держит на коленях непоседу-сына. Затвор аппарата щелкнул в момент, когда казашонок, увидя что-то забавное, прыгал и рвался из рук.

И я невольно подумал о том, а как у нас там, в Казахстане? Не придут ли туда фашисты? Я представил себе огромную карту нашей страны и успокоился. Нет, не придут. Сил не хватит.

А время бежит. Незаметно наступает полдень. Дежурный дает команду строиться на обед!

После обеда техники пришли на стоянку, летчики - на командный пункт. Уложены полетные карты. Поставлена задача на перелет. Все нам известно: порядок взлета, сбора, полет по маршруту. Ждем команду.

Писанко вынул трубку, набил табаком, закурил Ароматные волны "Золотого руна" приятно защекотали в носу.

- Перерыв... разрешаю курить.

Все потонуло в синем дыму. Курят, конечно, не все. В том числе я и Шевчук.

- Пойдем, подышим, - предлагает мне Анатолий.

Вместе с нами выходит Илья Бочаров. Поднимаясь по ступенькам, ворчит:

- Несознательный пошел народ. Можно покурить и на улице.

Поднявшись наверх, молчим. Ветер, довольно свежий с утра, утих. Дым вьется над головой Бочарова и тает медленно, незаметно.

- Ты сегодня, как летчик, - изрекает Илья, отмахнув от лица дымное облако.

Шевчук улыбается - задета тонкая струнка "пилотяги", - начштаба действительно похож на старого летчика, - готовясь к отлету, надел реглан. Новый. Темно-коричневый. Так называют летное кожаное пальто. Иногда его называют просто кожанкой. Но дело не в том, как его называют, а в том, что реглан - это гордость каждого летчика.

Летчик без реглана - не летчик. Так я думаю. Сначала я видел летчиков только на снимках. В реглане. В пилотке. Потом увидел настоящего, и стал видеть много, часто и близко - майор Курдубов был начальником летной части Ленинградского аэроклуба Москвы. Потом я увидел их в летной школе. Я приехал туда зимой, и летчики-инструкторы ходили в регланах, черных Иди коричневых, в белых бурках с большими отворотами. А поближе к весне - в защитных очках. Неторопливые, важные. У

меня замирало сердце, когда я видел их в реглане и бурках, а летом - в синей пилотке с кантом.

Но я опоздал. Безнадежно, бесповоротно: реглан - летное обмундирование заменили комбинезоном на вате. Разве в город пойдешь в комбинезоне на вате?

Мы молча смотрим на запад. Впереди, слева, в ста метрах от командного пункта - стоянка "Чаек", вернее, начало. Машины расположены в шахматном порядке, последняя - на удалении триста-четыреста метров. Справа на горизонте - деревня и роща. Еще дальше видны дымы - будто курятся вулканы. Оттуда, приглушенные расстоянием, доносятся вздохи тяжелых орудий.

- Немцы подходят к Яропольцу, По прямой, - говорит Шевчук, - километров двадцать ..

- Подняться бы сейчас, да туда, помочь нашей пехоте, - отзывается Бочаров, - была бы польза. А то сидим, ждем у моря погоды Вчера полдня потеряли, сегодня .

Отвернув рукав реглана, Шевчук глядит на часы.

- Да, день на исходе, но начальству виднее, что делать Не так просто поднять нас отсюда Это значит дать приказ отступать. А Москва уже рядом - сто километров

Прав Шевчук, ничего не скажешь.

Он уходит, а мы остаемся Бочаров теперь мой командир звена. Вместо Боровского заместителем командира полка назначили Глебова. Томилин теперь командир эскадрильи, Шевчук - его заместитель.

- Видишь, как в жизни бывает, - вздыхает Илья, - вторая и третья эскадрильи воюют, а мы шагаем по должностям. Стыдно даже, а что поделаешь? По старшинству и по опыту на место Боровского надо бы стать Кулаку, но как совместить такую большую должность и звание младшего лейтенанта...

- Почему он застрял в этом звании? Старый же летчик.

- В Монголии был, дрался с японцами и, как известно, неплохо, но однажды был сбит, попал в плен. Этого я не слышал.

- Как же удалось ему вырваться?

- Не знаю. Знаю только, что прошел там все муки ада.

Бочаров обеспокоенно смотрит наверх. Серо-свинцовое небо хмурится, дышит холодом. Хорошо еще, что есть высота: метров семьсот - восемьсот.

- Когда пойдем по маршруту, - говорит командир звена, - ты будешь слева, Хозяинов - справа. Близко не прижимайся, иначе ничего не увидишь. А в строю, сам знаешь, ориентировку обязан вести каждый летчик Имей это в виду, по пути буду спрашивать характерные ориентиры.

Нравится мне Бочаров. Порядочный, скромный, спокойный.

Невольно вспоминаю тот случай, когда его "зажала" пара Ме-109. Не окажись поблизости Петра Александрова, не сдобровать бы тогда Илье.

Землянка командного пункта. У телефона майор Писанко. Ждет. День на исходе, а сигнала на взлет все нет. Неужели ждать до утра? А если враг прорвется ночью? Что делать? Ночников пять-шесть человек, остальные молодежь. Командир молчит, но мы понимаем его состояние, ощущаем физически. От телефонного звонка зависит все. Время, бытие, жизнь - заключаются в этом зеленой коробке.

В землянке сгущаются сумерки, но никто не решается повернуть выключатель, цепляются за каждую минуту уходящего дня. Уже с трудом различаем друг друга.

- Да включите же свет! - не выдержал Писанко.

Лампочка, вспыхнувшая в полнакала, показалась нам ярче солнца. И в ту же минуту - долгожданный звонок. Писанко схватил трубку, послушал, выдохнул зло:

- Поздно!

Мы не знали, о чем шла речь, но по выражению лица командира можно было предположить самое страшное, - если враг прорвется, придется сжечь самолеты.

- Нет! Я не могу этого сделать!..

И снова слушает. На лице - борьба мыслей. Очевидно, спрашивают: "Что предлагаете?" Писанко смотрит на нас и решительно говорит.

- Улетим! Ночью!

Потом обращается к нам:

- Первым улетит мой заместитель, чтобы принять остальных. Там только один прожектор. Будьте внимательными при расчете на посадку. Не волнуйтесь. Ничего особенного..

Только Писанко мог на такое решиться. "Ничего особенного...". Мы видели, сколько вывозных он дал командирам звеньев, чтобы допустить их к ночному дежурству.

Забегая вперед, скажу, что это будет наш первый и последний в этом году ночной полет. Летом 1942, готовясь к ночному дежурству, мы сядем на одном "пятачке" и, чтобы вылететь ночью, получим целую вывозную программу. Вот что значит условия, время и обстановка.

Командир дает последние указания:

- Лететь звеньями в порядке очередности эскадрилий. Звено Томилина выходит через тридцать минут после старшего лейтенанта Глебова. Временной интервал между звеньями - пять минут. В кабины садиться за полчаса до вылета. Надо осмотреться, привыкнуть...

Бочаров, я и Хозяинов направились к самолетам. Смотрим, как Глебов рулит, взлетает. Машину не видно, только яркий, огневой выхлоп из патрубков. Такое впечатление, будто у самой земли с грохотом несется голубая стрела. Но вот она поднимается, и на фоне светлого неба появляется силуэт самолета. Вскоре он исчезает и только по гулу мотора можно понять, как он развернулся влево, прошел перпендикулярно линии взлета, снова развернулся влево, идет прямо на нас на высоте 300- 400 метров.

Неожиданно летчик включает бортовые огни и классически выполняет левую бочку - переворачивает машину вокруг продольной оси, - снова их выключает и скрывается в темноте. Гул мотора постепенно стихает.

Что он хотел показать, наш бывший комэск? Мастерство? Безусловно. Не каждый отважится пилотировать ночью, на малой высоте, когда не видит естественный горизонт, когда небо, как и земля, черно. Но ведь это и грубейшее нарушение дисциплины. Как он отважился? Неужели не побоялся командира полка? Уверен, на это никто не пойдет. Все мы любим Писанко, и все немного боимся. Конечно, не в низменном понятии этого слова, в другом, хорошем. Боимся сделать не так, как надо, боимся увидеть его укоризненный взгляд...

Меня осеняет мысль: Глебов сделал это с разрешения Писанко. Не исключено, что Писанко сам ему подсказал. Будто наяву вижу нашего командира.

- Давай лети, - говорит он старшему лейтенанту Глебову, и когда тот собирается уходить, возвращает его. - Ты знаешь, надо придумать такое, чтобы летчики не волновались за исход ночного полета, надо убедить их, что это не страшно и ничего не случится, если уверен в себе, если спокоен. Главное, чтобы не волновались... Ну, предлагай!

Он не приказывает и ничего не советует своему заместителю. Мудрый и опытный командир ждет, когда Глебов выберет сам и предложит то, на что способен.

- Может, пройти пониже и что-то крутнуть? - предлагает Глебов.

- А кто увидит тебя в темноте?

- Можно включить бортовые огни.

- Это другое дело. А если поблизости окажется ямессершмитт"? Впрочем, посмотрим. Я разрешу тебе сделать бочку, если в нашем районе будет спокойно.

До чего же все-таки мудр, предусмотрителен Писанко. Не успел я поделиться своими мыслями о причине глебовской вольности, а Бочаров уже нас вдохновляет:

- Видите! Черт-то не так уж и страшен...

И Ганя шутит:

- Ты кого за черта считаешь? МиГ-3?

- При чем здесь МиГ-3? Ночь! - говорит Бочаров и сразу предупреждает нас: - Подумайте вот о чем, братцы, - о выхлопе. Он прямо перед глазами и будет мешать при взлете.

Иду к своему самолету. Меня встречает Аникин, докладывает: "Самолет к полету готов". Сажусь в кабину. Темно, ни приборов, ни тумблеров не видно! Надо включить бортовую сеть, огни подсвета кабины. Неожиданно чувствую, что на память, в темноте, не смогу этого сделать. А днем я включал все не глядя. Аникин встает на крыло, помогает.

Включаю тумблер электрической сети. Справа и слева на шарнирах установлены два фонаря. Направляю их на приборную доску, до отказа поворачиваю реостаты накала, однако фонари не включаются.

- Подожди, еще не прогрелась лампа, - поясняет Иван.

Свет загорается внезапно и ослепительно, пространство вокруг самолета и небо мгновенно становятся черными. С таким светом лететь, конечно, нельзя. Вращая реостат влево, уменьшаю накал до слабого полумрака в кабине. Больше, пожалуй, не следует. Подсветку можно считать отрегулированной. Смотреть в кабину больше не надо.

- Будем привыкать к темноте - говорю Аникину и, включив бортовую сеть, переношу взгляд на летное поле. Черная тьма отступает, по мере адаптации зрения небо снова становится серым, земля темной, снова видны самолеты - вся наше стоянка. Небо на западе темно-багрового цвета - горит, очевидно, Яропolец. Пожар будет ориентиром при взлете.

- От винта! - слышится неподалеку.

Это Томилин.

За ним - Шевчук.

Голос третьего летчика тонет в гуле моторов. Но я уже знаю, третий - это Максимов. Через две-три минуты "миги" порулили на старт. И опять с ревом и грохотом над землей понеслась голубая стрела. За ней вторая, третья. После отрыва летчики включили бортовые огни. Значит, в небе спокойно, и командир полка разрешил это сделать, чтобы звено побыстрее собралось. Да и не только для этого - в темноте немудрено и столкнуться.

Собравшись, звено проплывает над ним и, снова выключив бортовые огни, пропадает во тьме.

- Аникин! - кричит кто-то от машины Ильи Бочарова, - командир вызывает.

Слышу удаляющийся топот Ивана. Наверное, Бочаров мне

что-то хочет сказать. И верно. Через минуту техник вернулся.

- Командир, передаю распоряжение Писанко: после первого разворота каждому включить бортовые огни. После сбора над точкой выключить.

Все ясно. Здесь летаем с огнями, чтобы легче собраться, над аэродромом посадки - чтоб не столкнуться, по маршруту идем без огней, чтобы не обнаружить себя, избежать встречи с Ме-110. Трудно ли сбить освещенную цель!

- От винта! - командует Бочаров.

Слышу рокот мотора. Аникин рядом со мной, на крыле.

- Запускай, командир, все готово.

Мотор заработал, мягкий свет падает на приборную доску. Включаю бортовые огни, из кабины мне их не видно, но я вижу освещенную под плоскостью землю, справа зеленым светом, слева - красным. Прямо перед глазами - яркие вспышки выхлопа из мотора. Огонь очень мешает. Как же я буду взлетать?

Бочаров порулил на старт. Я должен идти за ним, а у меня еще не прогрет мотор. Плавно вывожу обороты, и пламя перед глазами уменьшается. Сразу созревает мысль: взлетать надо не как обычно, увеличивая газ в процессе разбега, а с тормозов, предварительно выведя обороты хотя бы до средних.

Рулим на взлетную полосу. Бочаров впереди, я - слева. Ганя Хозяинов справа. По очереди докладываем ведущему о готовности.

- Понял обоих, взлетаю, - говорит Бочаров.

Самолет трогается с места, быстро набирает скорость, пропадает во тьме.

Пора. Пальцами правой руки нажимаю на тормозной рычаг, расположенный здесь же, на ручке управления самолетом. Вывожу обороты мотора. Пламя, вспыхнув перед глазами, становится меньше. Можно взлетать. Отпускаю тормоз, чувствую, как самолет тронулся с места, побежал, стремительно набирая скорость. Чувствую, но не вижу. Перед глазами нет привычного, как днем, бега земли.

Однако думать об этом незачем, ничего страшного в этом, конечно, нет, только необычно. Но сегодня столько необычного, что предусмотреть и осмыслить все нет никакой возможности. Надо все принимать, как есть.

Слева по борту - горящий Ярополец. Плавно подаю ручку вперед, нос самолета слегка опускается, капот виден на фоне пожара. Чувствую, как колеса начинают биться о грунт, машина вот-вот отойдет от земли. Плавным, едва уловимым движением ручки поднимаю нос самолета, и... мы уже в воздухе - я и мой "миг".

Главное теперь - подальше отойти от земли. Иду две-три секунды. Сняв левую руку с сектора газа, осторожно, не глядя в кабину, нахожу кран управления шасси, перевожу его из нейтрального положения в верхнее. По легкому "вспуханию" самолета чувствую - шасси убрались. Теперь обратно - в нейтральное, слышу как шипит стравливаемый из системы воздух. Все нормально. Осторожно, так же на ощупь включаю тумблер бортовых АНО - аэронавигационных огней.

Теперь надо искать Бочарова. Вижу: он слева, значит первый разворот уже выполнил. Сам себе задаю вопрос: почему я начал искать его именно слева, а не впереди? К своему удивлению, вспоминаю, как во время уборки шасси услышал по радио: "Выполняю первый..." Значит, я настолько был напряжен, что информацию воспринял только на слух. Но где-то в уголке сознания она зацепилась и теперь всплыла.

Нажимаю на кнопку радиопередатчика:

- Ганя, выполняю первый. Как понял?

Молчит как рыба. Смеюсь, представляя, как в эту минуту парится мой товарищ. Проходит какое-то время, в наушниках раздается его сипловатый голос:

- Ты первый выполнил? Или нет?

- Выполнил, - отвечаю.

Догоняю Бочарова, пристраиваюсь, как и было указано, слева. Не сразу пристроился, один раз слегка проскочил. Зато сразу же вспомнил, что говорил командир: расстояние до светящейся точки определить не легко. И верно, далекий, но хорошо освещенный предмет можно принять за близкий. И наоборот. Вспоминаю, как Кохан пытался однажды догнать звезду: принял ее за выхлоп из патрубков "юнкерса". Гнался от Истры до Ржева. Хорошо, что глянул в кабину: прибор расхода горючего напомнил ему о доме. А то бы летел до линии фронта.

Одним словом, каждая ошибка - это наука. Проходит минута, и вот уже я в строю, дожидаюсь, пока пристроится Ганя. Жду молча, как и положено ждать всем подчиненным. Но командиры молча не ждут. Бочарову, наверное, кажется, что Ганя действует медленно, не так как должно, и он задает вопрос, обычный и вроде бы совсем не обидный:

- Чего ты копаешься?

Но Ганя обиделся. Потому что это, безусловно, услышал и "батя". Вдруг он подумает, что Хозяинов летчик слабый и, действительно, чего-то не может сделать. Ганя сразу вскипел: "Ах, так! Ну погоди!..." И совершенно спокойно ответил:

- Я сейчас. Вот только бочку крутну...

Зато Бочаров воспринял это не очень спокойно. Первое, что я услышал Бочаров заикнулся. Очевидно, что-то хотел сказать, но не смог. Вполне его понимаю... Бочку? На такой высоте! Ночью! Когда самолет еще не освоен. Это равносильно самоубийству. И не где-то, а именно в его звене.

Бочаров мгновенно сообразил, что все решают секунды. И слово, произнесенное в эти секунды. Но язык вдруг будто присох, а на ум не идет ничего, кроме официального "запрещаю"... А надо что-то другое. Короткое, хлесткое, эмоциональное. Чтобы оно подчинило, ошеломило, чтобы оно парализовало желание Гани сделать "ЧП".

И Бочаров нашел это слово. Даже несколько слов. И надо сказать, не зря. Он еще не закончил свой монолог, как Ганя стоял в строю.

Бочаров, разумеется, переживал. И клял своего ведомого до конечного пункта маршрута. Клял молча, а после посадки и вслух. Но это не вернуло ему душевного покоя.

- Что теперь скажет "батя?" - сокрушался Илья после полета. - Что обо мне подумает?

Ганя успокоил его.

- Ты понимаешь, после твоей команды я понял, что соленое словцо ясно, понятно и, что самое главное, не поддается расшифровке для противника. А это новое. Уверен, "батя" отметит тебя как открывателя.

Мы поддержали Ганю: я, Шевчук и Томилин. А Стунжас неуверенно предположил, что командир, возможно, не вспомнит. Но он вспомнил. Вернувшись после беседы с глазу на глаз, Илья удрученно сказал, что командир Ганю не поддержал...

Итак, Ганя в строю. Проходим над точкой, выключаем бортовые огни. Уходим. Прости нас Волоколамск и деревня Алферьево. Мы не совсем улетаем, мы еще вернемся.

При подходе к Теряево погода заметно ухудшилась; попадаем в полосу снега. Идем со снижением. Вот и озера. Их, конечно, не видно, лишь монастырь, будто одетый в саван, проплывает серым пятном. Но шоссе просматривается неплохо. Мы идем, стараясь его не терять - оно доведет до конечного пункта маршрута.

Постепенно погода становится лучше, в облаках появляются окна, мерцают звезды. Можно больше не волноваться: всю дорогу боялся, что Клин будет закрыт снегопадом.

Выходим на точку. Под нами посадочный знак, обозначенный фонарями "летучая мышь". Бочаров включает бортовые огни, мигает. Это сигнал для меня: "перейди на правую сторону строя". Выполняю. Под нами аэродром. Слева светлеет полоска шоссе.

- Отваливаю, - говорит Бочаров и уносится влево.

Через десять секунд повторяю его маневр. Подходя к третьему развороту, выпускаю шасси. Вижу луч света прожектора, вырвавший из темноты кусок взлетно-посадочной. Туда планирует Бочаров. После четвертого - выпускаю щитки-закрылки, направляю нос самолета в начало светлой полоски. Чувствую, что одного прожектора мало. Хотя бы еще один. О трех даже не думаю, хотя и знаю, что положено три.

"Положено"... так, наверное, не думал старший лейтенант Курышев, командир эскадрильи 121-го полка. Это было в середине августа. Ночью, выполнив боевое задание, он пришел на посадку. Ему сообщили: "Подожди... В районе аэродрома ходит Ме-110". Это был истребитель-бомбардировщик. Маскируясь темнотой, они подстерегали заходящие на посадку машины. Зная повадки фашистов и видя, что горючее подходит к концу, Курышев решил идти на соседнюю точку - к нам. На подходе попросил обозначить место посадки. Ему сказали: "Не можем, над точкой ходит Ме-110". И Курышев, видевший наш аэродром

только, с воздуха и только днем, отважился сесть в темноте. И сел с ходу, не выполнив даже круга, потому что кончалось горючее, а бросать самолет не хотел.

Я сам слышал эту посадку. Не видел, а именно слышал. Время было около полуночи, мы с Федей лежали, слушая вой "мессершмитта". Он то приближался, то пропадал совсем. Фашист, вероятно, не знал точное место аэродрома. И вдруг, когда его не было слышно, неожиданно раздался визг. Пронзительный, раздирающий душу. Мы выскочили из домика. Визг доносился не сверху, а со взлетно-посадочной. Но вот он затих, и мы услышали тихий рокот мотора. Он медленно приближался - самолет рулил к нам на стоянку.

- Летчик, наверное, сжег тормоза, - сказал Федя, - но это пустяк. Вдумайся в суть: человек сел в темноте. Вот это летчик!

Вспомнив ту ночь, я успокоился. И даже подумал, что прожектор совсем ни к чему, что зря приучают нас к барству, и что мне, пожалуй, достаточно "Т", изображенного фонарями "летучая мышь".

Все идет хорошо. Снижаюсь. Уточняю расчет с помощью оборотов мотора. Подойдя к освещенному месту, вывожу самолет из угла планирования. Нет, луч все-таки нужен, иначе можно врезаться в землю. Вхожу в полосу света. "Вхожу" это значит врываюсь на скорости порядка сто пятьдесят километров...

А вот этого я не ждал... Яркий, как молния, луч, секущий слева направо взлетно-посадочную, бьет в крутящийся винт, вспыхивает, отражается, и - прямо в глаза. Кажется, сейчас ударюсь о землю... Но я пересилил себя, поборол почти инстинктивное - дернуть ручку, уйти от земли. Вспомнил, что самолет из угла уже выведен, что несусь параллельно земле на высоте чуть более метра и что мне необходимо ее увидеть. И вижу. Впереди и чуть слева - в пространстве между левым крылом самолета и сверкающим диском винта. Вот она приближается... Самолет мягко касается грунта, бежит, замедляя движение.

Утром прилетел командир полка. Он и начальник штаба капитан Топтыгин возглавили оборону аэродрома на случай внезапного нападения. Техники, оружейники, мотористы всю ночь пролежали в окопах, ожидая врага. За это время авиационная база сумела вывезти боеприпасы, горючее и смазочные материалы, оборудование.

Командир стоит перед строем, говорит, немного волнуясь:

- Товарищи летчики! Вы превзошли мои ожидания. Полк, не подготовленный к ночной работе, совершил перелет на другую точку, не допустив при этом даже грубой посадки. Высокий моральный дух, высокое чувство ответственности - вот причины

смелости, организованности и мастерства... Друзья, спасибо вам!

Как только командир отпустил нас, Бочаров сказал мне:

- При посадке ты допустил очень большую ошибку.

Я удивился и даже хотел обидеться. Я же так мягко сел. Но если командир говорит об ошибке, то значит, она была.

- Какую же? - спрашиваю командира звена.

- Ты рано вывел самолет из угла. До входа в луч. В темноте.

- Ну и что?

- Как это "что"? - говорит Бочаров. - Выравнивать машину надо в луче. Иначе, не видя земли, можно столкнуться с ней под углом. Понял?

- Понял. Учту... А вообще-то, как у меня посадка?

Хочется, чтобы командир похвалил меня. Он только пожал плечами:

- Откуда я знаю? Ты же садился сразу за мной. Об ошибке мне Глебов сказал.

- Все ясно. А ты как сел?

- Так же, как ты, - говорит Илья.

- Плохо...

- Что значит, "плохо"? Ты разве не слышал, что сказал командир? - смеется Илья. - "Вы превзошли мои ожидания". - Илья помолчал и добавил: - Наш перелет сюда, это экзамен на зрелость, и мы его выдержали.

Клинская эпопея

Наша стоянка занимает юго-западный угол аэродрома. Здесь же, рядом с машинами, небольшая землянка. Не особенно в ней уютно, но ничего, терпимо. Окошко мы забили куском фанеры, Ганя раздобыл "летучую мышь", а Бочаров "буржуйку", старенькую, с отбитой ножкой печку, и теперь она полыхает, давая тепло.

Вся эскадрилья в сборе, нет только Томилина - его вызвал командир полка. И нет Акимцева - с утра ушел на стоянку к механикам и техникам.

Вот и Томилин. Слышно, как он подошел к землянке, остановился, с кем-то разговаривает. Скрипят ступеньки.

- Извини, тороплюсь.

Открывается дверь. Вошел. Одним взглядом окинул всех. Летчики в сборе.

- Будем нести боевое дежурство. Два экипажа. Место - стоянка Демидова.

Демидов - это командир 27-го полка. Боевой, энергичный. И очень сильный летчик. Он здесь хозяин, у него есть и штаб, и командный пункт, и связь с Москвой. У нас ничего нет, кроме

машин и летчиков. Мы - гости.

Томилин глядит на пилотов. Кого посылать? Если бы простые условия, можно любого, но погода плохая: облачность низкая, временами идет снег. Некого. Но приказ есть приказ. Смотрит на Стунжаса.

- Придется тебе, Ульяныч. И тебе, Малолетко.

- Есть! - сказал Николай Ульянович и, козырнув, вышел на улицу.

...Привалившись спиной к досчатой стене землянки, летчик устало вытянул ноги и задумчиво глядит на огонь в печке. Пришел он с полчаса назад. Спокойный, медлительный, потоптавшись у двери, поздоровался неторопливым басом, попросил разрешения позвонить на командный пункт.

- Товарищ дежурный, - не спеша, коротко доложил он, - лейтенант Калабушкин. Прибыл из Лимок. Сел после воздушного боя вместе с напарником. Один самолет неисправен. Вылетим по готовности. Скоро.

Иван Калабушкин... Имя знакомое. Уже не раз о нем писала наша газета "За храбрость". И даже был очерк.

- Садись, лейтенант, обогрейся, пока есть время, - приглашает его Шевчук. - Расскажи...

Летчик благодарно кивает, садится около печки на самолетный чехол.

Вместе с товарищем он был в разведке. Ходили в район Волоколамска Яропольца. Возвращались по дороге на Клин, забитой беженцами, увидели Ме-110. Истребитель-бомбардировщик штурмовал дорогу...

Минут пять назад летчик закончил недлинный рассказ и молчит. Мы тоже молчим. Думаем. В ушах и сердце неторопливый, жесткий, негодующий бас:

- Это надо увидеть, товарищи. Иначе трудно поверить. Старики, женщины, дети... Кто на телеге, кто сам тележку тянет. Вся дорога забита. А "мессер" заходит, пикирует. Будто на полигоне. И бьет, бьет.

Горючего у наших истребителей было в обрез, но они не оставили "мессершмитта" безнаказанным, завалили его возле самой дороги на глазах у людей. Дрался фашист отчаянно. Он положил машину в крутой вираж, и стрелок ожесточенно оборонялся, пока наконец, не умолк, получив хорошую порцию свинца.

Наши могли бы разделаться с ним без особой возни, но ведущий, человек осторожный, сказал: "Давай без горячки". И ведомый понял его как надо: нельзя, чтобы немец на глазах советских людей подбил или сбил советского летчика.

Уничтожив врага, они пронеслись над обочиной шоссейной дороги, и люди приветственно махали им шапками. Это было приятно.

Однако без последствий не обошлось: на самолете ведомого фашист повредил маслосистему, и пара завернула на нашу "точку". Ведомый сейчас копается вместе с техником у машины, а ведущий зашел позвонить.

- Знаете, что меня беспокоит? - нарушает молчание летчик. - Мы сбили фашиста, но ведь он не единственный. Дорогу может штурмовать и другой, и третий. Любой пролетающий мимо.

Летчик подтянул к себе ногу, локтем уперся в колено, ладонью прикрыл глаза. С минуту молчит. Неожиданно встрепенувшись, пружинисто поднимается с пола.

- Идея, ребята! Дорогу-то можно прикрыть. Это же рядом с вами. Возьмитесь... Это же доброе дело. Поговорите со своим командиром...

На улице послышался шум, дверь распахнулась, техник Анисин крикнул:

- Разведчик! Летит разведчик!

Мы выскочили из землянки в мгновение ока. Справа, на высоте около трехсот метров, между аэродромом и Ленинградским шоссе нахально шел "юнкерс". Трудно сказать, какую цель ставил перед собой его экипаж. Бомбардировщик шел по направлению к станции. Возможно намеревался ее бомбить, а может быть, сфотографировать, выяснить интенсивность наших перевозок. Вполне очевидным было: аэродром фашиста не привлекал, а может, он его и не видел. Иначе бы не шел так беспечно, на самом виду у истребителей.

С той стороны, взметнув снежную пыль, начал взлетать истребитель. Это был МиГ-3. После отрыва летчик выдержал самолет у земли, набирая скорость. Пронесшись над нами, бросил машину в крен, уверенно развернулся и, не теряя времени на набор ненужной ему сейчас высоты, сразу устремился в погоню.

- Молодец, - одобрил Ганя и по-дружески "ковырнул" Бочарова, - Илья Иванович сделал бы сейчас по-другому: обеспечив себя высотой, предложил бы противнику бой на горизонтальном маневре...

Опасливо покосившись на своего командира звена, Ганя на всякий случай отодвинулся метра на три, одобрительно продолжая:

- Потом, вернувшись с победой, преподнес бы нам сравнительные характеристики "мига" и "юнкерса". Аналитический ум! - воскликнул Ганя и притворно вздохнув, добавил: - У каждого свои недостатки...

Бочаров пропустил это мимо ушей: момент был напряженным. "Юнкерс" подходил к станции, мог в любую минуту ударить по ней и уйти в облака, а "миг", уже едва различимый, по-прежнему шел над домами. Можно было подумать, будто на самолете что-то неладно, что летчик не может набрать высоту, опасаясь отстать, потерять самолет противника.

- Что-то случилось, ребята, - взволнованно произнес Бочаров, и в ту же секунду истребитель быстро пошел в набор, подбираясь к хвосту фашистского самолета.

Звук стрельбы до нас не дошел, но мы увидели, как "юнкерс" кренясь, неуклюже пошел к земле, скрылся за крышами, будто свалился в воду: ни взрыва, ни дыма. Но в том, что он упал, сомневаться не приходилось: МиГ-3 кружил над тем местом.

- Смотрит, как лучше туда проехать, - пояснил Ганя Хозяинов и, переделав на новый манер известную фразу, позавидовал: - Взлетел, догнал и победил! Вот это летчик! Перед таким хочется встать и снять шляпу...

А летчик, будто чувствуя, что о нем сейчас говорят, быстро приближался к аэродрому. Промчавшись над городом бреющим, выскочил к рощице, где стояли дежурные экипажи, и, довернувшись немного влево, понесся над взлетно-посадочной.

Обычно свое торжество пилоты выражают боевым разворотом или уходом ввысь по прямой. Но над "точкой" нависла низкая облачность, и когда самолет начал крениться влево, мы беспокойно переглянулись: летчик мог влететь в облака, и это грозило ему потерей пространственной ориентировки.

Но он не пошел в разворот. Все больше и больше кренясь, машина легла на крыло вертикально, затем, все так же плавно вращаясь вокруг продольной оси, опрокинулась на "лопатки". Кто-то из летчиков ахнул, представив, как сейчас опустится нос и самолет врежется в землю. Однако ничего не случилось. Продолжая плавное вращение, истребитель снова лег на крыло, теперь уже на другое, и вышел в горизонтальный полет.

- Вот это бочка! - воскликнул Хозяинов.

Это была классическая по мастерству выполнения бочка. Не обычная, штопорная, которую мы выполняли в зоне, имея под собой запас высоты в три тысячи метров, а замедленная, управляемая. За это время самолет пролетел не менее километра, и летчик дважды лежал на боку, висел на ремнях вниз головой, причем у самой земли. Незначительная ошибка в технике пилотирования могла кончиться плохо.

- Почерк, конечно, не наш, - констатировал Ганя

Хозяинов, восхищаясь мастерством и безграничной отвагой пилота. А тот, закончив фигуру, снова накренил самолет и,

плавно забирая вверх, пошел к третьему развороту.

- Братцы! - не унимался Хозяинов. - Где еще можно такое увидеть! Какая пластика! Балет, честное слово, балет! А как он фашиста срубил! Братцы, да такому не только я, сам бог позавидует! Уверен, это подполковник Демидов.

Хозяинов метнулся к землянке:

- Я сейчас позвоню, ребята, узнаю. Чувствует сердце мое: Демидов.

Возбужденный, он забыл закрыть за собой дверь, и было слышно, как он крутил ручку полевого аппарата, дул в трубку, кричал:

- Девушка! Дайте дежурное звено!

И пока ему "давали звено", нетерпеливо барабанил пальцами по чему-то звонкому, наверное, по фанере, на которой стоял аппарат. На том конце взяли трубку, и Хозяинов громко спросил:

- Малолетко? Иван, ты не знаешь, кто так здорово расправился с "юнкерсом"?

Ему ответили. Хозяинов тихо положил трубку, ничего не спросил, ничего не сказал и так же тихо вышел наружу.

- Я ошибся, товарищи. "Юнкерса" сбил не Демидов...

- Да не тяни!... Фамилия летчика? - нетерпеливо спросил Бочаров. - В 27-м полку есть мои однокашники...

И Хозяинов ответил:

- Стунжас! Николай Ульянович Стунжас. Не верите? Честное слово!

Мы верили.

Спустя полчаса после посадки Стунжаса в землянку зашел командир полка. Прямо со ступенек сказал:

- Здорово, орлы! Говорят, что Стунжас сработал классически!.. Жаль, не видел!..

Жалко, конечно, что "батя" не видел, но что поделаешь, он даже не знал о вылете. Такова сейчас обстановка. На аэродроме собралось много полков. Таких же, как наш, ушедших из-под удара. Все несут боевое дежурство, выделяют по паре машин в помощь 27-му полку. Их поднимают в воздух, сажают. Оперативный дежурный сообщает в полки только в случае встречи с противником.

Так он сообщил и о вылете Стунжаса.

- Жаль, не видел, - негромко повторяет Писанко.

Но мы уже знаем нашего "батю". Не это удручает его, по глазам видим: сейчас сообщит что-то тревожное. И точно. Обвел всех взглядом, достал из кармана карту.

- Наши войска покидают Калинин...

На Тургиново вышла колонна фашистских мотомехвойск.

Будем ее штурмовать. Предварительно надо слетать на разведку: уточнить, где она находится, определить лучшее место для удара.

Писанко назначает разведчика-лейтенанта Томилина. Напарника разрешает выбрать на свое усмотрение.

- Товарищ командир, может, меня? - просит Максимов, когда Писанко скрылся за дверью.

Смеюсь, вспоминав конфликты Томилина и "старшины". И тот, довоенный, когда Томилин "посадил на место" Максимова. И тот недавний, в Алферьево, когда мы, молодые, высказали соображение (какая дерзость!) о вооружении МиГ-3 "эрэсами". И последний, совсем еще свежий - неудачный бой с "юнкерсом", когда Серёжа вернулся с вынужденной - грязный, промокший до нитки, злой до предела Томилин долго его "изучал" с головы до ног и наконец произнес:

- Ты знаешь, что сказал однажды один из классиков при встрече с первым авиатором Уточкиным?

Сережа насторожился.

- Он сказал, что лучше бы люди учились хорошо жить на земле, чем плохо летать в воздухе...

Томилин ушел, оставив Сережу в таком состоянии, когда он вот-вот укусит рядом стоящего.

Но Ганя успокоил его:

- Не надо сердиться, Сережа. Это не его слова. Это сказал комиссар и совсем по другому поводу.

И Максимов оттаял. У него очень хороший характер. С таким характером обычно живут припеваючи. Он прост, независтлив, не помнит зла. На его месте я бы Томилину не простил, в смысле не забыл бы обиды. И никогда не обратился бы с просьбой.

Так я думаю в эту минуту, глядя на Сережу Максимова, слушая, как просит он, умоляет. И в душе ругаю его. Но пройдет какое-то время, и все мы, только в разные сроки, побудем в роли "просящих и жаждущих". И Ганя, и я, и Илья Бочаров и даже Толя Шевчук, заместитель и друг комэска.

Томилин будет на нас кричать, поучать, требовать. Мы будем сердиться, будем давать себе слово никогда не прощать и никогда ни о чем его не просить. Но ... это лишь в те минуты. А в другие, чуть позже, когда Томилину надо будет лететь на задание, и только вдвоем, каждый будет надеяться и каждый будет просить. И особенно в тот момент, когда надо идти в самое пекло.

Но почему?

Потому что из Томилина в самое ближайшее время выйдет отличный разведчик. Умный и зоркий. И такой же ведущий - хитрый, смелый, находчивый. И каждый будет считать за честь летать с ним.

Потом я увижу, что это будет касаться не только Томилина - любого командира звена, если ему надо идти на задание в паре. Его тоже будут просить...

И дальше, по мере развития событий, я стану свидетелем еще более важных и интересных фактов.

Вот первый. Мы соберемся в штабе, придет командир полка и, глядя на карту, скажет:

- В лесу у Павло-Лужатска сосредоточилась мотопехота. Надо по ней ударить. Вылетать группой не позволяет погода. Надо идти одному и только на "Чайке". Придется искать, по кустам лазить. Задача трудна и опасна. Нужны добровольцы.

Дав людям подумать, Писанко спросит:

- Желающий?

Желающими будут все летчики. И те, кто летает на "мигах". Но командир назначит лишь одного: Петра Дядика. Он улетит, а мы будем глядеть на погоду и ждать. Он не вернется, погибнет. Узнав об этом, Писанко скажет:

- Задача не отменяется...

И желающими снова окажутся все.

Факт второй. Это уже в Москве, когда мы будем работать с Центрального аэродрома. Командир эскадрильи (неважно какой) скажет командиру полка:

- Сердечный конфликт. Два летчика влюбились в одну. Враждуют серьезно. Что делать?

- Сведи их в пару, - подскажет Писанко, - и конфликт будет исчерпан.

И верно. Так и будет.

В чем же здесь дело? Почему, когда разговор идет о полетах, все мы отходчивы, согласны, не помним обид? И не только мы, истребители эскадрильи Томилина. И полка. И других полков. И те, что воевали до Великой Отечественной - в Испании, Монголии, Финляндии. Я узнаю потом о многих. Почему?

Прежде всего, это любовь к небу, к своему делу. Летчик всегда хочет летать. Если в мирных условиях он сказал, что "налетался досыта", значит, до предела усталости, но отнюдь не желания. Такого предела нет.

А в военных условиях? Когда летчик дерется с врагом за Родину? Особенно в тот момент, когда она в беде, когда над ней нависла опасность? Каждый полет это боевая учеба. В каждом полете обретается опыт, драгоценные знания, а это для дела самое главное: чем больше знаешь, чем лучше владеешь машиной, тем умнее дерешься с врагом. И чем сильнее, чем опытнее командир пары, звена, эскадрильи, с которым придется летать, тем лучше, тем больше и скорее чему-то научишься.

И последнее. Полеты, особенности летной работы сами по себе благотворно влияют на человека: воспитывают его, если хотите, облагораживают. Мне, летчику, об этом говорить неудобно, да и нет в этом особой необходимости. Лучше, чем русский писатель А. И. Куприн, не скажешь. "Я люблю их общество... - говорил он о летчиках. - Постоянный риск... Любимый и опасный труд на свежем воздухе, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота - все это как бы выжигает, вытравляет из души настоящего летчика обычные низменные чувства - зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь - ив ней остается чистое золото".

- Товарищ командир, - просит Максимов, - возьмите в разведку меня.

В голосе и глазах Сережи не просьба - мольба. Но Томилин молчит и я не выдерживаю. Вроде бы шутя, прошу:

- Возьмите его... Мне сегодня приснилось, что вы удачно слетали.

Вру, конечно, ничего мне не снилось, но Томилин вдруг соглашается:

- Ладно. Возьму. - И не то пошутил, не то серьезно; - Из вашего звена я бы взял только Стунжаса: он заслужил. Но ничего, тебе тоже надо вину искупать...

Однако вылет в составе пары не состоялся. Начался снегопад, не особенно пока интенсивный, но грозящий усилиться, и Томилин решил лететь без напарника - так, пожалуй, лучше. Не надо ни о ком беспокоиться, волноваться. И вообще для разведчика нужда - в напарнике бывает только в простых погодных условиях, когда одному надо больше смотреть за землей, а другому за воздухом.

Томилин взлетел, прошел по кругу, лег на курс, параллельный шоссе и железной дороге.

- Куда он пошел? - говорит Максимов. - Он должен идти левее.

- Соображать надо, Сергей, - шутит Илья, - поэтому Томилин один и пошел. Кто же выходит на цель с прямой? Из-за угла надо, со стороны, откуда противник меньше всего ожидает.

- А как бы ты поступил? - говорит Шевчук. Бочаров отвечает:

- Так же, как и Томилин. Зашел бы за Московское море, примерно до Редькино, и с курсом на юго-запад выскочил на Тургиново.

Тургиново... Деревушка на западной окраине Московского

моря. Это же рядом - от Клина - пятьдесят километров. Семь-восемь минут полета. Железным полукольцом фашисты охватили Москву. Наши войска дерутся с врагом около Тулы; Можайск, Юхнов, Мосальск заняты немцами. Вчера, 13 октября, наши оставили Вязьму, сегодня уйдут из Калинина. Гитлеровцы, что вышли в район Московского моря, рвутся к дороге Москва - Ленинград, часть повернет на Клин, часть, очевидно, пойдет на Дмитров, пересечет канал.

Так мы рассуждаем, понимая намерения гитлеровцев.

- И все-таки мы разобьем фашистов. Уверен, братцы! И дойдем до Берлина. Дойдем обязательно! - восклицает Ганя Хозяинов.

- Не мы, так другие дойдут, - добавляет Шевчук, - нас могут оставить здесь, на обороне Москвы.

- Братцы, скоро должен прилететь командир, - Бочаров беспокойно глядит на небо, - а погода...

Рассуждая, не заметили, как пролетело время, а главное, как усилился снег, резко сократилась видимость. В такую погоду, пожалуй, и аэродром не найдешь. Молчим, прислушиваясь.

В безмолвной тишине кружатся и медленно падают крупные хлопья снега. Красота неописуемая, но нам сейчас не до этого. Где-то там, наверху, наш командир, и тревога за него растет с каждой минутой. До запасного аэродрома под Химками 65 километров... Можно еще дотянуть, если Томилин сразу пойдет туда, но знает ли он, что здесь такая погода? Скорее всего, не знает.

В тишине послышался звук мотора. С севера. Слышно, идет сюда. Точно, это Томилин. Невидимый с земли самолет проходит над стартом, довернулся вправо, пошел в направлении города - к третьему развороту. Там затих - далеко, не слышно.

- Неужели пойдет на посадку? - промолвил Шевчук. На него сразу зашикали, забыв, что он замкомэска, и он замолчал, уставившись в белую тьму.

Проходит минута, другая. Представляю, как Томилин выполнил третий разворот, направил машину к четвертому. Выполнил и его, убирает обороты мотора, неслышно планирует... Тишину разрывает рокот мотора. Шевчук облегченно вздыхает:

- Догадался... На второй круг пошел.

Невидимый самолет проходит над нами. Делает разворот, снова удаляется к городу. Там неслышный, ненаблюдаемый, строит маршрут, идет на посадку... И снова тишину разрывает рокот мотора. Самолет проходит над нами, все дальше и дальше отдаляясь. Проходит минута и, вдруг - тишина, леденящая мозг. И... свист. Нарастающий с каждой секундой, рвущий сердца

стоящих внизу людей.

Кажется, от взрыва колыхнулась земля.

- Все... - выдохнул кто-то из летчиков, а Ганя, не выдержал: - Еще один...

- Замолчи! - внезапно заорал Шевчук, бешено сверкая глазами. И Ганя сразу умолк, съежился, будто побитый, а Шевчук ненавидяще прошипел: - Черт!.. Без тебя тошно.

Но Томилин остался жив. Убедившись, что сесть невозможно, он покинул самолет с парашютом. Предварительно перекрыл бензосистему, выключил зажигание и, направив машину в лес, выпрыгнул. Он действовал методически правильно, по инструкции. Правда, прыгать ему приказал командир полка, а потом он действовал сам. Часа через два, опираясь на палку, прихромал домой.

Действительно, он делал все так, как говорил Илья Бочаров. Пройдя Московское море, развернулся на юго-запад, со снижением, на огромной скорости неожиданно выскочил к деревне Тургиново. Колонна подходила к ней с запада, по северному берегу Шоши.

Развернувшись, бреющим понесся над трактом Тургиново - Калинин. От Калинина - в сторону Старицы, И везде, где бы ни шел - фашисты. Колонны автомашин, бронемашин, мотоциклов. Идут, соблюдая большие дистанции предосторожность на случай налета штурмовиков и бомбардировщиков.

Возвращаясь обратно, Томилин увидел, что головные машины остались на прежнем месте, на подходе к Тургиново. Сделал вывод, что колонна шла быстрым маршем, растянулась, и теперь собирается.

Намерения немцев ясны - пересечь Шошу и Ламу, выйти на южный берег Московского моря к шоссе Москва - Ленинград, оседлать его, встретить и потопить здесь наши войска, уходящие от Калинина.

- Ничего не скажешь, умно, - говорит командир полка. - И страшно. Попробуем им помешать. Вот только погода...

С рассвета загудели моторы. Поднимаются "Чайки", строятся в боевой порядок. Наша эскадрилья взлетает в последнюю очередь.

Идем вдоль железной дороги Москва - Ленинград. Впереди одна за другой две эскадрильи "Чаек" - ударная группа. Сзади и выше - группа прикрытия - мы на самолетах МиГ-3. Только таким путем можно прикрыть заднюю полусферу ударной группы от возможных атак вражеских истребителей. За переднюю мы не боимся "мессеры" на огонь не полезут.

Скорость "мига" значительно больше, поэтому ходим

"змейкой". Если бы "Чайки" держали скорость побольше, а мы бы свою уменьшили, можно идти по прямой, экономить горючее. Так и хотели договориться наши комэски, да спасибо "батя" об этом узнал.

- Ты, голубчик, в тылу или на фронте находишься? - сурово спросил он Томилина, и наш командир промолчал. Только побагровел - на себя разозлился. А "батя" продолжал: - Скорость для группы прикрытия - прежде всего. Имеешь скорость - имеешь свободу маневра. Маневр плюс огонь - победа.

Группу прикрытия временно возглавляет Шевчук. Томилин, сразу же после взлета ушел на Тургиново. На доразведку цели. Не будут же фашисты нас дожидаться со вчерашнего дня. Наверное, продвинулись дальше. Может, и ночью шли. Определив место удара, Томилин поведет нас на цель. Вот, наконец, и мы приступили к настоящему делу. А то все "Чайки" да "Чайки"! Летают, штурмуют. Говорят, что многих представили к боевым орденам. За дело, конечно, представили. Но разве мы не могли бы ходить на штурмовки? Могли. Идем же. Правда, у нас еще слабовато оружие, но и мы скоро получим "эрэсы".

Вот и Томилин. Появился на встречном курсе. Пронесся левее общего строя, развернулся и, сразу настигнув ведущую группу, вышел вперед. Продолжаем полет параллельно шоссе. Выходим на траверз станции Новозавидовский.

- Влево, за мной, - командует Виктор Матвеевич. Силен Томилин. Меньше года назад был инструктором в авиашколе. Полгода - командиром звена. И уже командир эскадрильи. Впрочем, дело не в должности, а в том, как у него получается. А получается здорово, и все это видят, и мы, летчики, и командир полка. Потому и доверяет ему. Возьмем для примера переучивание на новую технику. Ведь это обязанность Глебова - провезти нас на "спарке", разрешить самостоятельный вылет на новой машине. Но командир эскадрильи был занят другим - летал и дежурил ночью, - Писанко доверил это большое дело Томилину, командиру звена, и Томилин отлично справился.

Вот и сейчас, Виктор Матвеевич летит впереди боевого порядка. А к самолету пришел, опираясь на палку. Бабченко, наш военврач, еще вчера попытался отстранить его от полетов.

- На недельку, не больше, - миролюбиво заявил он Томилину, - так и скажу командиру.

Томилин молча посмотрел на него, и Бабченко, неожиданно сдавшись, виновато сказал:

- Денечка на три, Виктор Матвеевич.

Томилин, насупился, упрямо мотнул головой, и Бабченко, внезапно рассвирепев, чего с ним никогда не случалось, забыв о

том, что врачу "по штату положено" быть обходительным, а с больными особенно, в течение трех минут без роздыха, по-мужски поносил комэска, не скупясь в выражениях. Летчики удивленно раскрыли рты, а медсестра, выскочив из санитарной машины, убежала в конец стоянки.

Томилин, нахохотавшись до слез, обнял виновато замолчавшего Бабченко, попросил:

- Не сердитесь, доктор, но мне нельзя не летать. За мной вина, сами понимаете.

Бабченко безнадежно махнул рукой, сел в "санитарку" и укатил, забыв подождать сбежавшую медсестру.

...Разворот влево. Под нами - станция и поселок Новозавидовский. Впереди по курсу - дорога. Отчетливо видно Козлове - деревню в девяти километрах от станции. Немецкую мотоколонну не видно, значит, она где-то дальше. Где? Томилин пока молчит, соблюдает радиомаскировку. Но не будет же он молчать до последней минуты: к удару надо подготовиться и с точки зрения тактики и, конечно, морально.

- Цель миновала Синцово... - слышится голос ведущего.

Теперь все ясно: гитлеровцы заночевали в Тургиново, с рассвета, одновременно с нами, запустили моторы, прошли по дороге на юг, огибая низину междуречья Шоши и Ламы, прошли Синцово и, развернувшись, идут теперь по прямой. Хорошо бы застать их в поле между Дорино и Синцово: страшно подумать, что наши снаряды будут поражать и своих же людей, если придется штурмовать фашистов в деревне.

Подходим к Козлове. Отсюда Дорино, как на ладони, до него не больше семи километров. Смотрю вперед. Вот они, немцы. Темные, продолговатые, пока что со спичечный коробок машины. Волнует острое чувство опасности и вместе с тем странное, непонятное, самое неподходящее в данный момент чувство азарта. Думаю, как лучше ударить, куда отвернуть, если мой самолет заденет снаряд.

Да, штурмовка наземных войск - это не прикрытие железной дороги. Даже полет на разведку и то не связан с таким очевидным риском. Здесь же, при выполнении штурмового налета, бой запланирован. И этот бой - суть полета, суть всего задания.

До немцев, очевидно, доносится гул наших моторов, и я представляю, как хоботы зенитных пушек поворачиваются нам навстречу. На память неожиданно приходят Боровский, Артемов... Чувствую, как холод скребет по спине. Неожиданно вспоминаю тот вечер, когда немцы ударили по Шаховской железнодорожной станции недалеко от Алферьево.

Это было в конце сентября. Спать на стоянке стало

прохладно, а главное небезопасно: в любую минуту могли нагрянуть бомбардировщики, и командир переселил нас в так называемый ночной санаторий - двухэтажный уютный домик в соседней деревне. Домик стоял посреди березовой рощи, в зарослях старой сирени. Поужинав, мы всегда выходили на час-полтора погулять, отдохнуть от полетов, боевого дежурства.

Вечер, о котором я вспоминаю, был тихим, сравнительно теплым, безлунным. Как всегда, Ганя Хозяинов что-то рассказывал, мы слушали, смеялись. Вдруг кто-то крикнул "идут!" и мы услыхали завывающий гул самолета. Бомбардировщик приближался с запада.

- Не наш. На Москву идет, - заволновался Илья Бочаров.

- Не дойдет, - успокоил его Максимов, и позавидовал кому-то из летчиков-ночников: - Молодцы ребята, воюют, лупят фашистов.

- А мы Ганькины сказки слушаем, - сказал Малолетко.

Фашист, между тем, приближался. Не дойдя до Алферьево, начал кружить.

- Аэродром, наверное, ищет.

И вдруг все осветилось - небо, земля, роща - ярким, каким-то голубовато-безжизненным светом. Не так, как светит короткая вспышка молнии, по-другому. Жуткий, холодный свет разгорался все больше и больше. И самое страшное - не был виден его источник. Казалось, что свет исходит из-под земли и, отражаясь, беспощадно высвечивает каждую песчинку, лежащую на дороге. Мороз побежал по спине. Я увидел мертвенно-голубые лица моих товарищей, и сразу услышал звук, примешавшийся к гулу мотора: что-то засвистело, завыло.

Не знаю, кто первый, может я, может, кто-то другой, только все мы бросились в рощу, в кусты, затаились. А вой все ширился, нарастал, леденя кровь и мозг, и неожиданно ухнул взрывом, будто раскололась сама земля...

Потом мы хохотали до слез, до колик в животе. Действительно, что напугало нас? Самая обыкновенная САБ - светящая авиабомба, которая, как известно, не жжет, не убивает, а только светит. И еще - вой обыкновенной фугаски. Взрыв? Он просто поставил точку над "i": после удара бомбы бояться нечего.

Потом, когда мы успокоились, перестали друг над другом подшучивать, Стунжас сказал:

- Вы только вдумайтесь... Прилетел самолет, осветил местность, бросил где-то в десяти километрах обыкновенную бомбу. Обычное вроде бы дело, но какой удар по психике. Такое чувство, будто бомба падает прямо на тебя, будто немец видит тебя, куда бы ты ни забрался. Отсюда вывод: страшен летчик для тех, кто на земле.

И верно, страшен. Даже для авиаторов. А немецкий солдат, пехотинец, он что - сверхчеловек? Разве ему неведомо чувство страха? Тем более, если не в доте сидит, а едет в открытой машине, по открытому полю. Единственное для него спасение - это кювет, придорожные ямы.

Чем нас встретит противник? Зенитками? Наверное, нет. Откуда им быть в колонне, выполняющей марш-бросок. Пулеметы, конечно, есть, но мы нападем неожиданно. Из-за шума моторов своих же машин, немцы нас не услышат, а когда увидят, то будет поздно, останется только одно: разбегаться.

Так я рассуждаю, и страх будто снимает рукой.

Сближаемся. Томилин идет в атаку. "Чайки" - за ним. Атакуют красиво и грозно. Боевой порядок звена - правый пеленг, эскадрильи - колонна звеньев. Плотный, монолитный, спаянный волей и мастерством командира и каждого летчика.

Писанко идет во главе головного звена. Метров на триста впереди - Томилин.

- Уходи, Матвеич, как бы тебя не задеть, - передает командир полка, и Томилин уходит. Не бросает машину влево и вверх своим, томилинским разворотом - со срывом клубящихся струй с плоскостей, а просто уходит без особого, как говорят, восторга и вроде бы даже с обидой. И это понятно - первому хотелось ударить.

Такой он, Томилин.

Головное звено "Чаек" действительно могло бы задеть его своими снарядами. Оно переходит в пике и сейчас откроет огонь. А немцы не видят, потому что заходим от солнца, с востока. Писанко открывает огонь. Дымная пулеметная трасса под углом режет линию горизонта. Это пристрелочная. Сейчас полетят "эрэсы". И точно. Два снаряда, два сгустка огня и металла вырываются из-под крыльев ведущего. Одновременно бьют и ведомые. Вижу несколько взрывов, накрывших дорогу. Идущая во главе колонны машина горит, встав поперек дороги.

Удар, что называется, под дых. Звенья пикируют одно за другим. На шоссе начинается содом: машины сталкиваются, горят, летят в кюветы. Писанко круто уходит влево и вверх, ведомые потянулись за ним, строясь в колонну, постепенно замыкая круг. Ведущий снова идет в атаку. На головы фашистов падают бомбы, затем в дело вступают пулеметы.

Выполнив четвертый заход, Писанко подал команду:

- Матвеич, выполняйте задачу.

Это касается нас - эскадрильи Томилина. Теперь наша очередь штурмовать. "Чайки" уходят вверх, мы снижаемся. Впереди - Томилин и Шевчук. За ними Бочаров, я и Хозяинов.

Замыкающее звено - Стунжас, Максимов и Малолетко.

- В колонну по одному! - передает Виктор Матвеевич.

Выполняем команду, пикируем друг за другом. Дорога как на ладони, но цель выбрать трудно: дым, затянувший колонну, висит неподвижно. Какой же смысл бить по машинам? Что им пулеметная очередь, если отведали бомб и "эрэсов"? Лучше бить по фашистам. Они разбежались по полю, полезли в кусты неподалеку от дороги, в канавы.

Направляю нос самолета немного правее дороги, открываю огонь. Будто ошпаренные, фашисты бегут кто куда. Плавно жму на педали, направляя нос самолета то вправо, то влево. Пули летят веером, поражая большую площадь, настигают бегущих.

Писанко зорко наблюдает сверху. Приказывает:

- Бейте все по кюветам, кустарнику, из ям выжигайте!

Бьем, выжигаем. Сначала тех, что метались по полю толпой, потом начинаем гонять одиночек, но немцы поворачиваются назад, к дороге, лезут под технику, в дымовую завесу.

Увлеклись мы, сделали пять или шесть заходов. Писанко подал команду:

- Атаки прекратить! Сбор!

После посадки позвал всех к своему самолету, сделал короткий разбор, похвалил, особенно нашу, первую эскадрилью. За активность, сообразительность в сложных условиях. И даже объявил благодарность.

Подходит Топтыгин, докладывает:

- В район Тургиново вышла еще одна колонна. Приказано звеном "Чаек" повторить удар по первой, вторую штурмовать основными силами части. Вылет - по готовности.

- Так я и думал, - говорит командир полка. - Но и вторая колонна отнюдь не последняя. И третья будет...

Через тридцать минут взлетело звено: Косарьков, Михайлов, Карамышев. Шли с намерением добить колонну. Однако на прежнем месте ее не застали. Бросив то, что было сожжено и разбито, немцы пошли вперед и уже миновали Дорино. Звено Косарькова встретили сильным огнем. Но это не помешало тройке отважных сделать доброе дело - пробку у самой речушки - притока Ламы.

Через час поднялись основные силы полка и нанесли удар по колонне, вошедшей в междуречье Ламы и Шоши. Потом еще один, третий. Потом четвертый и пятый. Мы и шестой бы сделали, но, к сожалению, дни в октябре не такие уж долгие.

...Я хочу сказать о работе наших газетчиков. Сказать в их адрес доброе слово. Они хорошо трудились, добросовестно писали о нас. И это очень приятно встретить на страницах газеты

свою фамилию или увидеть снимок и прочитать оперативную информацию.

У меня есть такой снимок, он дорог мне, как реликвия. Не только я, все берегут. И рады, когда их берегут сыновья или внуки.

Фронтовые журналисты писали о наших соседях, воздавая должное их труду. Это вдохновляло и нас: мы видели, что рядом с нами дерутся наши товарищи. И неплохо дерутся. Так, из газет мы узнали об асах московского неба Горбатюке и Григорьеве, Митрофанове и Пирожкове, Матакове и Катриче, Холодове и Калабушкине, о трех Иванах - Шумилове, Голубине и Заболотном... Все они стали потом Героями Советского Союза. Правда, газетчики иногда увлекались. Я возвращаюсь к словам: "Мы и шестой бы сделали (вылет), но к сожалению..." Да, пять вылетов в осенне-зимние дни - это много. А журналисты писали: по восемь-девять. Иногда - по двенадцать. Да простят им читатели, ибо они хотели сказать, что мы действительно много летали, что нам было очень трудно.

Однако же в 1969 году, через двадцать восемь лет после того тяжелого времени, беседуя с генералом Е. М. Горбатюком, я узнал, что он сделал однажды десять вылетов в день и провел восемь воздушных боев. У меня широко раскрылись глаза. Кольнула совесть - журналисты выходит, правы... Но Горбатюк пояснил: это было 22 июня, в первый день войны, у самой границы.

И совесть моя успокоилась. 22 июня можно было и десять сделать. День-то какой - год!

Итак, после пятого вылета Писанко отправил нас на отдых.

Уснул я немедленно, едва коснувшись подушки. Спал без сновидений - так намотался за день. Но как ни странно, проснулся с рассветом. Вижу, не спят и соседи - Аркаша Михайлов и Коля Тетерин.

- Знаешь, куда теперь немцы продвинулись?.. - тяжело вздыхает Аркаша. Боюсь, что сегодня придется лететь не на северо-запад, а на юго-восток.

Тетерин рывком поднимается, опершись на локоть, в упор глядит на Михайлова.

- Ты хочешь сказать, что за ночь немцы пересекли шоссе и вышли к каналу?

- Не то...

- Что же ты хочешь сказать?

- Мы можем сегодня оставить Клин, вернее, Клинский аэродром. Вчера перед вечером мотоколонна, шедшая от Яропольца, была на подходе к Теряево.

- Откуда это известно?

- Летчик один говорил.

Теряево... Озеро. Монастырь. Зона патрулирования, зона групповых полетов, когда стояли в Алферьево. Оттуда вместе с Шевчуком и Леоновым мы гнались за группой "хейнкелей". Это было 25 июля. Немцы находились тогда далеко-далеко от нашей столицы. А теперь подходят вплотную. Тяжело поверить. Вижу, и Тетерин не верит.

- Врет он, твой летчик, - шипит Николай, стараясь не разбудить товарищей. - Врет. Или ошибся.

- Не горячись, Коля, - успокаивает друга Михайлов, - незачем ему врать. И ошибиться не мог, потому что он местный, из двадцать седьмого полка. Ты его знаешь. Катрич.

Катрича знали все. Где-то в средине августа в полку был митинг. Выступил Пасечник, говорил о героизме летчиков. Имена защитников нашей столицы, совершивших воздушный таран, нередко появлялись на страницах нашей армейской газеты. Это Степан Гошко, Борис Васильев, Петр Еремеев, Виктор Талалихин, Виктор Киселев. Их уже было пять. И вот - шестой: 10 августа лейтенант Алексей Николаевич Катрич совершил новый, изумительный по мастерству и отваге воздушный таран.

...Фашистский разведчик пересек линию фронта, взял курс на Москву. Пенистый след инверсии рассек синее небо. Враг не заботился о маскировке. Он был уверен: на такой высоте его не достанут ни снаряды зениток, ни советские истребители. А они, между прочим, за ним охотились всю эту неделю. Некоторым удавалось сблизиться с ним, и тогда, имея запас высоты, разведчик поспешно уходил за линию фронта. О том, что немцы педанты, было уже известно. Те, из них, кто пытался вести разведку нашего тыла, обычно ходили по одним и тем же маршрутам, в одно и то же время и, если позволяла порода, на одних и тех же высотах. Это давало возможность перехватывать их, заблаговременно поднявшись в воздух.

Этот фашист был не такой. Он появлялся всегда неожиданно, и каждый раз с нового направления. И летал не на "юнкерсе", как другие, а на новом, более совершенном - скоростном и высотном самолете "дорнье-217". Возможно, ему отводилась особая роль, особые задачи, поэтому и принимались такие меры предосторожности. С его появлением участились случаи налета фашистских бомбардировщиков на наши аэродромы и другие важные объекты. И именно в том районе, где он появлялся. Чтобы перехватить разведчика, эскадрилья МиГ-3 специально села в засаду в районе Ржева. Там обычно проходил "дорнье". Установили непрерывное боевое дежурство.

10 августа, когда поступила команда на взлет, дежурили Катрич с Медведевым. Они взлетели в 9.30. Пройдя минуту-другую западным курсом, Катрич увидел инверсию - белый пенистый след на небе. Развернувшись, он направил машину по этому следу. Так началась погоня. Высота нарастала быстро - пара летела на "мигах". Подходя к семи тысячам метров, Катрич вспомнил о кислороде. Вернее, не вспомнил, а догадался, когда увидел, что приборы стали двоиться, а ярко-синее небо обретать красноватый оттенок. Чертыхнувшись, летчик выдернул маску из кармана над правым пультом, прижал к губам. Живительная струя кислорода ударила в легкие, наполнила силой мышцы, смахнула с неба красную муть. Летчик подумал: "Этак немудрено и вниз загреметь..."

И еще одна неприятность. День обещал быть жарким, и Катрич, заступая на боевое дежурство, посчитал лишним одеться в комбинезон, и остро теперь почувствовал, что летняя гимнастерка - слабая защита от холода. Он почувствовал это еще на половине пути, и теперь, когда самолет подбирался к десяти тысячам метров, его буквально трясло.

Парусиновые сапоги тоже не бог весть как согревали. "Меховой комбинезон бы сейчас да унты", - невольно подумал летчик и оглянулся назад, на ведомого как-то он себя чувствует. Медведев безнадежно отстал.

Что делать? Конечно, сражаться вдвоем куда легче, чем "одному. Безопаснее. Надежнее. Катрич уже представлял, как в паре зажмут они фашиста с разных сторон, как будет метаться стрелок, перебрасывать турель с одной стороны на другую... План воздушного боя, созревший заранее, бесповоротно ломался. Обстановка не позволяла уменьшить скорость, ждать, пока ведомый пристроится: обнаружив погоню, немец немедленно развернется на запад, и Катрич не сможет его настичь, если не успеет набрать высоту. Не только минуты - секунды решают исход боевой задачи.

Расстояние сокращается. Уже различим серовато-желтый развод камуфляжа "дорнье". Черные, в белой окантовке кресты. Летчик не чувствует теперь ни леденящего холода, ни одиночества. Он всецело захвачен предстоящим боем.

Очевидно, экипаж вражеского самолета не следил за воздушным пространством, надеялся на огромную высоту. Катрич подошел к нему сзади и внезапно, с короткой дистанции, ударил из всех пулеметов. Бомбардировщик огрызнулся огнем, но трассы прошли стороной: стрелок не успел подготовиться к бою. Не теряя дорогих секунд, Катрич поймал в прицел кормовую кабину, нажал на гашетку.

Первая победа достигнута - вражеский стрелок умолк, задняя полусфера разведчика обезврежена. Можно спокойно действовать дальше. Катрич повторил атаку. Когда перекрестие прицела легло на кабину пилота, нажал на гашетку. Однако пулеметы молчали. Быстро перезарядив их, снова попытался открыть огонь. Безрезультатно. Оружие отказало.

Катрич искал встречи с врагом, готовился к ней. Примером для него стал легендарный капитан Гастелло. И вот встреча. Вот он, враг. Он упорно идет в глубь нашей территории, ему больше не страшен безоружный истребитель. Выход один - таранить. Только таран мог решить исход поединка. Лучше всего удар нанести по хвосту. Надо отрубить рули управления - самые чувствительные и жизненные места самолета. Без рулей бомбардировщик обречен на гибель. И нужно так рассчитать инерцию своего самолета, чтобы не врезаться в машину врага, а только коснуться ее винтом.

Истребитель приближался к бомбардировщику слева под небольшим углом. Ближе... Еще ближе... Перед глазами, будто раскрутившийся меч, винт своего самолета.

За ним, как в ореоле, хвост вражеского бомбардировщика. Еще... Еще одно движение... Удар! Истребитель потянуло влево, на нос. Чтобы не врезаться в плоскость "дорнье", Катрич взял ручку на себя и резко нажал на левую педаль. Проскочил. Посмотрел в сторону поверженного врага. Самолет кренится вправо, пикирует, летчик пытается выровнять машину, но бесполезно. Она опять переходит в пике, падает...

После тарана Катрич возвратился на аэродром, благополучно приземлился. На самолете незначительное повреждение - слегка загнуты концы лопастей винта. Редкий по точности и мастерству удар.

Конечно, мы не знали тогда подробностей того беспримерного поединка, мы знали только финал, результат совершенного подвига. Об этом и говорили на митинге. Подробности узнали несколько позже. Летом 1942 года, когда Томилин уехал в другую часть, к нам прибыл Алексей Николаевич Катрич, принял первую эскадрилью и стал ею командовать.

Первое, что бросилось в глаза - удивительное обаяние этого человека. Медицинская сестра нашей санитарной части лейтенант Тамара Молова, увидев Катрича, ахнула:

- Я думала, что красивые летчики бывают только в кино.

Катрич был спокойным, уравновешенным, волевым человеком. Выше среднего роста, строен, подтянут, атлетически сложен. Все гармонировало: черные волнистые волосы, голубые

глаза, улыбка на смуглом лице.

И еще, что заметили сразу - удивительная скромность этого человека. Просто, обычно вошел он в наш коллектив, хотя гордиться ему было чем. Такой молодой и уже капитан, командир эскадрильи, а главное - кавалер Золотой Звезды. Некоторые даже думали: "Не успел еще загордиться, только назначили на новую должность..." А потом узнали: он пришел к нам не с повышением, а с понижением. Еще до прихода к нам командовал эскадрильей, был заместителем командира полка, потом его назначили на должность инспектора по технике пилотирования авиационного соединения. Летчику трудно не летать. Вместо аэродрома - штаб, вместо кабины истребителя - кабинет и бумаги. Ни боевого дежурства, ни вылетов по тревоге.

- Не могу, - сказал он командующему, - верните обратно.

Но должность Катрича была уже занята, и генерал предложил ему эскадрилью. Так Катрич попал в наш, 12-й гвардейский истребительный авиаполк. Летал он, конечно, классически и дрался тоже. Одним словом - герой, ас...

Но это потом, через год. А сейчас, в это раннее утро, не поднимаясь с постелей, мы говорим о подвиге Катрича. Действительно, чтобы пойти на таран, нужны сила воли, мужество, исключительная храбрость.

- По существу, это преднамеренное столкновение с самолетом противника, говорит Коля Тетерин. - Преднамеренное. И в это следует вникнуть. Не скажу, что я очень испугался, когда впервые под Белым увидел Ме-109. Но они показались мне куда ближе, чем были на самом деле. Удивился еще, почему не стреляют. Подумал: в упор врезать хотят, чтобы наверняка... Не выдержал, нажал на обе гашетки. А до "мессеров" знаете сколько было? Два километра!

- То, что ты напугался, это не удивительно, - шутит Михайлов, - но это действительно сложно - подойти вплотную к самолету противника и ударить винтом. Как-то даже не представляю себе. Подумаешь об этом - и мороз по коже... Верно?

- Конечно, верно, - соглашаюсь с Аркашей, - но подойти - это еще полдела. Главное - рассчитать удар. Допустим, не получилось бы так удачно, и Катричу пришлось бы покинуть машину. Для этого надо: во-первых, ослабить зажимы вилки радиошнура и выдернуть его из гнезда; во-вторых, расстегнуть привязные ремни..

- Это, пожалуй, в-третьих, - перебивает Михайлов, а во-вторых, надо снять кислородную маску, иначе шланг мешает отбросить привязные ремни...

- Верно, - соглашаюсь с Аркашей, - и тем хуже для летчика.

Оставшись без кислорода и немного замешкавшись, он потеряет сознание... Отсюда следует вывод...

- Что летчик, идя на таран, сознательно шел на явный риск.

Это сказал Акимцев, наш комиссар, очевидно, он тоже давно не спал и теперь включился в наш разговор.

В самом деле, разве Катрич не знал, что только Борису Васильеву удалось сохранить машину - после тарана он приземлился на поле. Все остальные - Гошко, Еремеев, Талалихин, Киселев - вынуждены были спасаться на парашюте. Конечно, Катрич об этом знал.

- Что же заставило его пойти на таран? - продолжает Василий Васильевич. Если у летчика неисправно оружие, если кончился боезапас, он имеет право выйти из боя. И будет прав. И никто не упрекнет его за этот поступок. Как же все-таки расценивать подвиг Катрича? Как. Тетерин?

Коля с минуту молчит и вдруг, широко улыбнувшись, декламирует бессмертные строки Горького:

- Безумству храбрых поем мы песню!..

Комиссар недовольно хмурится:

- Не лукавьте, Тетерин. Слова хорошие, но не к случаю. Бесшабашная удаль, безумно смелый поступок, молниеносный порыв при стечении обстоятельств - не причины совершенного подвига. Смотреть надо глубже. Идейная убежденность, высокая сознательность, глубокая ответственность за судьбу государства, за Москву - вот что было мотивами подвига, вот что руководило поступком Героя... Вот так-то, дорогой Николай Трофимович, а вы: "Безумству храбрых..."

- Да, он понимает, - смеется Михайлов. Когда был митинг по поводу тарана, он даже выступал.

Дверь отворилась, вошел начальник штаба полка. Необычно суровый, озабоченный. Окинул взглядом летчиков, негромко сказал:

- Поднимайтесь, товарищи. Распорядок сегодня такой: завтрак, потом получение боевой задачи. Вылет на штурмовку, посадка на соседнем аэродроме. Клин оставляем.

"Отступать больше не будем..."

Москва, Центральный аэродром имени Фрунзе. Наша стоянка - у самого леса. Отсюда, если смотреть через летное поле, видны ангары, служебные помещения, башенка метеостанции. За ними, и дальше, за Ленинградским шоссе - корпуса Академии имени Н. Е. Жуковского, вышки стадиона Динамо.

Справа и слева от нас стоят сотни самолетов самых различных марок. Даже "Родина" здесь - машина Гризодубовой,

Осипенко, Расковой. Мы обступили ее. Я уже посидел в кабине, подержался за ручку, обшитую мехом. Ремни на педалях тоже обшиты или обернуты мехом.

- Не самолет, а легенда, - говорит Бочаров, стоя на высоком длинном крыле, и вдруг восклицает: - Смотри!

На левом борту кабины установлен бензиновый кран, а рядом, на наклеенном листке полуватмана надписи: на какой бак и через какое время надо переключить. Как-то не вяжется: самолет-легенда, обыкновенный листочек бумаги и самый обычный почерк, даже чуть-чуть некрасивый...

- Люди летали, женщины, - задумчиво, необыкновенно тепло говорит Илья, - а до этого думалось - боги...

22 октября, после посадки здесь, на Центральном, Писанко нам объявил:

- Отступать больше не будем. Некуда отступать. - С минуту смотрел на нас, будто давая возможность осмыслить сказанное, и громко добавил: - А Москву врагу не видать, как своих ушей. Вместе с нами - весь народ, вся страна.

Крутят, вихрят военные будни. Летаем с утра до вечера. Все, что было до этого, кажется отдыхом. Даже тем, кто летает на "Чайке". Кто ходил на штурмовку под Белый, на Юхнов и Гжатск, кто воевал в районе Калуги. Разведки, штурмовки, прикрытие "Чаек", "Ильюшиных", патрулирование над линией фронта, над Москвой, сопровождение особо важных Ли-2. Полеты. Полеты. Полеты...

Домом стала кабина. Парашют - постоянная ее принадлежность. Извлекаем его из чашки сиденья только с целью переукладки. Но делаем это часто: в сумбурное осеннее время - то дождь, то мороз, - шелк может слежаться, и в нужный момент парашют не раскроешь. А необходимость раскрыть его возможна в каждом полете..

Грохот мотора, дробный стук пулеметов, режущий ухо скрежет слетающих с балок "эрэсов" настолько привычны, что кажется, с ними родился и прожил всю жизнь И нет во вселенной избушки под красной, сто раз шелушившейся крышей. Нет "Бурцева" - небольшого лесочка за полем. Нет "канавы" - мелководного, уходящего болото притока Москвы-реки. И пруда за садом. Все это будто приснилось. Мать и отец приснились. Братья Сергей и Володька, сестры Лида и Фая. Не было и нет никого. Есть только машина. Кабина МиГ-3. Мои боевые друзья. Подмосковье, с изрытой металлом и бурой от крови землей. Москва.

24 октября 1941 года писатель Евгений Петров написал в одну из нью-йоркских газет: "В день отъезда из Москвы я получил

от вас телеграмму. Вы просите меня дать драматический эпизод с Московского фронта. Но драмы не было. Драма была во Франции, в Польше или в Греции, когда по дорогам шли обезумевшие от ужаса люди и их обгоняли германские танки, а германские аэропланы расстреливали их с бреющего полета. Когда бежали министры и на обочинах дорог можно было увидеть элегантную даму в дорогом парижском туалете, босую, с туфельками и собачкой в руках, и когда генералы сдавали торжествующему врагу свои шпаги и дивизии.

Нет, здесь не было драмы. Здесь был эпос. Немцы наступали на Москву с трех направлений. Они прорвали фронт у Калинина. Но армия не была разбита, генералы не отдавали своих шпаг. Каждый метр земли на дальних подступах к Москве был покрыт кровью..."

Я узнаю об этом письме значительно позже, а сейчас, участник событий, вижу все своими глазами. Москва готовится к бою. Преобладающим цветом одежды людей стал защитный цвет, вперемежку с синими шинелями авиаторов и мохнатыми бурками конников. Вокруг - армия. Людей в гражданской одежде днем почти не увидишь. Они стоят у станков. У станков же обедают - зачем тратить драгоценное время на переезды, когда и время и силы необходимы борьбе.

Как только прилетели сюда, нам сразу раздали гранаты, бутылки с горючей смесью, в неограниченном количестве патроны для пистолетов "ТТ". Выдали на случай, если немцы прорвутся к аэродрому.

На самолетных стоянках оружейники смастерили установку для реактивных снарядов. Четыре "эрэса" постоянно нацелены в небо. И штук пятьдесят лежат в стороне под чехлом. Это и против "юнкерсов" и против немецких танков.

На дорогах, околицах деревень Подмосковья, на опушках, у каждой речушки, пруда, пригорка фашистов ждут рвы и надолбы, минные поля, колючая проволока. И чем ближе к Москве, тем гуще сеть укреплений, тем разнообразнее оборона. А при въезде в Москву, у метро "Сокол", на развилке шоссейных дорог, идущих на Волоколамск и Клин, немцев поджидают "ежи" - сварные сооружения из рельсовых балок.

За лесом, южнее аэродрома, работают сотни людей, (в основном - женщины), делают противотанковый ров. Когда мы пролетаем над ними, они приветствуют нас, машут руками, платками, шапками. И это радует - люди не падают духом, работают с рассвета до темноты. Может, и ночью.

Москву охраняют летчики, зенитчики, а ночью еще и аэростаты воздушного заграждения, огромные бело-серые туши.

Днем они лежат на земле вокруг стадиона "Динамо", в кустарнике около Масловки, позади академии, рядом с Ленинградским шоссе. Мы видим их, заходя на посадку. А вечером они поднимаются в небо и висят над Москвой. Их крепко держат стальные тросы и руки солдат. Однажды в момент приземления аэростата трос не выдержал, лопнул. Будто сорвавшись с цепи, аэростат рванулся вверх. Пытаясь его спасти, солдат Велигура уцепился за веревку, и его потащило в небо.

Более ста километров летел Велигура по ветру, более двух часов боролся с декабрьским морозом. Чтобы спасти технику, надо было добраться до клапана и стравить наполнявший оболочку газ. Но до клапана семнадцать метров. И все же ценой неимоверных усилий солдат преодолел эти семнадцать.

Этот случай, когда мы узнали о нем, взволновал нас. Раньше мы не придавали большого значения аэростатам. Подумаешь, мол, пузыри висят. А оказалось, что этот пузырь для Велигуры - оружие, так же, как для меня, Карасева, Питолина самолет. Будучи раненым, Миша мог бы оставить машину, мог бы выпрыгнуть с парашютом, но он не сделал этого. Он летел, ежеминутно рискуя потерять сознание, ежесекундно взорваться вместе со своим самолетом, истекающим, как кровью, бензином, Комсомолец Питолин рисковал за оружие жизнью так же, как и боец-коммунист Велигура. И мы еще больше уверились в том, что советский солдат, на какой бы пост его не поставили, будет стоять до конца.

Да, здесь эпос.

В Москву непрерывно идут воинские поезда, эшелоны, платформы с оружием и техникой: пушками, танками, броневиками, автомашинами. Из Москвы тоже идут эшелоны: на восток уходят заводы оборонного значения с оборудованием и рабочими.

Столица готовится к бою, вернее, к сражению. А бой идет непрерывно. Жестокий, кровопролитный. И в этом бою тают дивизии Гитлера, рушится военная машина фашизма. Все больше и больше она замедляет свой ход, уменьшаются темпы ее наступления. В июне - июле немцы продвигались по пятьсот километров, а сейчас втрое меньше. И этот темп снижается с каждым днем.

Мы живем рядом с аэродромом, занимаем просторный вестибюль стадиона "Динамо". У нас есть телефон, биллиард, мягкие кресла, диваны и душ.

- Живем в Москве, а Москву не видим, - как-то сказал Бочаров. - Пройдемся пешком до "Динамо", посмотрим....

- Почему бы и нет, - говорю, - давай. Перед нами на фоне

темного неба черные силуэты домов. Вправо и влево, скрываясь во тьме, уходит шоссе Москва Ленинград. По шоссе несутся машины, освещая дорогу узкой полоской притемненного света...

Недавно, еще в этом году, мы любовались Москвой из Клина - над ней стояло огромное зарево электроогней. И принимали это как нечто обычное. В ноябре прошлого года, в праздник, приехав в Москву из военной авиашколы, я бродил по столичным улицам, не обращая внимания на море огней, заливавших город, - это было обычным. Будто прочитав мои мысли, Илья вздыхает:

- Только теперь можно оценить довоенную жизнь. А машины бегут. Бесконечным потоком бегут в сторону метро "Сокол", к развилке двух шоссейных дорог, идущих на Клин и Волоколамск. Натужно ревя, машины тянут орудия, прицепы, загруженные, вероятно, боеприпасами, везут молчаливо сидящих солдат. Вперемежку между автомашинами, тягачами идут бензовозы, танкетки и даже танки, заглушая ревом своих моторов все остальные звуки.

Илья подходит вплотную ко мне, кричит в самое ухо:

- Живем, дружище, живем! Силища, видишь, какая идет!

Да, эта сила идет на запад и северо-запад Подмосковья, туда, где насмерть стоят наши войска.

Наша газета "За храбрость" еще в первые дни октября посвятила именно нашей авиачасти целую полосу под броским аншлагом: "Отважные соколы! Бейте фашистов так же мужественно и умело, как громят их летчики подразделения тов. Писанко!". В заметках говорилось о боевых делах летчиков второй эскадрильи Нечаева, Кохана, Бабенко, Яхненко, Александрова, Федотова, Кулака, Кравцова, Косарькова.

В корреспонденции под заголовком "Храбрость" написано об Андрее Кравцове.

"В дыму и пламени автоколонна. Испуганно мечутся фашистские солдаты, тщетно пытаясь спастись от града пуль. Летчик Кравцов прошел над колонной бреющим полетом, затем развернулся, чтобы идти домой, но обнаружил, что у него еще не все израсходованы боеприпасы. "Зачем пропадать добру, - подумал летчик, - лучше зайти еще раз и добить фашистскую нечисть". Кравцов вернулся обратно и, не обращая внимания на ожесточенный огонь зениток, уничтожал фашистов, пока не израсходовал всех боеприпасов..."

- Силен ты, летчик Кравцов, - сказал я Андрейке, - уничтожаешь фашистов, не обращая внимания на ожесточенный огонь зениток.

Он промолчал, полный достоинства. И вдруг опубликован Указ. Как-то даже не верится, что мой однокашник Андрейка

Кравцов, самый маленький ростом летчик в полку, награжден орденом Красного Знамени. Мы вместе учились в Борисоглебской авиашколе и даже были в одном звене. Во время построений он всегда находился на левом фланге. А теперь - герой. Не зря говорят: мал золотник, да дорог.

Вместе с Андрейкой награждены: Петя Дядик и Коля Тетерин, Петя Карамышев и Леша Даубе, командир эскадрильи Максим Кулак, командир полка Александр Степанович Писанко... Тринадцать человек, и все из второй эскадрильи, те, кто летает на "Чайках". Аркаша Михайлов и Петр Федотов раньше были у нас, а теперь вот, орденоносцы. Стало немножко завидно.

- Наверное, мы еще не заслужили награды, - неожиданно сказал Ганя и обидчиво поджал толстые губы.

Томилин покосился на него, но промолчал, а комиссар Акимцев сурово спросил:

- Ты что, воюешь за ордена?

- Нет, - сдержанно ответил Хозяинов, переходя на официальный тон, - я воюю за Родину, но после войны народ будет судить по наградам, насколько активно я за нее воевал. И мне это не безразлично.

Хорошо Ганя сказал, умно. И Акимцев оттаял:

- Прав ты, Хозяинов! Все вы неплохо воюете. Но летчики второй эскадрильи раньше вас начали летать на штурмовки, раньше совершили необходимое для представления к ордену количество вылетов. Надеюсь, ты помнишь приказ?

- Конечно, - за пятнадцать штурмовок - орден. За двадцать пять - второй. За сорок - звание Героя Советского Союза.

- Правильно. Они получили сейчас за пятнадцать. А вы получите в ближайшее время. Все, кто достоин, представлены.

Ганя заулыбался. И все мы повеселели. Летчики второй эскадрильи буквально преобразились. Важные ходят, гордые. Раньше в столовой сидели в комбинезонах, а теперь спускают их до пояса - надо же показать ордена! Мерзнут, но терпят. И сразу как-то все повзрослели, а Андрейка будто и ростом стал выше. Я поздравил его, спросил:

- Ты рад, Андрей?

Он смотрел на меня снизу вверх и, даже не улыбнувшись, сказал, что мне желает того же и в самое ближайшее время. Тон Андрея меня, конечно, обидел.

- Куда уж нам, - говорю, - физиономией в герои не вышли.

Сказал и повернулся, чтобы уйти. И тогда он не выдержал, расхохотался и не успел я оглянуться, как Андрей оказался у меня на спине. Маленький, ловкий, отличный спортсмен, он делал это как кошка. Мы повозились немного и Андрейка

признался:

- Знаешь, земли под собой не чую. Даже не верится, что я награжден.

- Ну, дружище, так не годится, - говорю я Андрею. - Помнишь, что Горький сказал, вернее, его героиня старуха Изергиль?

- Не помню.

- "Тот, кто однажды удивился своему подвигу, тот не повторит его".

Андрей помолчал, подумал, вопросительно глянул в глаза:

- А может, она и права, старуха Изергиль?

Тактика жизни

Немцы вышли к Нарофоминску, Тарусе, Алексину. Рвутся на Серпухов. Это на юге. На западе - к Волоколамску. На самолетных стоянках полка с рассвета ревут моторы. Группы "Чаек" и "мигов" одна за другой уходят в сизую дымку. И так с утра до вечера. Вчера, сегодня и завтра. За исключением дней, когда погода плотно прижимает к земле всю авиацию.

Передо мной документ - боевое донесение. В нем - итоги работы полка за один день конца октября, такой же день, как другие. Пять вылетов на боевое задание - штурмовку вражеских войск в районе Волоколамска и Серпухова. Объекты удара; пехота, артиллерия, танки, автомашины. О пятом сказано так же, как и о первом, втором... Столько-то "Чаек" и "мигов", такой-то объект удара и место, но в донесении о пятом, кроме всего остального, записано, что с боевого задания не вернулся летчик Максимов.

Вот и все. Коротко, ясно - таков военный язык. Обычный язык боевых документов, докладов. Обычная военная арифметика: 56 самолето-вылетов. Подведен итог боевой работы: количество уничтоженных танков, автомашин, зенитно-пулеметных точек... А за цифрами - труд, пот, кровь. И нет Сережи Максимова. Погиб незаметно, тихо, выполняя обычный солдатский долг - спасал товарища. И может, даже не знал кого...

Последний, пятый по счету вылет. Одиннадцать "Чаек" и восемь МиГ-3. Идем по дороге на Серпухов. При подходе к Лопасне, справа, появляется звено "мессеров". Немцев легко отличить от наших: у них в звене четыре машины. Несутся прямо на нас. Непонятно только одно - направление их удара: кто же атакует в бок, с курсом, перпендикулярным полету цели?

- "Двадцатый", отсечь "мессеров"! - команда звену Бочарова.

И вдруг, будто ударившись в стену, с расстояния около тысячи метров немцы бросают машины в боевой разворот и пропадают так же стремительно, как появились.

Все ясно: они не видели нас до последней секунды. А увидев, сразу опешили: у нас же сила!

Вот и Серпухов. Впереди Ока. Изгибаясь, она уходит на юг. В самой выпуклой части изгиба в нее впадает Протва. На южном берегу Протвы, в районе Гостешево - Троицкое, скопились фашисты - пехота на автотранспорте. Очевидно, намерены форсировать реку, овладеть шоссе Высокиничи - Серпухов.

По ним и надо ударить.

Вот и цель. "Чайки" уходят вниз. Мы остаемся вверху, охраняем их от снующих невдалеке четырех Ме-109. Все идет своим чередом. Но вот открывают огонь вражеские зенитчики. В разрывах мечется "Чайка", "миг" с бортовым номером "8" несется на помощь - это Максимов. Он видит, откуда немцы ведут огонь. Подавив зенитку парой "эрэсов", Сережа направляется вверх, вздыбив МиГ-3 на высоте метров пятьсот. В этот момент его и настиг немецкий снаряд...

А бой продолжается. Выполнив четыре захода, "Чайки" поднимаются вверх, а мы опускаемся ближе к земле, где все дымит, полыхает.

Штурмуем шестеркой. Томилин остается вверху, в сторонке, смотрит за нами и немцами. Подходят еще четыре Ме-109. Их уже восемь. Двое, отколовшись от группы, делают попытку втесаться в замкнутый нами круг. Один между Малолетко и Стунжасом, другой между Бочаровым и Ганей.

Конечно, это игра с огнем, что не типично для немцев: из строя их вышибли сразу. Но факт такой отчаянной смелости не проходит мимо Томилина.

- Всем немедленно вверх! - слышим его приказ. Не прошло и минуты, как мы оказались над "Чайками". И надо сказать своевременно: шестерка Ме-109 уже несется на них в атаку.

Так вот почему пара фашистов пыталась втесаться в наш строй - они хотели отсечь нас от "Чаек". Вполне понятно, они не прочь завалить и кого-нибудь из нас, но все-таки главный их замысел - ударить по "Чайкам". Во-первых, потому, что уж очень вредны они для немецкой мотопехоты, а во-вторых, (и это, пожалуй, самое главное) они сейчас безоружны - если не в полном смысле этого слова, то во всяком случае боекомплект у них на исходе.

Встречаем шестерку фашистов огнем. Они уходят, но видно оставлять нас в покое пока не намерены. И точно, идут. Сначала до линии фронта, а потом километров на двадцать в глубь .территории. Не просто идут в стороне - всеми силами стараются отсечь нас от "Чаек".

После посадки и общего разбора полета, когда мы остались

вдвоем, Бочаров заявил, что не будь с нами Томилина, нам бы несдобровать. Томилин поступил умно. Он разделил нас на пары, а сам остался один, чтобы обеспечить себе свободу маневра. Мы носились над "Чайками", отбивая атаки фашистов, а Томилин - над нами, зорко наблюдая за боем; и если кому-то из нас угрожала опасность, соколом падал вниз, бил врага коротким резким ударом.

И потом, вспоминая тот бой, я всегда с благодарностью думаю о Томилине. В самом деле, мы оказались тогда в положении весьма незавидном. Одно дело прикрывать "Чаек" во время штурмовки,1 когда ходишь над полем боя, когда имеешь самое главное - свободу маневра; тогда ты встречаешь фашистов огнем, с какой бы стороны они ни приблизились. И другое дело - прикрывать на маршруте, сопровождать, одновременно отбивая атаки. Если немцы заходят сзади, а они так и делают, потому что это удобно - ударить сзади, - то, чтобы отбить их атаку, надо развернуться навстречу. А им как раз и нужно, чтобы ты развернулся и "Чайки" остались одни. И получается, что ты связан по рукам и ногам, не имеешь свободы маневра. Хочешь схватиться с врагом, но не можешь. Ты можешь лишь огрызаться, а не драться по-настоящему.

Такова была ситуация. И все же мы оказались на высоте положения. Это на первый случай, когда Томилин нас выручал, и далеко не последний. И если мы оказались живыми в этом кромешном аду, что был под Москвой в сорок первом, то спасибо за это ему, командиру, не потерявшему в многочисленных боях ни одного ведомого.

Разбор полетов Томилин не откладывал в долгий ящик, проводил прямо у самолета, едва стащив с головы пропотевший в бою шлемофон. Помню, однажды сердито сверкая глазами, он процедил:

- Если меня собьют, то лишь из-за вас, слабаков. Мы промолчали. Но когда комэск немного оттаял, Ганя не замедлил "подъехать" с вопросом:

- Слово не воробей... Как вас понимать? Или мы действительно слабаки, или...

- Нет, безусловно, - перебил Ганю Томилин, - вы молодцы. С вами в огонь и воду. А ругаю не зря за ваши ошибки. Скажу откровенно, опасаюсь только немецких зенитчиков. Здорово бьют. Истребителей не опасаюсь. Трусливы, драться не любят. Сколько с ними встречались, ни разу не дали настоящего боя. Однако они коварны. Стараются зажать одного, ударить, крадучись из-за угла, неожиданно. Одним словом, шакалы. За позор посчитаю, если вдруг подобьют меня.

Этот день никогда не забудется.

На задание вышла группа в составе пяти экипажей: Шевчук, Малолетко, Хозяинов, Стунжас и Бочаров. Во главе - Николай Ульянович Стунжас. Предстояло нанести штурмовой удар по фашистским войскам в районе Волоколамска.

Они улетали, а мы остались: Томилин, я и Рубцов Сережа появился у нас в эскадрилье недавно. Не прибыл, как прибывают другие для дальнейшего продолжения службы, а именно появился случайно и неожиданно.

Рубцов - мой старый знакомый. Мы подружились в Борисоглебской авиашколе. Весельчак и балагур, он всегда что-то рассказывал, бурно жестикулируя и заразительно смеясь, и там, где он находился, всегда слышались взрывы смеха. Вместе мы пробыли недолго, месяца два: когда я начал учебу, ОР уже "ходил в старичках". В конце января прошлого года младший лейтенант Рубцов был направлен в одну из летных частей Киевского военного округа. Там он и встретил начало войны.

И вот Центральный аэродром. Октябрь. Находясь у своего МиГ-3, я увидел человека, идущего по нашей стоянке. Рослый, хорошо сложенный, несмотря на тяжелую летную одежду, он шел быстро, легко перепрыгивая через осенние лужи. Что-то знакомое показалось а его походке. Увидев меня, остановился и крикнул:

- Слушай, летчик! Где тут у вас штаб? Это был Сергей. Оказалось, что Томилин тоже знает его. Оба они воронежские, там же кончали аэроклуб, только в разное время, не раз встречались в Борисоглебской авиашколе.

- Оставайся у нас, - предложил ему Виктор Матвеевич.

- То есть?.. - не понял Рубцов.

- Обыкновенно, - не сморгнув, ответил Томилин, - будешь служить в нашей эскадрилье.

- Кто же меня отпустит?

- А кого тебе спрашивать? Полк-то твой где?

- В тылу. Пополняется.

- И еще неизвестно, куда пойдет, - продолжил Томилин, - может в тылу и останется. - В упор посмотрев на Сережу, сказал: - Здесь решается судьба Москвы. Великая честь.

- Я бы не против, но меня за дезертира сочтут.

- Чудак, - вмешался комиссар Акимцев, - кто же на фронт дезертирует?

И этим сразил Сережу. Рубцов должен был получить свою машину из заводского ремонта. Три дня он летал с нами на боевые задания на одном из наших самолетов, а на четвертый получил свой и... поставил его на левом фланге стоянки.

И вот мы сидим втроем, дожидаемся, пока вернутся наши

товарищи.

- Думали мы, рассуждали... - как бы невзначай начинает Рубцов.

- Кто это мы? - насторожился Томилин. - И позвольте узнать, о чем?

- О составе звена, о боевых порядках... На земле мы частенько спорим об этом, но пока без особого результата. Привыкли к звену из трех самолетов. Впрочем, дело не только в привычке, а в том, что у немцев в звене четыре машины. Брать пример с врага? Но сейчас я говорю не об этом - просто об одном из полетов. Я и Шевчук пришли на линию фронта, чтобы прикрыть наши войска. Шевчук носился то вверх, то вниз, непрерывно меняя курсы. Чтобы не отстать от него, я переходил то вправо, то влево, срезая маршрут в момент разворота. Поэтому держался все время рядом. Он ни разу не смог от меня оторваться, хотя и старался.

После посадки Шевчук спросил:

- Можно ли так маневрировать в составе трех самолетов?

- Очевидно, нельзя.

И верно, нельзя. При развороте на максимальной скорости, например, влево, будучи при этом правым ведомым, я бы, конечно, отстал. Почему? Потому что радиус разворота моего самолета больше, чем радиус самолета ведущего. Чтобы не отстать, мне надо сменить место в строю - перейти во внутрь разворота. Но этого сделать нельзя: там находится левый ведомый...

Так мы рассуждали после того полета. Все вместе. А теперь говорим об этом Томилину. Он слушает совершенно спокойно, чуть усмехаясь. Смущенные, мы умолкаем.

- Какой же вывод?

По тону, каким был задан вопрос, понимаю: Томилин думал об этом не раз. Отвечаю как можно короче:

- В составе пары маневрировать лучше, проще.

- Верно, - соглашается Виктор Матвеевич и продолжает: - А если вас будет не двое, а четверо?

- Наши силы увеличатся вдвое, - отвечает Рубцов. - А чтобы сохранить высокую маневренность группы, четверку можно разбить на пары. И шестерку можно. И эскадрилью. Суть в том, чтобы в звене было не три самолета, а четыре. Чтобы было две пары, а не полторы. Чтобы не было третьего "лишнего", который отрывается при первом же резком маневре. И хуже всего, что третьим "лишним" становится то один, то другой ведомый, который мешает ведущему.

- Все верно, - говорит командир эскадрильи. - Вижу, продумали вопрос.

Ловим командира эскадрильи на слове:

- Какой же вывод?

Томилин хмурится. Нелегко привычки ломать: всю жизнь звено состояло из трех самолетов. А главное, вроде бы у немцев надо учиться, пример брать.

- Причем здесь немцы? - кипятится Рубцов, - вы же сами не раз говорили, что тактика - дело творческое, что она не любит застоя, шаблона, что бои надо анализировать, а опыт систематизировать...

- Понес, понес, - Томилин поморщился, передразнил Сережу. - Анализировать, систематизировать...

Вижу, Рубцов что-то хочет сказать, но никак не решится. Замечает это и Виктор Матвеевич. Наконец, спрашивает:

- Что у тебя там? - взглядом уперся в Сережин лоб. - Давай, выкладывай.

- Мы вот все говорим, - решившись, начинает, Рубцов, - что нам ни к чему, дескать, учиться у немцев. А почему бы и нет? Ведь учиться, я так понимаю, это не значит слепо во всем подражать. Учиться - значит перенимать приемы мастерства, а овладев каким-то приемом, не смотреть на него, как на нечто незыблемое, навсегда узаконенное. Наоборот, развивать этот прием Совершенствовать, применять его в комплексе с другими, думать над новым.

Томилин удовлетворенно и вместо с тем удивленно глядит на Рубцова. Подмигнул мне: гляди, дескать, каков наш Сережа.

За окном порхают снежинки. Очевидно, там, между стеной летного домика и стволами огромных старых деревьев, крутит воздушный поток - снежинки не падают.

- Ладно, еще подумаем, посоветуемся, - как бы нехотя соглашается Томилин. - Вообще-то я с вами согласен, надо внедрять пару.

Он вдруг вскочил, беспокойно взглянул на часы.

- Проговорили мы тут, а нашим пора бы вернуться. - Насторожился и, заметно меняясь в лице, сказал: - Чует сердце, что-то случилось.

Обгоняя друг друга, бросаемся к двери. На пороге - Акимцев.

- Командир, двух не хватает.

На кругу три самолета. Один, неудачно зайдя на посадку, промазал и теперь уходил на повторный заход. Второй и третий - на последней прямой после четвертого разворота.

Один за другим приземлились Бочаров и Хозяинов. Рулят медленно-медленно. Понимаю: случилось несчастье, о котором докладывать страшно.

Кто же еще не сел? Кто никак не зайдет на посадку? Вот он

садится, снова с большим промазом. Однако на третий круг не пошел - боится упасть без горючего. Несется безудержно, вылетает с бетона на грунт, к самому лесу. А там столбы, канавы... Туда рванулась автомашина.

Со стоянки идут Бочаров и Хозяинов. Не идут, а плетутся. И Томилин не кричит, не торопит: боится, что последним сел не Шевчук. Томилин любит своего заместителя. Он любит каждого летчика своей эскадрильи, но больше всех Шевчука. За смелость, находчивость, исполнительность. За веселый характер.

Илья и Ганя подходят.

- Где Стунжас?

Тишина такая, что кажется, слышен шелест зависших перед глазами снежинок. Наконец Бочаров отвечает:

- Погиб...

Громыхая, по рулежной дорожке несется полуторка. В кузове - видно уже

- Шевчук. Подъезжает, прыгает через борт, подходит. Томилин смотрит в упор.

- Где Малолетко?

- Погиб...

Первый раз вижу растерянность в глазах командира.

- Дрались?

Молчат. И Бочаров, и Шевчук, и Хозяинов.

- Ну!

- Нет, - говорит Шевчук, - не дрались. Шли плотным строем. Не видели. А они сзади...

Побелел командир. В глазах боль, бессильный гнев. Дернулись губы. Громыхнул кулаком по плоскости "мига", сорвался на крик:

- Что вы наделали?..

Широко шагнул мимо ошеломленных, убитых горем людей, не разбирая дороги, пошел по кустам, к землянке.

...Штурмовой удар был на редкость удачным. Они сделали четыре захода и, оставив на дороге груды разбитых горящих автомашин, сотни трупов фашистских солдат, взяли курс на свою территорию.

Когда впереди засверкала зеркальная гладь Истринского водохранилища, ведомые Стунжаса вплотную подошли к своему командиру: справа Хозяинов, слева Иван Малолетко. Бочаров и Шевчук, составлявшие группу прикрытия, тоже сократили дистанцию, и пятерка МиГ-3 в красивом парадном строю понеслась над водой. В этот момент и налетели немецкие истребители.

- Будто меня толкнули, - говорит Ганя. - Я оглянулся и сразу

увидел пару Ме-109, атакующих справа сверху, и дымную трассу...

Все произошло в доли секунды. Факелом вспыхнул ведущий. Инстинктивно Ганя метнулся влево, туда, где шел Малолетко. Мгновение, и они бы столкнулись. Уходя от удара, Иван бросил машину вниз, в кроны деревьев...

- Доигрались, - сурово говорит комиссар эскадрильи. - А кто виноват? Сами. Предупреждали же вас, и Томилин, и Писанко.

Верно, предупреждали. Да и сами мы знаем, что при полете в плотном строю летчик видит только ведущего. Ему некогда осматриваться, следить за воздушным пространством. Особенно на малых высотах: близость земли настораживает, отвлекает от всего остального.

Но так уже принято в авиации: гордость, радость, восторг - результат успешного вылета, победы в бою, летчик всегда стремится выразить чем-то таким, что выходит из рамок обычного, что обостряет чувства.

Возвращаясь домой с боевого задания, мы нередко проходим сомкнутым строем над окраиной города, над Ленинградским или Волоколамским шоссе, "крутим" восходящие бочки над аэродромом, самолетной стоянкой. И вот "докрутились"...

- Ох, и накажет нас Писанко, - вздыхает Шевчук, - и за дело.

- Едва ли, - говорит комиссар Акимцев, - больше, чем вы наказали сами себя, уже не накажешь.

Прав комиссар: командир полка понимал, что даже самое строгое взыскание ничто в сравнении с той бедой, что свалилась на нашу эскадрилью. Летчики допустили ошибку и расплатились за нее кровью.

Но командир понимал и другое: гибель людей на войне неизбежна. Пройдет какое-то время, и летчики, помня всю жизнь Малолетко и Стунжаса, быстро забудут о том, что послужило причиной их гибели. И опять начнутся бреющие полеты над Подмосковьем, восходящие бочки и боевые развороты над самолетной стоянкой. Чтобы упредить очередную беду, Писанко издал приказ.

Много я видел потом приказов - "разгромных", поощрительных, перспективных, итоговых. Умных приказов, целенаправленных. Но таких, как этот, никогда не встречал. Этим приказом командир разрешал каждому летчику, в случае, не терпящем отлагательства, объявлять тревогу дежурной группе, поднимать ее в воздух... И узаконил для нас сигналы. Но какие сигналы! Бреющим над стоянкой пройдешь - поднимешь дежурную пару. Выполнишь горку - поднимешь звено. Сделаешь боевой разворот - взлетит эскадрилья.

- Вот это приказ! - сказал Бочаров. И действительно, что еще

можно сказать? Одно дело - просто пройти над стоянкой без всяких, как говорят, осложнений, и другое - поднять по тревоге пару, звено. Это уже не шутка, здесь отвечать придется. И не просто так, на словах или морально, а по закону военного времени. Поднимешь дежурную группу ради эффекта, а потом, когда она начнет заправляться, появится враг, посыпятся бомбы. Баловство обернется штрафным батальоном, а то и похуже.

Так, одним росчерком пера "батя" прекратил наши вольности.

- Государственный ум, - комментирует Ганя, ставя подпись на поле приказа, - я бы до такого сто лет не додумался.

- Отныне летаем в составе пар, - резюмирует Томилин. - Это во-первых. Во-вторых, надо отказаться от прямолинейных полетов. Полет по прямой - это смерть. Надо всегда маневрировать. Высотой, скоростью, курсом. Видели, как "мессершмитты" летают? БУДТО стрижи. И нам так же надо. А то мы как бомбовозы...

Я стараюсь настроить себя на воинственный лад, но перед глазами стоят мои боевые товарищи, которых никогда не увижу: Федя, Сережа и Николай Ульянович Стунжас. И сердце сжимает тоска.

А Малолетко, как мы вскоре узнали, остался в живых. Ему повезло: МиГ-3 оказался очень выносливым. Он пронесся, ломая деревья, метров пятьсот. Мотор, хвостовое оперение, крылья - все отлетело и все разрушилось. А кабина осталась. Ее монолитность спасла нашего друга. Очнувшись на третьи сутки, Иван обнаружил в кабине ракетницу, начал стрелять. Из деревни пришли мальчишки и забрали его с собой.

Летом 1942 года Малолетко вернулся в полк. С полгода работал в штабе. Тем временем подлечился, окреп, и медицина пошла на уступки, допустила его к полетам. Но Иван у нас не остался, попросился на фронт, не мог примириться с тем, что лечился в самое горячее время. "Вы воевали, а я отдыхал", - сказал он прощаясь.

На Центральный аэродром прибыли двое наших товарищей: младшие лейтенанты Пантелеймон Шпак и Василий Голышев. Их не было с нами три месяца. Они сидели в засаде, на малоизвестной точке возле Калуги. Охраняли сам город, мосты через Угру, элеватор и станцию, не пропускали фашистов к Москве.

Они улетели еще из Алферьево в конце июля, после того, как немцы стали летать на столицу не только ночью, но и в светлое время. Звено возглавлял Павел Набатов. Командир там и остался, а летчики возвратились. Они прибыли только вчера с точки, расположенной километрах в ста отсюда. А сегодня пришли к нам

в эскадрилью рассказать, как воевали, как жили.

- Командир, очевидно, прислал, - смеется Шевчук, - сами разве бы догадались.

- Конечно, не сами, - в тон ему отвечает Шпак, - мы люди с понятием: ученых учить - только портить.

Сказал и осекся, вспомнив, какие теперь мы "ученые". Виновато пожал плечами: извините, дескать, друзья, обидеть вас не хотел. И начал рассказывать.

Точка была необжитой, вернее, заброшенной, поэтому сначала приехали техники, подготовили место посадки, потом прилетели летчики. Собравшись все вместе, два дня приводили в порядок рабочую площадь, загроможденную строительным мусором, бункерами песка и земли, а на третий по приказу Москвы поднялись навстречу фашистам.

Шпак первым взлетел, первым увидел врага, первым пошел на сближение. Так получилось: на точку прислали только один автостартер, и в минуту тревоги он оказался у шпаковской "Чайки".

Девятка "юнкерсов" приближалась к Калуге. Три звена в строю "клин": одно впереди, два - по бокам. Клин - лучший для огневого взаимодействия строй. И верно, откуда ни подойди, обязательно влезешь в огонь. Подойдешь сбоку, сначала тебя обстреляет звено, которое ближе - правое или левое, а вслед за ним - головное. Пойдешь в середину боевого порядка, чтобы добраться до флагмана - попадешь под огонь всей девятки. Шпак невольно поежился. Не шуткапервая встреча и такое несоответствие в силах. Что же делать? Немцы уже приближались к окраине города, и решение созрело само по себе: атаковать, не дать прицельно бомбить. И Шпак ринулся в атаку.

Но бомбовозы, несмотря на огонь, продолжали идти грозно, упорно, не шелохнувшись. Только воздушные стрелки бесновались: пули роем вились вокруг шпаковской "Чайки". "Встали на боевой курс", - догадался летчик и оглянулся назад. Товарищи спешили на помощь, но они могли опоздать. И тогда Пантелеймон пошел напролом - ворвался внутрь боевого порядка фашистов и, стреляя, начал бросать самолет то на одну машину врага, то на другую. Строй фашистских машин смешался. Подоспевшие Набатов и Голышев тоже открыли огонь, и немцы не выдержали. Первым, не достигнув цели, сбросил бомбы и сразу пошел в разворот флагманский "юнкере". Это послужило сигналом для остальных.

Прежде чем звено "Чаек" зашло на посадку, дежурный соседней воинской части принял телеграмму из города: "Дорогие соколы! Мы наблюдали ваш беспримерный бой и гордимся вашей отвагой, мужеством, храбростью. От имени трудящихся города районный комитет партии и исполком Калуги объявляют вам благодарность и сердечно желают боевых успехов в борьбе с ненавистным врагом. Спасибо вам, дорогие наши защитники".

Телеграмму на аэродром засады привез командир соседней части, майор. Вместе со своим комиссаром он поздравил пилотов с победой, затем спросил:

- Что вам нужно, товарищи? В чем нуждаетесь? Все для вас сделаем.

Летчики пожали плечами. Что им нужно? Одеты, обуты, сыты. Горючего вдосталь, патронов тоже. Шпак посмотрел на машины, закрытые молодыми деревцами. Листья уже завяли, свернулись, сквозь ветви виднелись контуры "Чаек".

- Помогите заменить маскировку, - попросил он. - У нас не хватает людей, некому съездить в лес. Командир улыбнулся:

- Маскировка будет, считаю это своей заботой. - Он посмотрел на людей, запыленных, уставших, на белые узоры соли на их гимнастерках. - Чтобы еще такое сделать для вас?..

Построим вам душ. Завтра будете мыться.

Как сказал, так и сделал.

А они снова схватились с девяткой "юнкерсов" и снова принудили их сбросить бомбовый груз на подступах к Калуге. И опять тем же приемом: кто-то первым врезался в строй...

- Через несколько дней, - вспоминает Василий Голышев, - мы решили обобщить опыт первых воздушных боев.

Я представляю тот вечер. Солнце на горизонте. Косые длинные тени от закрытых ветвями машин достают до палатки, обтекают ее, упираются в бункер земли. Тишина. Набатов посмотрел на часы.

- Начинай, - разрешает он Шпаку, - только по делу, без трепа.

Мне вспоминается Клин, общежитие летчиков, вечерние построения, проверки. Вспоминается Павел Набатов, суховатый, всегда чуть-чуть недовольный. Он не очень любил своего подчиненного "за легкий характер", как он иногда говорил. И действительно, не было дня, чтобы Шпак кого-то не разыграл, над кем-то не подшутил. Сейчас время другое - война, Шпак неплохо дерется с врагом, но характер остается характером - по-прежнему любит побалагурить, рассмешить остроумной шуткой. Иногда и Набатов смеется, но сегодня он очень устал и ему не до шуток.

- Понятно, - соглашается Шпак, - я по-серьезному. Как мы уже убедились, немцы летают только девятками. Вполне очевидно, так будет и завтра, и послезавтра... Мы убедились, что скорость у "Чаек" мала. Маневрировать сзади цели, не имея запаса скорости, глупо. Собьют.

- Что предлагаешь? - спрашивает командир звена. Он не любил длинных выступлений.

- Совершенствовать тактику психической атаки... Набатов и Голышев переглянулись: что, дескать, за тактика, откуда он взял? А Шпак продолжает:

- То, что мы уже делали. Врезаться в строй, стрелять, маневрировать. Вернемся домой расскажем. Может, кому пригодится.

- Разумно, - подумав, сказал Набатов. Согласился и Голышев.

А как еще можно использовать маневренность "Чайки", последнее преимущество устаревшего истребителя в бою с современным бомбардировщиком?

Однажды немцы пришли не девяткой, как ходили обычно, а в составе звена. Наши легко их разогнали, но они опять пришли в составе звена и вскоре стали ходить только малыми группами. Драться стало полегче, но летать приходилось больше: звенья шли одно за другим с небольшим временным интервалом.

Так продолжалось несколько дней. Но вот к телефону

позвали командира звена. Набатов послушал, ответил: "Подумаем". Положив телефонную трубку, сказал:

- Перехитрили нас немцы... Вчера после воздушного боя, пока мы готовились к вылету, группа прошла на Москву. - Оглядев насторожившихся летчиков, добавил решительно: - Тактику придется менять.

Стали летать не тройкой, а по одному. Летали с утра до вечера. Ели, можно сказать, на ходу, нередко прямо в кабине. Казалось, этому не будет конца. Так прошел август, наступил сентябрь. В сентябре немцы решили разбомбить аэродром. Разведчики, "нюхая" воздух, ходили буквально над точкой, но ничего не увидели. Вероятно, искали полк, а не три самолета, укрытых обыкновенным кустарником.

Наконец им удалось обнаружить аэродром, но ложный, расположенный в пяти-шести километрах от основного. Шпак, Набатов и Голышев впервые узнали, что такое бомбежка. Это случилось ночью. Сначала послышался тонкий, по-комариному ноющий звук немецких моторов. И Шпак сразу вспомнил 22 июля, когда немцы шли на Москву мимо Алферьева. Но теперь они шли не мимо, они приближались, заполняя ночную тишь своим характерным звоном.

- Братцы! Вы слышите? - тихо спросил он товарищей.

Проснувшись, Набатов вскочил с постели и бросился к выходу. "К нам", сказал он уверенно. Замерев возле палатки, летчики молча слушали небо. И лишь после того, как вдали колыхнулась земля, взметнулись фонтаны огня и черного дыма, Шпак, облизав пересохшие губы, поправил Набатова: "Не к нам, к соседям..." Так они называли ложную точку.

Немцы заходили три раза, и трижды тяжко стонала земля, трижды черно-багровые сполохи поднимались в черное небо. Огонь бушевал до утра, и Шпаку казалось, что это горит не мусор, облитый мазутом и маслом, а настоящие самолеты.

Утром на ложный аэродром поехал один из техников группы Цымбал. Вернувшись, он сказал:

- Поработали крепко. Настоящее землетрясение устроили.

Фронт приближался, и однажды девять вражеских бомбардировщиков пришли в сопровождении четырех истребителей. "Мессеры" шли левее и выше боевого порядка "юнкерсов". Тонкие, длинные, они не были похожи ни на одну из наших машин. "Будто хищные рыбы", - подумал Шпак, и душу кольнуло щемящее чувство тоски. Не от страха - от мысли, что немцы, несмотря на малый запас горючего, уже добрались до Калуги и, наверное, скоро дойдут до Москвы. Наши устремились в атаку, и бой начался, неравный, отчаянный.

Бытовало такое выражение у пилотов - "собачья свалка". Это когда дерется группа, и трудно понять, где свои, где чужие. И свои дерутся подчас, не видя друг друга. Это и есть свалка, клубок ревущих моторов, клубок изрыгающих огонь пулеметов. Так получилось в этом бою, длившемся четверть часа.

Бой прекратился внезапно, как и начался. У тех и других истребителей было на исходе горючее, а "юнкерсы" сбросили бомбы здесь, у Калуги.

После посадки, вспоминая подробности боя, ребята от души посмеялись: вот это потасовка была, вот это свалка! Шпак раскрыл "Железный поток" Серафимовича и начал читать о драке казаков с бойцами из войска Кожуха: "Ох, и дрались же! В морду, переносье, в кадык, в челюсть, с выходом, с хрустом, с гаком... И нестерпимый, не слыханный дотоле матерный рев над ворочавшейся живой кучей...".

- Умора! - смеялся Шпак. - Точь-в-точь описана наша драка с фашистами. Все правила тактики - по боку. Я под конец перестал управлять самолетом.

- Как перестал? - вскинулся Голышев.

- Да так, - продолжал шутить Шпак, - ручку держал левой рукой, а правой вытяжное кольцо парашюта. Ждал: вот-вот кто-нибудь протаранит.

- Как бы там ни было, а бой мы выиграли, - подвел итоги Набатов, фашистов не пропустили.

И верно, выиграли, немцев не пропустили. Больше того, сбили один Ме-109. Он упал и взорвался невдалеке от Калуги. Так сообщили бойцы поста ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи). А через несколько дней снова перехватили девятку "юнкерсов", шедших в сопровождении шести "мессершмиттов". И опять была свалка. И снова немцы впустую сбросили бомбы, а один "мессершмитт", хрястнувшись оземь, сгорел.

- Тактика - дело творческое, - сказал после схватки Набатов. - В двух последних боях хорошо оправдал себя новый прием. Будем применять его, совершенствовать.

В одном из воздушных боев Набатов погиб, и Шпак с Голышевым остались вдвоем. Потеря командира и друга потрясла их. Всю ночь они не сомкнули глаз. Вечером они не услышали привычное: "Братцы, отбой!", а утром - "Братцы, подъем!" Рядом с их койками стояла опустевшая койка Набатова...

Поступила команда: "Истребителей - в воздух!" Друзья побежали к машинам. Впереди - Голышев, высокий, прямой, как струна, за ним - Шпак. Василий внезапно остановился и, не терпящим возражения голосом, сказал:

- Командовать будешь ты!

И Шпак стал командовать звеном, вернее, парой. С этого дня они летали только вдвоем, ежедневно, с утра до вечера.

С течением времени усталость все больше давила на плечи, и небо, безбрежное, вечно новое, неповторимое в своих красках, постепенно утратило прелесть, стало душным и жарким даже в осенние дни. Раньше, лежа в постели после рабочего дня, они смотрели на звезды через открытый клапан палатки, говорили, вспоминая каждый свое, шутили. Теперь же, едва добравшись до койки, засыпали тревожным, не дающим облегчения сном.

Намотавшись, они "просили" у неба дождя или тумана, чтобы отдохнуть. И действительно, будто назло обстоятельствам, точку закрыло туманом. Небо ясное, а взлетать нельзя. Пришли немецкие бомбардировщики, и на станцию Воротынск посыпались бомбы. В бессильной злобе Шпак потрясал кулаками и отчаянно ругался.

Все чаще и чаще они вспоминали друзей из полка. Где находятся? Живы ли? Может, никого уже не осталось?

Вскоре к ним прилетела подмога. Шпак и Голышев сидели в машинах: дежурили. Неожиданно донесся рокочущий нарастающий гул. Из-за леса выскочили три И-16, пронеслись над стоянкой, круто полезли вверх. За ними еще и еще. Воздух сразу наполнился гулом, громом и жизнью.

К шпаковской "Чайке" подошел немолодой уже летчик, представился:

- Командир эскадрильи капитан Тикунов, из-под Серпухова. - И уточнил отношения: - Ваша пара вливается в наш коллектив. Довольны?

Шпак протянул ему руку.

Через несколько Дней, насыщенных боевыми полетами, Тикунов построил свой небольшой гарнизон, приказал:

- Готовьтесь к отлету. Перебазируемся. "Отступаем", - угрюмо подумал Шпак и хотел было задать вопрос, уточнить. Очевидно, этот немой вопрос застыл в глазах и других пилотов, и Тикунов уточнил:

- Да, отступаем. Так приказала Москва. - И все успокоились: приказ есть приказ. А командир продолжил: - А сейчас все по кабинам! Будем дежурить, вылетать наперехват самолетов противника. После боя - посадка на аэродроме...

Дежурить пришлось недолго. В соседней с аэродромом деревне громыхнули орудийные выстрелы, на дорогу, ведущую к летному полю, вышел немецкий танк и начал стрелять по взлетающим "Чайкам".

Дни огневые

В перерыве между полетами в штабе полка собрался партийный и комсомольский актив. Приехал начальник политотдела 6-го авиакорпуса полковник Михаил Полищук. Он рассказывает о работе тружеников тыла, о положении войск на фронтах, о том, как дерутся с врагом наши товарищи, летчики соседних полков: Иван Голубин, Герасим Григорьев... Правдивое, душевное слово трогает, вселяет уверенность в собственные силы. Хорошо, что политработники используют любую возможность, чтобы поговорить с людьми.

После беседы в штабе полка остались члены партийного бюро.

- У нас сегодня торжественный день, - говорит секретарь партбюро, батальонный комиссар Киселев. - В члены партии принимаем лучших наших товарищей, заслуженных летчиков.

Киселев начинает читать заявление Аркадия Михайлова: "Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). В дни Великой Отечественной войны я хочу бороться против банд фашистских захватчиков, будучи в рядах Коммунистической партии. Я обязуюсь..."

Голос Киселева тонет в грохоте взлетающих "илов". Секретарь умолкает. Это же здорово, что столько машин идут на боевое задание! Все повернулись к окнам. От могучего рева "ильюшиных" дрожит штабная изба. И то, что в этой фронтовой обстановке секретарь не может читать, не уменьшает торжественности момента, наоборот, еще больше возвышает его. Но вот прогремел последний, ушедший в небо Ил-2, и Киселев продолжает читать: "Я обязуюсь честно и добросовестно выполнять все задания партийной организации. Если потребуется отдам жизнь за дело партии Ленина, за нашу любимую Родину".

- Молодец, Аркадий Григорьевич, - говорит Полещук. И все понимают, за что похвала. За хорошее слово, за великое мужество. - Наслышан о ваших боевых делах...

- Эскадрилье "Чаек" предстояло нанести штурмовой удар по мотопехоте противника, вклинившейся в нашу оборону в районе Солнечногорска. Прорвавшись сквозь огонь зениток, летчики вышли на цель, атаковали ее и замкнули круг.

Риск? Безусловно. Что может он сделать на своей тихоходной машине, если нападут истребители? Но сейчас не время считаться с риском. Враг под Москвой, его надо остановить во что бы то ни стало. Каждая пулеметная очередь, каждый снаряд - в сердце врага.

Михайлов выбрал цель для атаки - скопление техники и, бросив туда пару "эрэсов", удовлетворенно отметил точность

удара. Развернулся, атаковал еще раз, выпустив сначала снаряды, потом длинную пулеметную очередь. Выходя из атаки, оглянулся назад: пара Ме-109 уже заходила в атаку.

Оборонялся отчаянно, постепенно оттягивая бой на свою территорию. Но вот уже кончился боекомплект. И горючее на исходе. А враги наседают. Последние километры до полевого аэродрома Аркадий шел уже по прямой, потеряв способность сопротивляться: поврежденный мотор дымил, работал с перебоями, грозя заглохнуть окончательно. Искалеченная снарядами "Чайка" едва держалась в воздухе: она ежеминутно могла сорваться в штопор и похоронить летчика под обломками. Сесть нельзя - внизу лес. Выпрыгнуть с парашютом тоже нельзя - не было высоты, а набрать ее уже совершенно невозможно.

Один из истребителей приблизился к самолету Михайлова справа, поднял руку и, злорадно ухмыляясь, осенил его крестным знамением. Могила, дескать, тебе с крестом... Всегда спокойный, невозмутимый Михайлов не выдержал, сорвал с руки меховую крагу и в бессильной злобе швырнул в фашиста...

- Только потом вспомнил, - смеялся Аркадий, - что в кабине была увесистая ракетница.

А "мессер", качнув плоскостями, отвалил для последней атаки.

Одинокую "Чайку", преследуемую вражескими истребителями, с аэродрома увидел летчик Иван Калабушкин. Он взлетел и отсек "мессеров" от самолета Михайлова.

Едва перевалив верхушки деревьев, Аркадий с ходу пошел на посадку. Шасси не выпустились. Мотор остановился. Земля надвигалась под очень большим углом. Единственное, что успел сделать Михайлов - вырвал самолет из падения.

Инженер полка, осмотрев машину, сказал:

- Заменим винт, оба крыла, мотор, хвостовые рули, подремонтируем фюзеляж... Еще полетает.

Недослушав, Михайлов спросил:

- Хоть что-нибудь исправным осталось?

- Пулеметы, - сказал инженер.

- А колеса?

- Колеса целы, но покрышки побиты. Хорошо, что не выпустил шасси, мог перевернуться, сгореть...

- Утешил, - улыбнулся Михайлов, - а то я переживал, что не успел выпустить.

Лейтенант Александров пришел к самолету чем-то удрученный, подавленный. Воентехник второго ранга Николай Борискин доложил командиру экипажа о готовности машины к полету. "Чайка", которую он обслуживал вместе с мотористом

Василием Трофимовым, как всегда, была исправна и вычищена до блеска. Техник любил порядок, и это нравилось Александрову. Но сейчас хозяин машины заметил, что летчик не слышит его, что смысл доклада не коснулся сознания Александрова.

- Петр Иваныч, что-нибудь случилось? - тревожно спросил техник.

Александрова все называют уважительно по имени-отчеству. Невысокого роста, плотный, очень спокойный, он молча стоит напротив Борискина и смотрит куда-то вниз. Спохватившись, поднимает широкое, исключительной доброты лицо, снизу вверх смотрит на техника.

- Случилось, Коля... Мальчонка мой умер.

До прихода в наш полк Александров работал инструктором в авиашколе. Там и женился. В Клин приехал с женой и сыном. Увидев их вместе, помню, мы удивились: у него такое простое крестьянское лицо, а она - королева. Такая красивая. Потом, когда узнали его поближе, удивляться не стали: он всех покорил своим душевным обаянием.

Александрову двадцать шесть лет, но на вид он, пожалуй, старше. Неторопливый, немногословный, будто прирожденный командир-воспитатель. Прежде чем что-нибудь сказать - подумает, прежде чем сделать - взвесит. В полете Александров действует быстро, четко, решительно. Это он выручил Илью Бочарова над Волоколамском, когда его атаковала пара Ме-109.

В то время Петр Иванович уже был обстрелянным воином - успел повоевать в небе Ленинграда в составе 121-го истребительного полка. Как-то раз фашисты подловили Александрова в неравном бою, пришлось расстаться с машиной. Восемь дней бродил по немецким тылам. Товарищи считали его погибшим, а он пришел. И снова дрался с врагом, ходил на штурмовки. Потом вернулся в родной 120-й полк.

Разные бывают герои. Один совершает подвиг ярко, эффектно, и сразу имя и слава его начинают греметь: о нем говорят, пишут, его ставят в пример. Другой совершает подвиг неприметно, спокойно, методически выполняет нелегкий солдатский труд. Такой у нас Александров. Летит, куда бы его ни послали. Летит в любую погоду. Пока не разыщет врага, не вернется. Если надо, "обшарит" кусты и канавы. "Чайку" боготворит за высокую маневренность, называет ее балериной за то, "что может крутиться на месте. На одной ноге". А своего героизма не видит!

Никто не сделал столько штурмовок, сколько лейтенант Александров. Каждый удар его - только в цель, только на поражение. Но об этом он говорить не любит. Молодежь

раскричится, расхвалится после удачного вылета, а Петр Иванович смотрит на ребят и смеется. А потом начинает разбор вылета. И все его слушают с интересом: у него есть чему поучиться. Иногда пожурит, но только за дело, по справедливости.

...Смотрит лейтенант в крупные, тревожные глаза своего боевого друга, в лицо, слегка тронутое оспинками, смугловатое от природы и открытых ветров. Внимательно смотрит, будто ищет сочувствия.

- Умер мальчонка... Ранен был при бомбежке.

И вдруг суровеет. Нет больше во взгляде ни тепла, ни ласки. Сухо сомкнулись пухлые добрые губы.

- Кроме "эрэсов", надо подвесить большие бомбы. Действуй, Коля!

Это не положено - восемь снарядов и две бомбы по сто килограммов. Сможет ли "Чайка" подняться с такой нагрузкой? Поглядев на летное поле, Борискин успокаивается: взлет сегодня с "длинного" старта, а ветер довольно крепкий, благоприятный. "Хорошо, - думает техник, - хватит аэродрома для "Чайки".

Эскадрилья рулит на старт. Взлетает. Все нормально. Собрались, пошли. Техники, механики и мотористы прибрали стоянки и разошлись кто куда: здесь им нечего делать до возвращения летчиков. Только Борискин остался. Заботливый, беспокойный человек. Более ста безаварийных боевых вылетов обеспечил он с начала войны, за что получил поощрение от Наркома обороны и денежную премию три тысячи рублей. Не один десяток раз вылетал Александров на его самолете, и не было такой тревоги на душе. А сегодня не дает покоя беда командира. Как бы не случилось чего - в таком человек состоянии. Бродит по стоянке из конца в конец, нетерпеливо минуты считает.

Но вот "Чайки" появились на горизонте. Техники бегут на стоянку. Остановились, считают. Волнуются - одного самолета не хватает. В глазах беспокойство и надежда: "Может, не мой..." У Борискина замерло сердце, чувствует, нет в строю его командира. Одна за другой машины идут на посадку, рулят. Техники, механики, мотористы радостно суетятся, помогают летчикам зарулить "Чайки" на свои места, ставят под колеса тормозные колодки. Все. Боевая задача выполнена, начинается подготовка машин к повторному вылету.

А Борискин сидит на ящике из-под "эрэсов". Сидит неподвижно, окаменело, только глаза лихорадочно шарят по горизонту. И думы его там, откуда не вернулся Петр Иванович. Тяжело "безлошадному" технику, а какими словами выразить

горе, если он потерял боевого друга?.. "Может быть, ранен, - не теряет надежды Николай, - может, подбит? Это не так уж и страшно, лишь бы живым остался". И ловит себя на мысли, что летчики ни словом не обмолвились. Даже не подходили к нему. А ведь это бывает лишь в случаях, когда ничего не могут сказать, или не в силах произнести роковое слово...

Воображение рисует картины одну мрачнее другой. То видится командир сгоревшим, то в плену, на допросе, под пытками. А глаза техника все ищут по горизонту. Ищут, ищут. И вдруг находят... Сначала он не поверил. Но тут все закричали в радостном возбуждении:

- Идет! Идет!..

И тогда Николай поверил: да, это идет Петр Иванович. И с благодарностью подумал о людях. Они не подходили к нему, но тоже непрерывно искали взглядом, ждали, надеялись.

Моторист Трофимов, добродушный и громоздкий туляк, расплылся в улыбке:

- Поднимайся, Митрофаныч! Наш командир идет. В арьергарде, елки-моталки! Гордись.

Но он не поднялся. Следил за подходящей к аэродрому машиной, наслаждался, чувствуя, как по жилам растекается хмель радости.

- Трофимов, дай закурить, - попросил у моториста.

- Так ведь ты не куришь, - удивленно ответил солдат.

Борискин неумело затянулся табачным дымом, закашлялся, бросил папиросу, потом, будто ничего не случилось, шагнул за черту стоянки и помог Александрову зарулить машину. Когда лейтенант спустился на землю, спросил:

- Как дела, командир? Как работала техника? - И, чуть помедлив, добавил: Что-то вы задержались...

Это стоило ему большого напряжения сил - так говорить. Спокойно, обычно, будто ничего не случилось, будто и не было мучительных переживаний. Зачем беспокоить воздушного бойца? Ему и так нелегко.

Александров задержался преднамеренно. Штурмуя в общем порядке, летчик ограничен в свободе маневра. Он может стрелять, только идя по прямой. Довернуться ни вправо, ни влево не может - помешает идущему сзади. Хуже того, "мессер" сразу встанет на место ушедшего. Поэтому все соблюдают порядок. Но такая штурмовка не умерила сердечную боль Александрова. Боль просилась наружу. Ему хотелось носиться над головами фашистов и бить с разворота, с прямой, в любом направлении, с любой высоты. Бить, бить, бить...

Выполнив боевую задачу, летчики пошли на свою

территорию. Александров не торопился, он пристроился в хвост боевого порядка и, пройдя четыре-пять километров, вернулся назад. Бомбы и пара "эрэсов" были в запасе.

- Все нормально, Николай Митрофанович. Замечаний по работе мотора и самолета нет. Оружие тоже исправно. Спасибо тебе, друг. - Летчик пожал руку технику, потом медленно, по слову выдавил: - Пришлось в воздухе задержаться дольше положенного... Я отплатил им, - кивнул на запад, - за сына. Сполна отплатил.

Косарьков очнулся под утро. Рядом слышались хрипы и стоны. Понял: он среди раненых. И сразу вспомнилось все. Несколько дней назад его боевое звено получило задачу.

- Полетите на помощь войскам и рабочим, обороняющим Тулу, - приказал командир полка.

Мы с беспокойством следим за событиями, развивающимися под Тулой: с ее падением танковая армия Гудериана рванется на Москву. Ожесточенные схватки за город идут с 31 октября. Радуемся, что полк тульских рабочих вместе с регулярными войсками, в том числе и танкистами, успешно отбивают атаки. 1 ноября уничтожено более полусотни фашистских танков, в ночь на 2 ноября - 40 танков и не менее 500 солдат и офицеров противника. 9 ноября наша авиация уничтожила 21 немецкий танк, 8 автомашин, до полка мотопехоты. Город стоит как крепость, лавины бронированных машин разбиваются о доблесть его защитников. В меру сил своих мы помогаем тулякам.

Звено Косарькова приземлилось на полевую площадку под Тулой. Перед взлетом с основного аэродрома Косарьков предложил совместить перелет со штурмовкой.

- Попутно нанесем удар, - сказал лейтенант. Командиру звена только что присвоили очередное звание. Ему, Бабенко, Томилину, Кулаку, Александрову, Писанко... Всем "старым" летчикам.

- Где же тут по пути? - Подполковник Писанко посмотрел на карту. Аэродром севернее города, а противник южнее. Вы лучше сделайте круг над точкой, посмотрите лучше, чтобы легче потом искать.

- Мы можем сделать иначе, - сказал Карамышев, - сядем на промежуточном аэродроме, дозаправим самолеты горючим и пойдем на штурмовку.

И командир полка согласился. Даже похвалил за смекалку.

Боевое звено бреющим прошло над героическим городом, и Косарьков покачал крылом, приветствуя его защитников. Врага искать не пришлось: автомашины, танки, войска на каждом шагу. Но и зениток хватает. Звено попало буквально в огненный ад...

С тех пор они летали с утра и до вечера, отдыхая лишь в то

время, когда техники готовили "Чайки" к очередному вылету. И все эти до предела уплотненные дни Косарькову казались сейчас одним долгим страдным днем. Все напряженные огневые полеты казались одним непрерывным полетом, а разрывы вражеских зенитных снарядов казались бесконечной стеной, в которой клокотала какая-то черная страшная сила..

Он вспомнил вчерашний полет, последний. Этот уже не входил в общую массу непрерывных и бесконечных. Косарьков помнил все до мельчайших подробностей. И особенно тот удар, вспышку огня и металла. И резкую боль. И бросок самолета. Казалось, в корпус машины ударила молния. Страшным напряжением воли, всех физических сил летчик вырвал самолет из падения. И только потом дошло, что "Чайка", несмотря ни на что, управляема, что она еще может лететь.

Косарьков полетел на север, в сторону города. Вскоре он увидел его. Но не таким, как обычно, а в красно-розовом мареве. Понял: еще немного, и он потеряет сознание. Решил: пока не поздно, надо садиться. Но под ним еще были фашисты. Он это видел по непрерывно мелькающим вокруг самолета огненным трассам. Ему даже казалось, что он не только видит-слышит посвист этих трасс. Потом все затихло, и под крыло побежали наши, защитного цвета машины, наши солдаты в шинелях серого цвета. Он увидел деревню, поле... и сразу пошел на посадку. И сел. Нормально, благополучно. На этом мысль обрывалась...

Теперь он в сознании. Спросил;

- Где находимся? Что будет дальше? Ему сказали:

- Эвакогоспиталь. Дальше - госпиталь в Павлове-Посаде. Там сделают операцию.

...День, второй, третий. Неделя, другая. Все, больше он не летчик. Как тяжело без ноги... Представил себя на протезе. Ужасно... И так неожиданно. Собьют, убьют - этого он не боялся: фраза "не вернулся с боевого задания" стала почти привычной. Миг - и нет человека. А тут другое. Есть ты, и вроде бы нет тебя.

Вчера завели разговор с соседом по койке. Длинный, пространный разговор. Каждый говорил о своем, мало заботясь о том, интересно ли это другому. Потому что каждому хотелось - бывает такое - высказаться. Танкист уже выздоравливал и надеялся в скором времени снова попасть на фронт, поэтому говорил о своих боевых товарищах, о том, как дрались они под Смоленском, как прикрывали отход пехоты. Рассказал о последнем бое под Истрой, после которого он и попал сюда, на госпитальную койку.

И Косарьков говорил о своем: о штурмовках, разведках, схватках с Ме-109. Забылся, увлекся. И вдруг, скрипнув зубами,

умолк. Больше ни слова. Молчит и танкист, ждет когда отойдет, оттает душа человека. Не первый раз эти приступы отчаянной злости, мрачной подавленности. Тяжело лейтенанту, обидно. Летал - и вдруг не может ходить. А враг уже подошел к Москве. Там решается судьба народа и Родины. Однополчане воюют, а он - за бортом...

Две, а может, и три недели назад Косарьков спросил у танкиста:

- Посоветуй, Петро, что делать?

- О чем ты?

- О службе.

- Что советовать, ты же решил с друзьями. Действительно, вроде бы все решено. Косарькова нередко навещают его боевые товарищи: Цыганов, Михайлов, Даубе. Как-то раз был разговор о дальнейшей его судьбе. Виктор написал командиру полка: "Помогите... Без армии жизни не мыслю. Буду служить кем угодно". А потом помрачнел. Думал. Молчал. Товарищ понял его: не так-то просто спуститься на землю.

А спустился он безвозвратно: нога отнята полностью. "Выше уж некуда..." горько сказал Косарьков.

- Верно, решил, но... сгожусь ли? Армия - не дом инвалидов.

- Правильно, - подтвердил товарищ и, начиная сердиться, спросил: - Зачем это нужно - кривить душой? Хочешь, скажу, что кроется под этим "сгожусь ли?"

Виктор насторожился:

- Ну?

- Не можешь смириться с тем, что твои боевые друзья будут летать, а ты только ходить да и то на протезе, опираясь на палку. Они будут драться с врагом, а ты, как у вас говорят, "копаться в бумагах". И кто-то из них, забывшись, может однажды бросить тебе: "Оформи... Я сбил еще одного". Представляю, как это тебя затронет!

- Хватит! - не выдержал Виктор. - Хватит! И долго молчал, ко всему безучастный, от всего отрешенный. Потом, вроде бы извиняясь, сказал:

- Что же мне все-таки делать?

- Считать за счастье, если тебя оставят в строю. Дел для тебя непочатый край. Ты можешь работать в штабе, в политотделе и просто дежурить у телефона. И все это важно, все нужно. В этом - помощь боевым друзьям, посильный вклад в общее дело победы.

И Виктор повеселел. Он уже представлял себя в боевом коллективе. Он уже строил планы. Но дни бежали за днями, а ясности не было. Танкист успокаивал, а полковые товарищи говорили, что "в верхах" приказ еще не подписан. Беспокоясь,

Виктор постепенно терял сон, покой и надежду. Он остро завидовал другу танкисту и всем, кто залечив раны, снова уйдет на фронт.

- Надо иметь терпение, Виктор, - недовольно сказал товарищ. - Ты не один у командира полка и командующего. Они что, обязаны бросить все другие дела и заняться только твоим?

- Понимаю, - откликнулся Виктор, - но прошло уже две недели, как я написал письмо. А ведь я считаю не только дни, но и часы...

- Две недели срок небольшой. Впрочем, может, все уже решено. Когда приезжали твои друзья? Дня четыре назад? - Танкист приподнялся, глянул в окно. - Погода испортилась, они могут приехать сегодня.

И они приехали.

Открылась дверь, и на пороге появились Цыганов, Михайлов, Бабенко.

- Виктор, поздравляем тебя с внеочередным военным званием, - сказал Максим Цыганов.

- Ну, вот, Виктор Дмитрич, - радостно воскликнул танкист, - ты и догнал меня. Счастлив поздравить тебя со званием старшего лейтенанта.

- Нет, дружище, - смеется Максим, - он перегнал тебя. Поздравляй его с "капитаном"! Но это еще не все. Его назначили адъютантом эскадрильи и наградили орденом Красного Знамени.

Аркадий Михайлов сверкает белозубой улыбкой:

- Везет человеку!

У Виктора дрогнули губы, но он пересилил себя, сдержался, а когда друзья подошли и стали его поздравлять, тихо сказал:

- Как хорошо-то, братцы! Мы снова вместе. Даже не верится. Будто во сне...

Наша эскадрилья снова в полном составе. На место погибших товарищей встали другие: Николай Яхненко, Федор Сорокин, Анатолий Дубовой, Фидай Чурмантаев. Яхненко и Чурмантаев пришли из другой эскадрильи. Первый - высокий, красивый украинец. Второй - татарин, маленький, бледнолицый, с тонкими чертами лица. Фидай сразу же подружился с Ганей. Они дополняют друг друга: Фидай добродушный, подвижный, юркий, Ганя - неповоротливый, толстый, вспыльчивый.

Дубовой и Сорокин, как в свое время Сережа Рубцов, "дезертировали", совершили побег из тыла на фронт. Как они просили Томилича! Буквально ходили за ним по пятам. Лейтенант Дубовой среднего роста крикливый крепыш, временами теряя терпение, говорил Томилину:

- Вы не имеете права запретить мне воевать! Томилин, как это

ни странно, на крик не реагировал, отвечал очень спокойно:

- Разве я тебе запрещаю? Воюй на здоровье в другом полку. За кражу пилотов, - он кивал на Рубцова, - мне уже досталось.

А Сорокин, большой, рыжий, вытирая огромный в залысинах лоб, спокойно убеждал нашего командира:

- Возьмите... Я комсомолец. Если надо, умру за Москву.

Томилин внезапно раздражался, кричал:

- Идите вы к черту! Мне не нужны покойники, мне нужны летчики-истребители.

А потом согласился. И вот они с нами. Надо сказать, воюют неплохо. Участвуют в каждом вылете, смело, отважно дерутся с немецкими истребителями, бомбардировщиками, прикрывают "Чаек" во время штурмовок, штурмуют сами.

Характерно, что, окунувшись в боевые дела, каждый остался самим собой. Дубовой - беспокойным, крикливым. Сорокин, наоборот, никогда не повысит голоса, спокоен, как олимпиец. Ест за троих, спит за всю эскадрилью. Сон считает лучшей подготовкой к летному дню и к повторному вылету. Его любимое место для отдыха - стабилизатор МиГ-3, горизонтально расположенная, как крыло, деталь хвостового оперения. По тревоге удобно вставать: ноги спустил - и уже на земле.

Увидев однажды Як-1, Федя с любопытством осмотрел его, посидел в кабине и вполне серьезно сказал, что такой самолет ему не подходит.

- Почему? - удивился пилот.

- Высоковат стабилизатор, - пояснил Федя, - во сне упадешь, шею сломаешь.

Летчик смеялся до слез, потом сказал:

- Но Як-1 это машина, а МиГ-3, каждому известно, утюг. Я зайду тебе в хвост на втором вираже.

- На какой высоте? - спокойно спросил Сорокин.

- На тысяче метров.

Принципиальный вопрос. Федя обратился к Томилину:

- Разрешите проучить невежду.

Томилин понял это как надо и, приняв решение, позвонил командиру полка. Писанко согласился и сам вышел посмотреть на поединок. Бой был коротким. Истребители дважды сошлись в лобовой атаке, и Федя дважды был победителем. Писанко сделал вывод:

- Грамотность в сочетании с недюжинной силой вполне компенсируют невысокие маневренные качества самолета.

Правда, после этого боя под самолетом Сорокина оказалась лужа из трех компонентов: бензина, антифриза и масла. Соединения систем самолета не выдержали той перегрузки, с

которой пилотировал наш богатырь Федя Сорокин.

Снова неприятность. Командир эскадрильи Кулак опять приземлился с "эрэсами". Не сбросились. Что ни делал, остались под крыльями "Чайки". И воентехник второго ранга Павел Тиосса снова держит в руке сгоревший предохранитель и молчит. А что говорить? Более месяца с машиной комэска творится что-то неладное. Когда надо сбросить "эрэсы" залпом, они летят одиночно. Когда надо сбросить по одному, срываются с направляющих залпом. Было и как сегодня: возвращались на стоянку все восемь. Висят и все. А начни проверять электропроводку, могут сорваться и ахнуть где-то за городом. И такое было однажды.

Что только Тиосса ни делал: до последнего винтика разбирал-собирал свою "службу" на этой "Чайке"; не меньше ста раз за месяц "прозвонил" систему проводки. И все было нормально, никаких отклонений. Электросигнал неизменно поступал на подвесную систему "эрэсов", и контрольная лампа светилась устойчиво, с постоянным накалом.

Тиосса смотрел на электросбрасыватель, совмещая его рычажок с отметкой "один", нажимал на боевую кнопку - и сигнал поступал, как положено, на один реактивный снаряд; переводил рычажок на отметку "два" - и сигнал поступал сразу на два "эрэса". И так же на три, на четыре, и так же на восемь.

- Законно, никаких отклонений, - говорил воентехник инженеру полка Демидову, шефу по службе.

Инженер соглашался. Он верил Тиоссе, лучшему специалисту полка, знатоку электросистем, человеку завидной работоспособности, глубоких технических знаний. Соглашался и выпускал машину в полет. И все получалось нормально. День, два, три. Снаряды летели в цель в количестве, заданном летчиком. Павел ходил героем. Так минула неделя, и вдруг... Тиосса снова молчал, не смел поднять глаза на комэска. Кулак уходил недовольный, электрик забирался в кабину, ложился спиною на пол и опять проверял. Сначала. В который раз.

Техник самолета Василий Буров запускал мотор, стоя на плоскости, работал сектором газа, увеличивал, уменьшал обороты. А Павел, лежа под приборной доской, отклонял жгуты проводки то вправо, то влево, то вниз и все время с нажимом, с натягом, имитируя перегрузку в полете. Под машиной сидели его помощники, сержанты Владимир Макаров и Александр Венеровский, по команде нажимали на кнопки, контакты. И все было нормально...

- Качайте машину, - кричал им Тиосса. Они брали "Чайку" за крылья, качали то вверх, то вниз, тянули взад и вперед. Трясли.

На малых оборотах мотора, на средних, на максимальных. По команде Тиоссы мотор выключался, и все начиналось сначала...

- Больше не знаю, что делать, - докладывал он инженеру, - пусть командир слетает, попробует.

- Посмотрим еще, - - говорил инженер.

И проверял сам.

Перед полетом Тиосса просил Кулака:

- Товарищ лейтенант, возьмите запасной предохранитель. На всякий случай...

Кулак, исключительно терпеливый человек, молча протягивал руку, брал. И что-то пытался делать в полете. А несколько дней назад, приземлившись после штурмовки, большой, грузный, неторопливый, подошел к технику, молча взял за рукав и повел.

"Куда? И зачем?" - думал Тиосса. Прошли по стоянке от штаба второй эскадрильи к штабу полка, встали у старого тополя, и командир эскадрильи спросил:

- Ты видишь сук?

- Какой? - Тиосса недоуменно посмотрел на комэска.

- А вон, что внизу, самый толстый.

- Вижу, а что?

- Если "эрэсы" еще раз не сбросятся, можешь добровольно повеситься на этом суку.

Конечно, то была шутка. Командир что-то хотел добавить, но лишь безнадежно махнул рукой и молча пошел от машины. И снег неприятно скрипел под унтами.

Это было несколько дней назад. И вот опять неприятность...

- Отстраняю самолет от полетов, - сказал Кулак. И это прозвучало как приговор не только Тиоссе, но и инженеру полка Демидову.

Обычно, когда с самолетом что-то неладно, инженер, а не летчик, отстраняет его от полета. А тут случилось наоборот. Такого еще не бывало: летчик сам отстранил машину от полетов. Да какой еще летчик! О таких говорят: "Он и на бревне полетит, если к нему приделать мотор".

- Отстраняю, - повторил командир эскадрильи, и как бы в свое оправдание сокрушенно добавил: - Иначе нельзя. Представьте себе: "эрэсы" сорвутся, когда я рулю на стоянку. Сметет всю эскадрилью...

Кулака уже не было, когда к самолету пришел Демидов. Взглянув на Тиоссу, все понял.

- Опять? - вскричал он.

Виртуозно бранясь, сорвал с головы ушанку и с силой ударил о землю. А Тиосса вдруг рассмеялся.

- Ты что? - оторопел инженер. - Рехнулся?

Нет, он не рехнулся. Он вспомнил, как Демидов в разное время года дважды уже, замысловато ругаясь, бросал оземь сначала пилотку, потом фуражку. А теперь вот ушанку шмякнул со всего размаха.

Первый раз это было в Алферьево, летом. На машине Виктора Косарькова почему-то "забарахлил" указатель скорости. Наблюдательный летчик сразу заметил, что скорость не соответствует оборотам мотора. Отклонения были в сторону уменьшения. "Надо учесть при посадке", - подумал Виктор, но, планируя, вдруг обнаружил, что садится с большим перелетом. Ушел на повторный заход. Потом еще один раз: было как-то не по себе идти на посадку со скоростью значительно меньше обычной.

После посадки Тисса проверил прибор. Он оказался исправным. Проверил еще никаких отклонений.

После очередного полета пришлось заменить прибор. Однако и это не помогло. А инструментальный способ проверки каждый раз подтверждал: система исправна.

- Может, размонтируем трубку "Пито"? - предложил воентехник.

- Давай, - махнул рукой инженер.

Размонтировали. В динамической полости трубки оказалась... засохшая муха.

- От жары спасалась, - пошутил Павел Васильевич и облегченно вздохнул.

А инженер сорвал с головы пилотку...

Второй случай был посерьезнее: произвольно стреляли "эрэсы". Это было еще до штурмовок, когда мы прикрывали мосты, города, железнодорожные станции, когда новое оружие только еще начинали осваивать. Перед полетом, как и положено, проверялась правильность подвески снарядов, исправность электросистемы и так далее. И однажды во время проверки снаряды почему-то сорвались. Будто раскололась вселенная - такое впечатление. Ужасающий металлический скрежет, огонь, клубы взметнувшейся пыли. Мы еще не слышали этого. Вообще-то, как потом оказалось, взрыв одного снаряда оглушает больше, чем бомба, а тут-залп из восьми. Взорвались они над летным полем, не выше тысячи метров.

Мы не сразу поняли, что случилось. Но все обошлось хорошо, без жертв. Отделались, как говорят, легким испугом. После этого был разбор, инженеры написали инструкцию, изучили ее с личным составом, приняли зачеты. И вдруг через несколько дней "эрэсы" опять сорвались с направляющих балок...

- Новое рождается в муках, - сказал командир полка, а после

издал приказ. Если за первый случай инженеру Драницину, главному оружейнику части, и инженеру по электроспецоборудованию Демидову пришлось покраснеть, то теперь им досталось по "самое некуда". А через несколько дней от залпа восьми "эрэсов" снова колыхнулась земля...

Это было в конце сентября. Демидов так швырнул наземь фуражку, что от нее отлетела кокарда.

А причиной срыва снарядов, как потом оказалось, были возникшие от сырости "мостики". Пыль, попавшая в систему контактов, увлажнилась, стала проводником электричества, стала замыкать на массу...

- Так чего ты смеешься? - переспросил недовольно ДеАлидоа.

- Вспомнил муху и "мостики"...

- Да-а, - протянул инженер. - Сколько мучились, а причина - пустяк. Уверен, и сейчас что-то подобное.

- Возможно, - согласился техник, - но тем более это нам не к лицу.

И для электроспецслужбы второй эскадрильи наступили черные дни. Особенно для Тиоссы. Дело коснулось чести и репутации лучшего техника. Идет напряженная боевая работа. Дороги каждая бомба, каждый снаряд, каждая пулеметная очередь. Малейшая ненормальность в подготовке машин, опоздание с вылетом на одну-две минуты вызывают нежелательную реакцию всего коллектива полка.

Тиосса потерял сон, аппетит, покой. Задолго до рассвета, отдохнув два-три часа, идет на стоянку. Вместе с ним Александр Венеровский, Владимир Макаров и техник самолета Василий Буров. Гоняют мотор, качают машину с крыла на крыло, жмут на контакты... Ищут и не находят. Наступает утро, на стоянку приезжает весь полк, и Тиосса вместе со всеми готовит машины к полету, выпускает их в воздух. Потом, пока они не вернутся, ищет неисправность... Встречает, провожает, ищет... После рабочего дня - хлопочет ночью.

Приехал инженер из вышестоящего штаба. Посмотрел, покопался в машине и уехал ни с чем.

Павел отошел от стоянки, сел на пенек. И сразу полезли в голову мрачные мысли. Вспомнил красу-Одессу, могучий Днестр, родную Беляевку на берегу реки. Вспомнил мать, отца, младших сестер и братьев. Что с ними? Там сейчас немцы... Задумался так, что не слышал, как подошел Тотерин, летчик второй эскадрильи, комсорг, хороший, душевный парень.

- Что, дружище, печалишься? Поднялся Павел.

- Плохи мои дела, Николай. И на родине плохо, и здесь вот, с машиной.

Молчит Тетерин, не утешает. Самому нелегко. Жена у него, детишки. Одному около года, другому - два. Куда-то эвакуировались, а писем все нет и нет.

Ходят друзья по лесной опушке туда и обратно. Молчат. Думают. Коля скоро получит письмо и потом будет получать их одно за другим. А Павел долго не будет знать, что и как там, в родной Беляевке. Позже, когда немцев отбросят за Днестр, получит печальную весть, узнает как фашисты зверски убили его отца...

- Ты почему на земле? - спрашивает Тиосса. - Все улетели...

- Командир отобрал самолет, - отвечает Тетерин.

- Как так?

- А на чем же ему летать, водить эскадрилью? То у меня отберет, то у другого. Так и летает.

И Павел сразу заторопился:

- Извини, Николай, пойду... Надо искать неисправность.

Пятый день на исходе. Техник чертит принципиальную схему электропроводки. Аккумулятор, общий предохранитель сети, за ним идут разветвления: пять отдельных цепочек. В каждой - автономный предохранитель, вилка, розетка, проводнички, идущие к своим потребителям. А в общем паутина - система хитросплетений, при виде которой у неискушенного человека зарябит в глазах.

Тиосса вооружается лупой, тончайшей отверткой, начинает детально, скрупулезно, упрямо исследовать всю систему. Работает днем, вечером, при свете переносной лампы. Работает один. Помощников отправил со стоянки - они бы только мешали.

И вот, наконец, победа. Он нашел неисправность. Как ни странно, она оказалась, в системе... освещения компаса. А если точнее - в розетке. Кончик проводки оголен больше чем нужно. Невооруженным глазом это даже не видно. А увидев, не сразу можно понять, что причина именно в этом. Чтобы такое понять, нужен аналитический ум.

Что получалось? Обнаружив наземную цель, летчик вводил машину в пике. Выпустив один или пару снарядов, резко с большой перегрузкой выводил ее из пикирования. Сила инерции тянула вниз систему жгутов. Оголенный участок проводника, подаваясь назад, касался крепящей гайки, получалось короткое замыкание, общий предохранитель сгорал, отключалась цепочка электросброса - и снаряды оставались под крылом.

Когда Тиосса нашел неисправность, на исходе были шестые сутки...

Мы наступаем

Пятое декабря 1941 года. Позавтракав, идем на стоянку. Это вошло в привычку - с утра навестить свой самолет. Мало ли что может случиться. С вечера он исправен, а утром, глядишь, не готов: то вода потечет, то масло. Самолеты не люди, не выносят чрезмерной нагрузки, стареют, скрипят. Столько летаем! И все на пределе скоростей, перегрузок. Во время каждой штурмовки неподалеку обязательно шныряют Ме-109, выбирают момент, как бы ударить. Тут уж на малых скоростях не походишь, все время надо быть начеку...

Мой экипаж у машины. Аникин закрывает ее чехлом.

- Товарищ командир, самолет к полету готов...

- Как настроение, - спрашиваю, - как отдыхали?

- Нормально, - отвечает техник. - Теперь нормально. Комиссару спасибо.

Вчера комиссар подсказал инженеру Сухинину дельную мысль: зачем всем оставаться на ночь для прогазовки моторов, если вполне управятся двое? С шести вечера до шести утра - двенадцать часов. Если

это время поделить на двоих, можно и поработать и отдохнуть.

- Люди должны отдыхать, иначе какие же из них работники.

- Каждый должен работать на своем самолете, - ответил инженер. - Это закон.

Акимцев спросил:

- Чеботарев, ты доверишь Аникину свой самолет?

- Доверю, - ответил Костя.

- А ты, Аникин?

- Любому, - ответил Иван, - свои же люди.

Довольный Акимцев заулыбался: что ни говори, а доброе дело сделать приятно. Сказал инженеру:

- Принимайте решение.

Главное, чтобы техники были согласны. А закон останется в силе - в воздух выпускает каждый свою машину.

Это было вчера. Сегодня за ночь все отдохнули и чувствуют себя совсем по-другому. Алписбаев смеется, говорит, что "сна карашо - настроение бодр".

Временные успехи врага никого не пугают. Однополчане твердо уверены, что даже при самых крутых поворотах судьбы Москва будет стоять до конца. На днях был митинг. Выступил Писанко. Командир не приукрашивал положение:

- Мы воюем в неимоверно тяжелых условиях. Войска фашистов обходят Москву с севера и юга. Силы неравны. На решающих направлениях враг имеет огромное превосходство в танках, орудиях, минометах...

Тяжело слушать такие слова. Но факт есть факт. Двадцать второго ноября немцы захватили Сталиногорск, Двадцать третьего - Клин и Солнечногорск, двадцать четвертого - Венев, двадцать седьмого - Истру. Гитлеровцы вышли к каналу Москва - Волга, заняли Михайлов и Серебряные Пруды, Рогачев и Яхрому, Красную Поляну и станцию Крюково...

Уму непостижимо - немцы в тридцати километрах от нашей столицы... Я помню Истру июльскую. Даже на фоне лесных массивов - будто оазис. Будто огромный декоративный парк. Издали, только по золотому блеску колоколен можно было понять, что это город. И только когда Истра под крылом, явственно виднелись белые чистые домики, ровные улицы. Теперь города нет, есть груда развалин...

Вспоминается домик Чайковского в Клину, на улице, названной именем композитора. Мы жили на этой улице, ездили мимо домика с тремя березами перед окнами. В начале мая была экскурсия. Нам дали огромные шлепанцы, чтобы не поцарапать пол. Мы сунули в них свои сапоги и ходили, осторожно ступая, по тихим уютным комнатам. Я помню огромный черный рояль, бюсты музыкантов, писателей. Думаю, что там сейчас, что наделали оккупанты?

Забегая вперед, скажу: я посетил домик Чайковского через несколько лет после войны и вновь увидел черный рояль, услышал тихую музыку. А о том, что натворили там немцы, прочитал в газете. Вот что писал писатель Евгений Петров: "Лучше бы я не приходил в домик Чайковского. То, что сделали в нем немцы, так отвратительно, чудовищно, тупо, что долго еще буду я вспоминать об этом посещении с тоской...

Стадо взбесившихся свиней не могло бы так загадить дом, как загадили его немцы. Они отрывали деревянные панели и топили ими, в то время как во дворе было сколько угодно дров. К счастью, все манускрипты, личные книги, любимый рояль, письменный стол - одним словом, все самое ценное было своевременно эвакуировано. Относительно менее ценное упаковали в ящики, но не успели отправить. Немцы выпотрошили ящики и рассыпали по дому их содержимое. Они топили нотами и книгами, ходили в грязных сапогах по старинным фотографическим карточкам, срывали со стен портреты. Они отбили у бюста Чайковского нос и часть головы. Они разбили бюсты Пушкина, Горького и Шаляпина. На полу лежал портрет Моцарта со старинной гравюры с жирным следом немецкого сапога. Я видел собственными глазами портрет Бетховена, сорванный со стены. Неподалеку от него немцы просто нагадили. Я не верил своим глазам. Я протирал их. Но ручаюсь своим

добрым именем - немецкие солдаты или офицеры нагадили на полу рядом с превосходным большим портретом Бетховена.

В одной из маленьких комнаток рядом с кухней немцы устроили уборную, то есть, вернее, использовали в качестве уборной пол этой комнаты".

Но вернемся к полковому митингу.

Выступление Писанко было коротким.

- Победа наша близка, - сказал командир. - Выдыхаются немцы. А мы набираемся сил. И скоро мы их погоним, товарищи. И как погоним!

Слово предоставили Василию Акимцеву.

- Я скажу о нашей Москве... В составе группы политработников мне довелось быть на заводах, в цехах, мастерских, говорить с москвичами. Они работают в крайне тяжелых условиях. Не хватает электроэнергии, топлива, металлических заготовок, сырья. Не хватает рабочих рук. Но город живет, трудится, борется...

Комиссар эскадрильи на секунду умолк, окинул взглядом стоящих в строю людей, затем продолжал:

- Вы знаете, кто стоит у станков, верстаков, сидит на рабочих местах? Старики, женщины, дети. Те, кто не мог уйти на войну. Они работают под девизом "Все для фронта! Все для победы". Люди делают оружие - минометы, детали к пулеметам и пушкам, взрыватели к минам, гранаты. Они ремонтируют танки, пушки, снаряжают бутылки горючей жидкостью... И все это на предприятиях, которые еще вчера никакого отношения к производству военной продукции не имели. Более девяноста процентов всей московской продукции идет на фронт. Для нас, товарищи. И народ уверен: Москву отстоим!

Выступали летчики, техники, младшие авиационные специалисты. И все говорили: "Москву отстоим!.." Говорили, словно клялись.

Все это было недавно - второго, а может, третьего декабря. Дни перепутались - столько летаем. Но пятое декабря - исторический день. Его нельзя перепутать с другими, хотя начинался он так же, как обычные будни войны.

Зачехлив самолеты, мы разошлись по своим местам. Техники - в технический домик, летчики - в летный. Пока не получили боевую задачу, надо поспать. Мы всегда досыпаем здесь, на стоянке. Ночи нам не хватает. Намучившись за день, долго не можем уснуть. Стоит только забыться, и сразу - кошмарный сон. Один и тот же. Меня сбивают зенитки, и всегда на большой высоте. На пылающей машине пытаюсь врезаться в скопление техники, и никак не могу - самолет сгорает раньше, чем достигает

земли. Я едва успеваю дернуть кольцо парашюта. И сразу кругом фашисты. Начинаю стрелять, но в пистолете задержка. Пытаюсь устранить ее, оружие рассыпается на отдельные части. Волосатые руки врагов тянутся к горлу. Просыпаюсь в холодном поту...

Сегодня ночью кричал Бочаров. Тихо, жутко, без слов. Я не выдержал, разбудил его. Он сел, опустил на пол босые ноги. Сидит, никак не придет в себя. А мне стало смешно. Спрашиваю:

- Наверное, в плен попал?

- Попал... А пистолет, как назло, дает осечку за осечкой.

- Нам снится один и тот же кошмар. Может, между нами Ганьку положим?

Бочаров улыбается шутке, но соглашается:

- Ладно.

Гане можно лишь позавидовать: не нервы у него - железные прутья. Спит при любых обстоятельствах. Поэтому бодрый всегда, веселый. Вот и сейчас берет патефон, заводит.

- "Деревенские ласточки"... Пусть пощебечут. Вы подремлете пока, а я послушаю.

И вот уже мерно дышит Бочаров, затихает Рубцов Сережа, поудобнее ложится Шевчук. Его рабочее место - на командном пункте эскадрильи, но поспать он приходит сюда. Там, говорит, уснуть невозможно. Как соберутся, так и пошел разговор: комиссар - о политике, командир - о тактике.

Тишина, только льется тихая музыка. И вдруг открывается дверь. На пороге посыльный.

- Шевчук и Рубцов к командиру!

Рабочий день начинается. Сонливость будто снимает рукой. Сережа и Толя быстро уходят. Мимо двери с шумом бегут механики, техники. Все ясно - пара сейчас пойдет на разведку.

В воздухе плотная дымка. Ее называют московской, промышленной. Дымка неотъемлемая часть неба столицы. Иногда она поднимается до трех-четырех тысяч метров. Снег" от нее становится черным вокруг Москвы. И только при сильном ветре небо столицы бывает чистым, прозрачным.

Сейчас дымка смешалась с дымом подмосковных пожаров. На высоте тысячи метров удушливый запах гари проникает в кабину, разъедает глаза. Но несмотря на это, разведчики идут на Истру. Они непрерывно меняют курс, сохраняя лишь общее направление, маневрируют по высотам, следят за пространством вокруг. Ничто не должно ускользнуть от зоркого глаза, ибо от Истры начинается разведка вражеских войск.

Здесь частенько шныряют Ме-109, прилетая, очевидно, с алферьевского или клинского аэродромов. Летают они, как правило, парами, стараясь перехватить наши бомбардировщики и

штурмовики, идущие на запад, или на обратном пути. В бой не вступают, делают только одну атаку и сразу уходят. Бьют неожиданно, когда наши считают себя в безопасности над своей территорией. Так они подловили Стунжаса, Малолетко...

Вот их-то, вражеских перехватчиков, и стараются увидеть наши разведчики, чтобы избежать встречи с ними: вступишь в бой - не выполнишь основное задание.

В трех-четырех километрах от Истры Шевчук и Рубцов обнаружили пару Ме-109. Они следовали курсом на юг, по дороге Истра - Звенигород. На фоне дымки и солнца им трудно было увидеть наших разведчиков, но чтобы не ошибиться и не попасть под удар вражеских летчиков, надо было проследить за их полетом.

Шевчук и Рубцов направились вслед. Заметили фашисты опасность или нет? Чтобы убедиться в этом, Шевчук решил имитировать атаку. Он добавил обороты мотору и устремился вдогон. Расстояние сокращалось с каждой секундой. Две тысячи метров. Полторы. Немцы шли спокойно.

Рубцову уже знакомо гордое чувство победы, на его счету несколько сбитых фашистских машин. Победы доставались ему нелегко. А сейчас "мессы" идут по прямой - подходи и стреляй. Не упускать же такую возможность. Обгоняя ведущего, Сергей несется вперед. Прежде чем нанести удар, по привычке, почти инстинктивно оглядывается - нет ли опасности. Есть: сзади еще одна пара Ме-109. Освещенные солнцем, они видны, как на ладони. Именно эти "мессы", прикрываясь лучами, пойдут в атаку. Вот почему первая пара - приманка проявляет буквально железную выдержку.

Боевым разворотом Шевчук и Рубцов выходят фашистам навстречу. Теперь "мессершмитты" несколько ниже и справа. Они заметались, оказавшись в явно неподходящих условиях, но поздно - Рубцов уже атакует, открывает огонь.

- Молодец! - кричит Шевчук товарищу, заметив, как желтоносый, вращаясь, падает.

Напарник сбитого, бросив машину вниз, рванулся вслед за ушедшей парой.

Развернувшись над Истрой, "миги" идут в направлении Крюково - станции Ленинградской железной дороги. Несколько дней подряд за эту станцию шли бои, а сейчас туда направляется мотопехота гитлеровцев. Увидев наших разведчиков, немцы бегут с дороги, прячутся под кронами сосен. "Ух, гады, сколько их поналезло", - слышит Шевчук голос ведомого по радио. У него буквально чешутся пальцы - так ему хочется бросить машину в пике, ударить из пулеметов по фашистским солдатам.

От Крюково курсом на северо-запад вышли на Истринское водохранилище, к населенному пункту Локотово, оттуда - на Солнечногорск, затем развернулись над озером и понеслись на юг, к Москве.

Где бы ни шли, всюду фашистская техника: танки, пушки, автомашины. На проселочных дорогах и большаках, на шоссе, в населенных пунктах, в лесу. Затаившаяся и на переходах, в движении. Живая, изрыгающая огонь и смерть, и мертвая - сожженная или разбитая. Местами разведчики проносились над кладбищами немецких машин. И Сережа Рубцов, простой воронежский парень, видевший своими глазами нужду конца двадцатых и начала тридцатых годов, участник комсомольских походов за бережливость, привыкший собирать хлебные крошки в ладонь, невольно подумал, что вся эта техника, эти машины, и те, что вчера еще были сильными, грозными, а ныне стали бесформенной грудой лома, и те, которым еще предстоит им стать - все это деньги, страшно большие ˆденьги, все это сила и пот человека труда, кем бы он ни был, в какой бы стране ни родился. И что вся эта военная техника по существу могла и должна быть не военной, а мирной, должна бы не жечь, убивать и давить, а ходить по мирным дорогам, по мирным полям и приносить не зло и смерть человеку, а только добро и радость.

- Не то еще будет! - услышал Сергей. Значит, Шевчук думал о том же, только немного иначе, и в душе с ним согласился: никто ведь не звал сюда фашистов, сами пришли, пусть на себя и пеняют.

- Обязательно будет! - ответил Рубцов ведущему.

Кое-где по ним пытались стрелять. Но не так-то просто попасть в самолет на предельно малых высотах, когда он несется не по прямой, а по ломаной линии, когда идет не параллельно дороге, по которой ползет колонна танков или автомашин, а пересекает ее в какие-то доли секунды.

Нет, мы не те, что были в начале войны. Теперь мы ученые. За нашей спиной уже не одна операция, не одно оперативное направление: Белый, Юхнов, Калуга, Тургиново, Серпухов, Тула, Солнечногорск... Четыре месяца схваток не на жизнь, а на смерть. Опыт нелегко достается. Полк значительно поредел, но мы научились бить фашистов. Геббельс кричит, что немецкие генералы стоят у ворот Москвы, что они наблюдают ее в полевые бинокли. Может, и верно, что наблюдают. И верно, что стоят у ворот, а войти вот не могут. Потому что каши встали живой, монолитной, нерушимой стеной.

Шевчук и Рубцов летят между Савеловской и Ленинградской дорогами. Им надо уточнить, не просочились ли немцы в район

Крюково, Алабушево, Чашниково, Красная Поляна - в район, прилежащий к Москве. С малых высот разведчики наметанным глазом проверяют населенные пункты, лесные массивы, кустарники. Ничего подозрительного нет. Затем они проходят на север. Кружатся над пунктами Икша, Яхрома, Некрасовский, Белый Раст. Вираж, второй, третий...

Под крылом все та же картина: дороги, деревни, поляны. И везде немецкая техника. Рубцов ее видит в каждом полете, она давно примелькалась. Но что это?.. Здесь что-то изменилось, стало иным, необычным. Однако Рубцов никак не уловит суть изменений.

А время идет. Сергей глядит на бензочасы - пора возвращаться. Нервы напряжены до предела. Что же случилось? Что? И вдруг... Он не верит своим глазам. Танки как танки, но куда направлены стволы их орудий? Автомашины как автомашины, но куда они смотрят моторами? От Москвы! На север!

Рубцов давно дожидался этой минуты, а теперь не верит. И действительно, в это трудно поверить. Если бы кто сказал, что немцы начали пятиться, что немцы отходят, а ему, Сергею Рубцову, это надо проверить и подтвердить, то было бы просто. А то ведь он первым заметил отступление немцев. Об этом надо докладывать. Он доложит подполковнику Писанко, тот генералу Сбытову. Командующий доложит Сталину...

А вдруг ошибка? Облизав пересохшие губы, Сергей глянул на стрелку бензиномера. Все! Надо идти домой.

И вот они на командном пункте полка.

- Вы не ошиблись, товарищи? - спрашивает Писанко.

- Немцы отходят, - отвечает Рубцов. Шевчук подтверждает.

- Повторите еще раз, - говорит командир полка. Рубцов, склонившись над картой, докладывает:

- Небольшая колонна автомашин и танков, выйдя из Белого Раста, нацелилась на север. К ней справа и слева, из леса полем выходят отдельные танки, фургоны, мотоциклы, штабные машины. Вторая колонна комплектуется на Дмитровском шоссе, севернее населенного пункта Икша...

- Шевчук, подтверждаешь?

- Подтверждаю.

Писанко смотрит на карту. Роняет:

- Посидите пока, - и тянется к телефону: - Прошу генерала Сбытова.

Коротко, четко докладывает результаты разведки.

На той стороне телефонного провода молчание. Время будто остановилось.

И вдруг вопрос генерала:

- Они не могли ошибиться?

- Нет. Это Рубцов и Шевчук.

- Знаю. Но лучше проверить еще раз. Чтобы не сомневаться. Докладывать пока подожду.

Писанко - летчикам:

- Поняли? Надо проверить. Вылет немедленный. Чтобы не тратить время, берите мой самолет и глебовский. Впрочем... - глянул на мощную фигуру Рубцова, с сомнением покачал головой, - ты не влезешь в мой парашют.

Сергей расплылся в улыбке, расправил плечи - любит, когда говорят о его атлетичности...

- Машины уже готовы, - успокоил командира Шевчук. - Мы были уверены, что получим такую команду, техников предупредили.

- Ну и отлично. Хвалю за догадливость, - басит подполковник. И сразу гасит улыбку. - В добрый час, товарищи.

Глядит, как быстро уходят Шевчук и Рубцов. В глазах тревожная возбужденность. Нелегко провожать людей на такие задания. А что, если в первом полете - ошибка? Крутит телефонную ручку.

- Томилин? Матвеич, эскадрилья знает результаты разведки?

- Только я и комиссар.

- Хорошо.

- Сомневаетесь?

- Нет. Верю твоим орлам. Иначе на доразведку послал бы тебя.

- Спасибо за доверие.

- Как они там? Вылетают? Выпускай и приходи ко мне. Потолкуем.

И вот они вместе.

- Меня беспокоит другое, - говорит командир полка, - как бы немцы не провели нас. Никак в толк не возьму, почему отходят без боя. Так лезли, и вдруг отходят. Что ты на это скажешь?

- Во-первых, они еще не отходят, а только готовятся. А во-вторых... Томилин недолго молчит. - Во-вторых, вот что скажу: Наполеон отступал из самой Москвы и тоже без боя.

- Поясни свою мысль.

- Охотно. Наступать здесь они больше не могут: выдохлись. Осталось одно: перейти к обороне. Вообще-то они уже перешли. Несколько дней сидят на старых позициях. А мы их бьем. И пехота, и танки, и артиллерия. Бьем в полную меру. В треугольнике Солнечногорск - Дмитров - Москва от нашей авиации стало тесно. Вы это видите каждый день. Надежно

прикрыть войска в этом районе немцы уже не в силах.

Томилин развивает мысль. У немцев всего лишь два аэродрома - Клин и Алферьево. А у нас их, если перечислить, пальцев не хватит. И на каждом бомбардировщики, штурмовики, истребители. И все бьют фашистов: бомбят, штурмуют. От этого, как известно, у врага сил не прибавится, скорее наоборот. И чем дальше, тем хуже: в дело вступает моральный фактор. А немецкие офицеры и генералы не дураки, они понимают, чем это может кончиться. Выход один уходить. Но зимой уйти не просто - снегу навалило по пояс. Значит, путь только один - по дорогам, по открытому месту. А что это значит? Представьте, идет колонна, налетают штурмовики - и техники нет. Далеко ли уйдешь на своих двоих! А сзади наша пехота, танки. Чего же еще дожидаться? Надо бежать, оторваться от наших войск, где-то собраться с силами, организовать оборону...

- Силен, стратег, - улыбается Писанко. - У кого это ты научился? У Акимцева?

- У вас.

- Что-то не помню, когда я так говорил... - Писанко озабоченно глядит на часы: - Размечтались... А что делают наши разведчики?

А разведчики дрались с Ме-109. Двое против восьми...

Выйдя к населенному пункту Икша и сделав вираж над все еще неподвижной вражеской колонной, Шевчуку и Рубцов стали кружить над лесными массивами. В это момент и появились фашистские истребители.

Сначала Рубцов увидел пару. С востока на высоте около тысячи метров наплывала плотная, но не толстая облачность. Из нее и вынырнули Ме-109. Вынырнул явно не вовремя, и Рубцов, чертыхнувшись в сердцах подошел к Шевчуку. Не теряя времени, скрылись в облаках. Через минуту-другую оказались над ними и сразу увидели группу вражеских истребителей - шесть Ме-109, идущих в лобовую атаку.

Это была ловушка. "Очевидно, - подумал Шевчук, - те, что остались внизу, сообщили о нас вот этим". Как летчик, он по достоинству оценил мастерский замысел немцев. Пары шли одна за другой на дистанции метров шестьсот. Причем, первая уже открыла огонь, и свернуть было невозможно.

Страшна лобовая атака, этот огонь в лицо. Пули несутся навстречу, бьют по крыльям, по фюзеляжу твоей машины. Но выдержать надо. Выдержать, не свернуть. Побеждает тот, у кого крепче нервы, у кого сильнее воля Надо взять машину врага в прицел и сбить. Или заставить его свернуть и успеть ударить по нему огнем своих пулеметов, когда он покажет тебе живот своего

самолета. В этом суть лобовой атаки.

На встречных курсах цель поразить нелегко; атака длится секунды. Иногда враги проносятся мимо, опалив друг друга дыханием смерти. Напряженность воздушного боя достигает предела. Летчики бросают в разворот свои самолеты, стремясь зайти в хвост машины противника. Исход боя решают несколько факторов: мастерство - кто лучше владеет машиной; физическая сила - кто энергичнее потянет ручку управления, кто больше создаст перегрузку; пилотажные качества самолета; и нервы, конечно, потому что гнуть самолет в дугу можно только тогда, когда чувствуешь свое превосходство, когда враг не страшен, а ненавистен.

Шевчук и Рубцов не могут бросить в разворот свои самолеты. Пойти в разворот, это значит дать возможность второй и третьей парам Ме-109 зайти в хвост "мигам", поставить себя в тяжелейшие условия боя Поэтому решение может быть только одно: идти по прямой, выдержать первую, вторую и третью атаки в лоб. Самую большую опасность представляет первая пара. После атаки на встречных она сразу пойдет в разворот, чтобы ударить сзади. Это случится в момент, когда вторая уже проскочит, а третья откроет огонь. Когда нельзя отвернуть.

Мысль, будто молния: надо ударить по ведущему. Пусть даже не сбить, а хотя бы слегка зацепить его самолет. На подбитой машине немцу будет не до атаки. И Шевчук командует:

- Бьем по ведущему!

Потом он рассказывал об этих тяжелых по своей напряженности секундах боя. Суть воздушной схватки в том, чтобы уничтожить противника. И я представил, как дымные трассы, несущие смерть, рассекают холодное небо, как стремятся они навстречу друг другу. И как стремительно сближаются самолеты. Фашистам надо хотя бы на время скрыть подготовку к отступлению, а нашим разведчикам раскрыть этот замысел, сделать его достоянием командования, чтобы наша пехота, танкисты и летчики положили бы здесь фашистскую армию, именно здесь - на дорогах, полях и в лесах Подмосковья.

Пули Шевчука и Рубцова зацепили машину фашиста. Он дрогнул, сделал попытку свернуть, однако, вспомнив, чем это может закончиться, удержал самолет на прямой. Но больше уже не стрелял. Разведчики были уверены, что сейчас он выйдет из боя и пойдет на северо-запад, на Клин, что напарник устремится за ним, будет прикрывать его. И точно, проскочив мимо нашей пары, немец осторожно, с креном десять - пятнадцать градусов развернулся в сторону Клина.

Теперь стало легче. Опасность удара сзади исключена. Вторая

пара Ме-109 уже не может так угрожать Шевчуку и Рубцову, как первая. Даже, если ее не заденут снаряды, она уже не успеет развернуться и выйти в хвост нашим разведчикам раньше, чем мимо них проскочит третья пара фашистов.

- Бьем вместе по правому! - командует Шевчук.

- Понял.

Снова в прицеле ведущий "мессер". Снова навстречу друг другу несутся снаряды, самолеты, люди. Снова ярость, огонь, смерть. Но Шевчук замечает в поведении немца и нечто другое: он маневрирует, едва уловимо для глаза "гуляет" по курсу. "Все, - подумал Шевчук, - это уже не боец. Он морально подавлен неудачей ведущего первой пары, который вполне вероятно был и ведущим шестерки".

И верно, самолеты разминулись, и немцы при этом даже не пытались стрелять. "Еще три-четыре секунды, - подумал Шевчук, - и мы свободны".

И это действительно так: три-четыре секунды. Такова арифметика встречного боя. Каждый летчик заранее запасается скоростью, чтобы после атаки в лоб молниеносным маневром выйти в заднюю полусферу противника, ударить прицельно, неотразимо.

Бой закончен. Третья пара Ме-109 уже позади. "Медлить нельзя", - " решает Шевчук и с ходу вонзает свой "миг" в облака. И зря. По этой причине чуть не погиб: не надо было торопиться. Следовало оглянуться назад, посмотреть, не отстал ли Рубцов. А он и в самом деле немного отстал и, увидев, что самолет Шевчука растворился на фоне облачности, решил пройти немного вперед: полет в облаках требует осторожности; не видя друг друга, можно столкнуться.

Пробив облака, Шевчук осмотрелся. Никого - ни Рубцова, ни немцев. Решил: "Сейчас Сергей подойдет". Снизившись на триста - четыреста метров, начал разведку фашистских войск.

Через минуту-другую вышел под облака и Рубцов. Увидел канал, Яхрому. Значит, ведущий где-то южнее, наверное, там, где они встретили пару Ме-109 до боя. Он развернулся и, чувствуя смутное беспокойство за друга, заторопился туда. И надо сказать, своевременно.

Сергей увидел три самолета и сразу понял трагизм ситуации. "Миг" виражил с незначительным креном вправо, а сзади, подрезая ему маршрут, заходил в атаку Ме-109; второй, оттянувшись назад, прикрывал...

"Успею", - подумал Рубцов и с ходу пошел в атаку на "мессера", что заходил в хвост Шевчуку...

Командный пункт. Писанко ходит нетерпеливо глядит на

часы. Все остальные Киселев, Акимцев, Томилин - сидят. Здесь же новый начальник штаба Константин Иванович Морской: Топтыгин уехал в другую часть. Вообще-то Морской не новый для нас человек. Мы познакомились с ним в Клину. Он служил в авиационно-технической части, обслуживающей наш полк, командовал там ротой связистов. Спокойный, солидный, немного хмурый мужчина. В начале войны он был назначен начальником штаба вновь сформированного 121-го полка, успел повоевать под Ленинградом, а теперь прибыл сюда, в 120-й авиаполк.

Открывается дверь, входят Шевчук и Рубцов.

- Докладывайте!..

- Во время разведки встретили группу немецких истребителей, одного подбили вместе, другого сбил Рубцов...

- Шевчук, не испытывай терпение старших, - басит командир полка, - доклад разведчика должен быть лаконичным. Понятно?

- Понятно. Немцы отходят!

Писанко берет телефонную трубку. Звонит.

- Товарищ генерал, Шевчук и Рубцов подтверждают результаты первой разведки.

Сбытов молчит. Думает. И все понимают о чем. Он должен докладывать Сталину. Писанко тоже молчит. Ждет.

- Подождите, - слышится в трубке, - я позвоню в войска...

Проходит три-четыре минуты. А может, десять. Трудно сказать. И за это время люди не проронили ни слова. Даже не двигались. И вдруг телефонный звонок.

- Вы знаете, что сказала пехота? - Сбытов смеется. - Вы, говорят, белены объелись. Писанко тоже смеется. Спрашивает:

- Кого же имеют в виду: вас или нас?

- Нас, летчиков.

Фактически Сбытов еще ничего не сказал. Но и командир полка, и Рубцов, и Томилин, и все, кто находится здесь, на командном пункте, поняли, что он уже принял решение. И решение это бесповоротно. Оно звучало и в том, как он говорил и как он смеялся, обратив в безобидную шутку не особенно лестную фразу насчет белены...

- Будем бить, - говорит командир полка. - Или влипнем в историю, или попадем в нее.

- Не влипнем, - говорит генерал. - Бейте! Вылетайте полком. Поднимайте максимальное число самолетов!

Пришел! Пришел и на нашу улицу праздник. Мы идем штурмовать отступающих немцев. Как долго мы ждали этого дня! Дождались. Вижу, как "Чайки" звеньями, одно за другим, пикируют, бросают бомбы, "эрэсы". На земле мельтешат всплески огня, расстилается дым.

А мы прикрываем их, барражируем над полем боя, наблюдаем за воздухом. И конечно, небезучастно относимся к снующим неподалеку от нас "мессершмиттам". Мы зорко следим за ними, не даем приближаться к "Чайкам". Временами они подходят довольно близко, и мы идем им навстречу. Не дожидаясь, пока прояснятся наши намерения, вражеские истребители уносятся прочь, мелькнув в развороте крестатыми крыльями.

- Боятся, - комментирует Ганя.

- Еще бы, - неторопливо подтверждает Томилин, - чувствуют с кем дело имеют...

Ганя молчит, вероятно, ругая себя за случайное оброненное слово. Несколько дней назад, сопровождая штурмовиков на боевое задание, мы обнаружили "юнкерс". Это был разведчик. Не видя нас, он шел на параллельном курсе справа, не далее трех километров. Ганя не выдержал:

- Разрешите сбить, - бойко попросил он Томилина.

- Разрешаю, - согласился комэск.

Классическим разворотом Ганя отвалил от общего строя, пошел, разгоняя скорость. Мы наблюдали, как легким маневром он вышел в заднюю полусферу разведчика... "Немцу капут, - подумалось мне, - сейчас загорится или просто плюхнется в лес". Однако все получилось иначе. "Юнкере" неторопливо пошел к облакам, а Ганя - домой.

- Разбита маслосистема, - долбжил он дрожащим от стыда и ярости голосом. И едва дотянул до Центрального аэродрома.

Рубцов в течение нескольких дней буквально изводил Хозяинова. "Разрешите сбить!" - кричал он, довольно удачно копируя Ганю, и, растопырив руки, как крылья, по-ястребиному кидался на кого-нибудь из товарищей и сразу отскакивал, мастерски изображая получившего пинок человека.

- Артист, - безобидно улыбался Ганя. Но все же не выдержал, вспылил и чуть не разругался с Сергеем.

Более четверти века спустя после того полета Николай Александрович Сбытов (генерал-лейтенант авиации, начальник кафедры академии Генерального штаба, профессор) рассказал мне о дальнейших перипетиях дня - 5 декабря сорок первого года. Об этом мы, рядовые пилоты, тогда не знали, да и знать не могли.

После нашего первого вылета Сбытов позвонил командиру 6-го авиакорпуса генерал-майору авиации Климову: что вы, мол, выжидаете, надо бить фашистов. Климов ответил:

- Произведу доразведку, тогда и ударим. - И выслал разведчиков на самолете Пе-2.

Возвратившись, экипаж доложил: "Отход противника не

обнаружен". Сбытов позвонил нашему командиру полка. Тот, конечно, забеспокоился, но крепко стоял на своем:

- Странно. Я ведь сам наблюдал. Прежде, чем разрешить атаку, первым вышел на цель, первым ударил. Пусть уточнят, может, разведчик и не был в этом районе...

И верно, разведчик туда не дошел. Мы нанесли повторный удар, и Сбытов опять позвонил в авиакорпус. Снова на разведку вышел Пе-2, правда, уже другой. А 6 декабря с утра на фашистов обрушилась вся авиация. И удары ее слились с ударами войск. Кончилось нечеловеческое напряжение армии, стоящей на защите Москвы. Напряженное ожидание дня, когда будет дана команда "Вперед!" И вот приказ дан, солдаты поднялись, пошли. Местами враг даже не сопротивляется, поспешно оставляет населенные пункты. Даже поджигатели действуют не так, как раньше: запалят два-три дома с соломенной крышей - и бегут, боясь отстать от своих.

В районе, откуда враг начал отход, огромное кладбище немецкой техники. Это наша работа: артиллеристов, танкистов, летчиков штурмовой, бомбардировочной, истребительной авиации. На темном снегу чернеют остовы сгоревших немецких танков, бронемашин, силуэты разбитых пушек, безнадежно и тупо упершихся в землю навсегда онемевшими жерлами, валяются сброшенные в кюветы грузовики, застыли на дорогах легковушки с панически распахнутыми дверцами...

Вчера еще это было войной, вчера еще это двигалось, гремело, стреляло и убивало, а теперь валяется как хлам, ненужный, никчемный...

Брошена в глубоком снегу и совершенно исправная техника. То ли горючего нет, то ли застряла. Немцы бегут, бросая все, что мешает им отступать. Проходя бреющим, мы видели мертвых солдат на мертвых машинах... Пришло, наконец, возмездие. Страшное, но справедливое.

Победа! Первая победа, одержанная советским народом над гитлеровской армией, армией смерти и опустошения. И в эту победу внес достойную лепту и наш полк: летчики, техники, механики, младшие авиационные специалисты. Мои боевые товарищи.

Все собрались на митинг. Выступает батальонный комиссар Киселев.

- Товарищи! Военный совет Западного фронта в своем обращении к нам, красноармейцам, командирам, политработникам пишет:

"Наши войска от обороны перешли к наступлению. Несколько дней тому назад на Южном фронте разбита фашистская армия

Клейста. Теперь войска нашего фронта под Тулой громят танковую армию Гудериана...

В результате наступления на северном участке нашего фронта нашими войсками захвачены обратно Рогачев, Ольгово, Красная Поляна, десятки других населенных пунктов, и идут бои в Клину и за Солнечногорск. Многие дивизии противника окружены. Фашистские войска, направленные Гитлером для удара на Москву, дезорганизованы и отходят, оставляя на поле боя танки, орудия, автомашины, тысячи убитых, раненых и обмороженных.

Разгром немецких войск под Москвой - начало окончательного разгрома и уничтожения немецко-фашистской сволочи. Этот разгром начался! Мы должны его довершить!"

Перед строем стоит командир полка. Как обычно, в реглане, унтах. Необычна лишь серая шапка-ушанка - новая форма.

Синяя шинель и серая шапка - это, конечно, плохое сочетание, поэтому шапки носят пока только два человека в авиачасти - подполковник Писанко и я. Но по разным причинам: командиру надо показать пример подчиненным, а мне нечего больше надеть.

Несколько дней назад мы "покрутились" с группой Ме-109, и шлем-буденовку, находившийся в заднем отсеке кабины - за бронеспинкой, - вырвало воздушной струёй. Но Писанко не знает об этом, он думает, что я первым взял пример со своего командира. Глядя на меня, он тепло улыбается, и я перестаю жалеть о потерянном шлеме.

Но вот командир окинул взглядом весь полк и, слегка посуровев, стал говорить. И поплыла перед нами жизнь, полная невыносимо тяжелой работы, лишений, опасности. Первые неудачные схватки с врагом, первые жертвы, сданные врагу города. Но все не напрасно, все ради великой цели. Мы шли к ней долгие месяцы, шагали, оставляя в пути товарищей. И вот она перед нами, эта святая цель - первая в этой войне победа. Враг отступает.

- Спасибо вам, летчики и техники, - говорит Александр Степанович, спасибо от имени Родины, народа и партии. Вы храбро и умно бились с врагом, защищая родную Москву. Теперь задача другая - не дать фашистам уйти.

Перед строем - Коля Тетерин. Невысокого роста, плотный. Видно, решение выступить пришло не сейчас. Ему поручили, он подготовился, записал речь. Но бумажка запропастилась. Однако это не смущает Николая. Он махнул рукой, свел над переносьем упрямые светлые брови и стал говорить:

- Мы сделаем все для разгрома врага. Ни одного бесцельного

вылета! Ни одного отказа оружия, впустую выпущенного "эрэса", пулеметной очереди. Огонь только прицельный, только результативный. Пусть горит под ногами фашистов наша земля. Каждая схватка с противником - смерть для него.

Хорошо сказал. Здорово.

- Чему удивляетесь? Он же комсорг эскадрильи, считай, прирожденный оратор, - поясняет Аркаша Михайлов. - И записка ему не к лицу...

Тетерин улыбается, он понимает шутку.

Клятва Отчизне

Мы - гвардейцы! Это гордое, высокое звание; нам дала его Родина за защиту Москвы, за то, что бьем врага.

Я понимаю, нескромно хвалить себя. Но мы и не хвалим. Мы просто выполняем свой долг - гражданский, партийный и воинский. И Отчизна сказала спасибо присвоила высокое звание, наградила нас орденами за мужество, храбрость и военную доблесть.

Говорят, что одной из характерных черт военных людей является сдержанность. Это, пожалуй, верно. Но в данном случае сдержанность уступает место волнению молодых сердец. Зачем скрывать свои чувства, если я радуюсь и радость переполняет меня, если я счастлив и счастье не умещается в сердце! Мы разбили врага у ворот нашей столицы, он теперь покатился на запад. И больше не вернется сюда, мы в этом уверены.

Вчера у "Динамо" ко мне и Бочарову подошел старый рабочий, молча пожал нам руки и ушел. Это не первый раз. На каждом шагу мы слышим: "Спасибо, ребята!", "Спасибо, товарищи!", "Спасибо, сынки!" Мы видим слова благодарности в глазах каждого встречного. Даже, если он ничего не скажет, как тот, вчерашний. Разве это не радость?

Недавно мы были в Кремле. Михаил Иванович Калинин вручил нам - Томилину, Хозяинову, Дубовому, Сорокину, мне и многим другим - боевые награды. Разве это не счастье?

А сегодня, 28 марта, у нас самый торжественный день. Полк построили на рулежной дорожке - между штабами первой и второй эскадрилий. Перед нами летное поле, сзади - боевые машины, в небе - непрерывный гул самолетов: штурмовиков, бомбардировщиков, истребителей, летающих на боевые задания. Рядом со мной мои боевые друзья, отважные воины, ветераны полка: Виктор Матвеевич Томилин, Илья Бочаров, Ганя Хозяинов...

Перед строем полка стоят наши начальники: генерал-майор авиации Сбытов, бригадный комиссар Чернышев, бригадный

комиссар Орлов.

- Дорогие товарищи, - обращается к нам Орлов, - ваш 120-й истребительный авиаполк родился накануне войны, накануне тяжелых испытаний для Родины, для советского народа, для армии...

"И для каждого из нас", - думаю я и вспоминаю первую встречу с врагом, цепочку светлых дымков, несущих смерть моей "Чайке"; вспоминаю, как она уносилась к земле, все время забирая влево...

Я вспоминаю еще один день, еще один эпизод. Это было в конце ноября. Техника моего самолета Ивана Аникина назначили с повышением, а вместо него прислали механика. Сержант Николай Кацион оказался хорошим парнем, трудолюбивым, заботливым. Он недавно окончил военную школу и был несказанно рад, попав в боевую часть. Я сидел в готовности номер один, а механик стоял у крыла и о чем-то рассказывал, забавно пересыпая русскую речь украинским юмором. Вдруг он встрепенулся, кошкой бросился к баллону со сжатым воздухом, присоединенному к борту самолета.

- Запуск!

Это он подал команду. Я повернулся назад, глянул на лес. Над ним висела стена черных разрывов. Выше, с курсом, перпендикулярным нашей стоянке, приближались немецкие бомбардировщики: девятка "юнкерсов". Послышался свист. Он прорезался даже сквозь рев моторов. Справа, у плоскости моего самолета подпрыгнула и снова упала куча тяжелых зимних чехлов. "Странно, - мелькнула мысль, - чем же они бомбят? Машина цела, я - тоже".

Первым, прямо со стоянки, на взлет пошел Бочаров. Я устремился за ним секунду спустя, наблюдая его не слева, как обычно, а справа. "Юнкерсы" не стали нас дожидаться, сразу ушли в облака. Через пятнадцать - двадцать минут, когда над точкой собралось не менее ста истребителей, мы с Бочаровым пошли на посадку. Глянув на летное поле, я невольно поежился: начиная от стоянки моего самолета, через весь аэродром протянулась ровная, как стрела, полоса воронок, а рядом бежал двойной след колес моей машины.

- Ты родился под счастливой звездой, - сказал мне потом Бочаров. - Первая бомба, та, что попала в чехлы, но взорвалась. Вторая упала в десятке метров от первой, и тоже не взорвалась. Каждая по двести пятьдесят килограммов. Представляешь?

Я посмотрел на бетон рулежной дорожки и в окружении красных флажков увидел торчащий стабилизатор...

- Но это еще не все, - говорил Бочаров, - посмотри, как ты

взлетал. Воронка от бомбы, пожалуй, не безопасней, чем сама бомба. Подумать страшно...

Да, тяжело приходилось нам. Умения было немного, но стойкости, воли к победе, стремления биться с врагом у каждого хватало на пятерых. Первые неудачи, потери вызывали не страх, а ненависть, неодолимое желание драться с врагом, добиться над ним победы.

Вспоминаю, как не везло Шевчуку в самом начале. Даже на "миге". Несколько раз перехватывал Толя противника, а сбить не мог. Однажды, встретив "юнкере" в районе Волоколамска, преследовал его до самого Ржева. Вернулся на избитой машине, сел на последних каплях горючего.

- Сбил или не сбил? - спросил командир эскадрильи.

Толя нервно дернул плечом. Он видел, что немец вроде бы сунулся в лес, но ни взрыва, ни дыма не видел.

- Не сбил, - зло процедил он сквозь зубы, - но собью.

В другой раз видел, как говорится, своими глазами, что "юнкере" дымил, беспорядочно падал. А когда пробил облака вслед за фашистом, опять ничего не обнаружил.

- Толя, - говорил ему Бочаров, - если внизу болото, он же просквозил метров на сорок. Откуда же будет дым и огонь? Не может быть, чтобы фашист ушел. Можешь считать его сбитым.

Злой, недоступный в такие минуты, Анатолий слушал молча и завидовал Томилину, Бочарову, Михайлову, - многим, кто проявил себя активным воздушным бойцом, кого приняли в партию. Еще в сентябре, взлетев впервые на "миге", он сказал комиссару: "После первого сбитого подам заявление..." И вот неудача за неудачей. Он стал отважным штурмовиком, умным, находчивым, смелым разведчиком. Летая в паре с Рубцовым или Томилиным, прорываясь в тыл вражеских войск, добывал данные об их продвижении, об их силах и средствах. Во время разведок не раз приходилось отбиваться от вражеских истребителей, но Шевчук ни разу не видел, чтобы от огня его пулеметов загорелся, ударился оземь и взорвался вражеский самолет.

И все-таки такой день наступил. Это случилось 14 ноября 1941 года. Шевчук уничтожил "юнкерс". Бомбардировщик упал и взорвался недалеко от Сенежского озера. Это видели все. И Анатолий Шевчук стал коммунистом.

Вот какие они, мои боевые товарищи, комсомольцы и коммунисты. Храбрые, благородные люди. для которых защита народа и честь своего Советского государства превыше собственной жизни. Многие, очень многие остались на поле великой битвы, но ни один из них не поступился своей совестью, ни один из них не погрешил против себя до последнего удара

сердца. И сейчас они, точно живые, стоят вместе с нами. Плечом к плечу. В строю едином и монолитном. Константин Мидин, Михаил Артемов, Евгений Боровский, Сергей Максимов, Николай Стунжас, Павел Набатов, Иван Николаев, Петр Карамышев, Андрей Кравцов, Максим Кулак, Сергей Колесников, Петр Дядин, Петр Федотов, Анатолий Шевчук, Сергей Нечаев... Люди, стоявшие насмерть в жестокой битве с врагом, люди, утвердившие всей своей жизнью неукротимый победный порыв, высокий дух гвардии.

- Вам не легко досталась победа, вы потеряли лучших своих товарищей, говорит Николай Александрович Сбытов, - но вы здорово дрались. Ваши стойкость и храбрость - достойный пример многим воинам...

Да, мы били фашистов малыми силами, но победили. И Родина высоко оценила нашу работу. Мы стали гвардейцами. Летчики, техники, механики, младшие авиационные специалисты награждены орденами, медалями.

Мы, летчики, совершили огромное количество вылетов на боевые задания, но как работали техники - наши боевые товарищи! Они, участники боев за столицу, скупы в выражении чувств, скромны в оценке своей роли в этом величайшем сражении, но труд их в деле разгрома врага поистине героический. Они выпускали нас в воздух, встречали, готовили самолеты к повторному вылету; оставаясь на земле, сердцем и думами были с нами в бою. Нередко мы приходили домой на избитых "Чайках" и "мигах". Казалось, машины отлетали свое, но техники бережно уводили их под навес, разбирали и начинали ремонт... А какие это были ремонты! Люди работали ночью и днем, работали на открытых стоянках, в мороз и слякоть. И ни единого ропота, ни единой жалобы.

И сейчас они в гвардейском строю, с нами плечом к плечу. Федор Логунов и Петр Есиков, Иван Ермошин и Михаил Бурмистров, Иван Ванин и Георгий Анисин, Коля Борискин и Женя Будкин, Федя Стрельцов и Паша Тиосса, Ваня Буйлов и Вася Буров, Костя Чеботарев и Степа Печенюк, Ваня Аникин и Коля Гладыш, Исаак Бурганский и Степа Аленкин, Сережа Мальянц и Ваня Дмитриенко, Степан Воронюк и Георгий Кубалов, Вертебный и Бондарь, Мазуренко и Цымбал, инженеры Силко Петр Романович, Сухинин Иван Кузьмич, Драницын Михаил Ефимович...

Говорят, что цифры - это проза. Но цифры способны предельно ясно и лаконично рассказать о больших делах, а строки официального документа иногда звучат как гимн мастерству, патриотизму, отваге. За полгода мы совершили 4510

боевых вылетов, в том числе: на штурмовку - 1203, на разведку - 53, сопровождение штурмовиков - 108, прикрытие железнодорожных станций и перевозок - 623. Мы уничтожили: танков - 142, автомашин - 1388, орудий - 42, складов боеприпасов - 5, складов горючего - 4, бронемашин - 11, повозок с грузами и пехотой - 275, зенитно-пулеметных точек - 67, вражеских самолетов - 50...

Много ли это? Много. Особенно, если учесть, что наша победа - первая большая победа в этой войне, а первым всегда тяжело. Мы мужали в воздушных боях, мастерство обретали в штурмовках, закаляли волю в неравных смертельных схватках.

Я вспоминаю, как немцы бомбили Центральный аэродром, как караулили нес в районе Истры, как избивали Михайлова, преследуя его до самых окраин столицы. Теперь они далеко. "Мессершмитты", "юнкерсы", "хейнкели" отошли на запад и юг вместе со своими войсками.

И все-таки это не главное, что они отошли. Главное в том, что мы стали другими - опытными, зрелыми. Раньше мы дрались малыми силами. Дрались... Теперь побеждаем. Мы научились поддерживать наши войска на поле боя и взаимодействовать с ними, находить резервы противника и успешно громить, уничтожать вражеские самолеты на земле и перехватывать и сбивать в воздухе.

Мы шагнули вперед и в развитии техники боя: отказались от группы, состоящей из трех самолетов и перешли к паре - небольшой, но высокоманевренной группе. Защищая Москву, мы дрались за господство в воздухе и здесь, под Москвой, завоевали его. Впервые во время войны вырвали у врага инициативу в воздухе.

Да, мы стали другими. Мы чувствуем себя победителями. А как себя чувствуют немцы, об этом свидетельствует недавний воздушный бой.

Восьмерка МиГ-3 во главе с лейтенантом Рубцовым прикрывала войска в районе Медыни. Появилась пятерка немецких бомбардировщиков До-215 в сопровождении восьми "мессершмиттов-110". Вполне очевидно, Ме-110, помимо сопровождения, имели задачу штурмовать наши войска. Иначе, зачем бы такой огромный наряд истребителей?

Рубцов это понял сразу - мы научились разгадывать замыслы гитлеровских летчиков - и, разделив свою группу на две, одну направил на Ме-110, а сам пошел на "дорнье". Схватка была очень короткой. Потеряв три самолета, противник поспешно оставил поле воздушного боя.

И еще одна схватка. Наша четверка - Глебов, Хозяинов,

Чурмантаев, Сорокин - прикрывала станцию Гжатск. Появилась большая группа Ме-109. Вероятно, им предстояло расчистить небо до подхода своих бомбовозов. Обнаружив противника, Сорокин сразу пошел в атаку и сбил один истребитель. Другие хотели взять его в "клещи", но увидев, что он не один, что в хвост им заходят три краснозвездных машины, сразу ушли в облака. В этот момент подошла девятка фашистских бомбардировщиков, и наши с ходу пошли в лобовую атаку. Не выдержав натиска, немцы поспешно сбросили бомбы и тоже ушли в облака.

Мы стали умелыми, стойкими, закаленными. Это помогло нам победить, выиграть первое с начала войны большое сражение. Мы упорно и трудно шли к этой победе, мы отступали, теряли товарищей. Но теперь все изменилось. Победа нас окрылила, она позволяет мечтать о новых победах, и о самой большой, завершающей. Она позволяет мечтать о зеленом солнечном мире, из которого мы ушли в июне прошлого года, запомнив его голубое чистое небо и утреннюю тишину, но не осмыслив ее опытом страданий, потерь. И этот довоенный, теперь осмысленный, мир кажется во сто крат дороже и лучезаранее, и мы пойдем к нему, не жалея ни крови своей, ни жизни.

За время жестоких боев, не утратив в себе прежний мир юности, мы повзрослели на годы и годы. Мы узнали, что война - не только страдания, кровь и смерть, но это еще и взлет человеческого духа, это гордость победы над унизительным страхом смерти, это радость победы над врагом. Мы узнали, что жизнь в военное время и прочна и хрупка, что солнце может погаснуть, не дойдя до зенита, если сердце пронзит фашистская пуля, что холодная серая облачность может стать тебе другом, потому что укроет тебя в минуту опасности, а теплое яркое солнце - врагом, потому что откроет тебя неприятелю в самый острый момент обстановки.

Дни отступлений, боев и контрнаступлений были жестокой школой. Нашим классом было не мирное небо, а небо войны. Нашим противником был не взятый в кавычки недруг, а самый реальный враг. Атака завершалась не снимком на фотопленке, а пулеметно-пушечным залпом. И мы, не утратив душевности и чистоты, обрели неиссякаемое чувство ненависти. Это чувство вошло в наш боевой арсенал, как один из видов оружия.

Я смотрю на гвардейское знамя - символ воинской чести, доблести, славы. Под порывами свежего ветра расправляются складки тяжелого шелка, золотом загорается новое имя полка: "12-й Гвардейский"...

Писанко с нами нет - умные, волевые люди быстро растут в должностях и в воинских званиях; он теперь инспектор Военно-

Воздушных Сил и получил недавно "полковника". У нас теперь другой командир - майор Маренков. Я вижу, как он принимает гвардейское знамя, целует пурпурный шелк и, встав на одно колено, произносит гвардейскую клятву.

- Родина! - говорит майор Маренков, и строй коленопреклоненных бойцов повторяет: - Родина! Получая гвардейское знамя, завоеванное в жестоких битвах с фашистскими ордами, мы, гвардейцы, будем достойны этого почетного звания и даем нерушимую клятву беспощадно уничтожать врага, овеять наше гвардейское знамя новыми подвигами в борьбе за честь, независимость и свободу советского народа...

Мы даем гвардейскую клятву.

Мы клянемся Отчизне.